

А Н Т О Н П Е Р В Ч Ш И Н

ГРААЛЬ И СВАСТИКА

Р Е Л И Г И Я Н А Ц И З М А

А М О Р А

Т А Й Н Ы И С Т О Р И И

Annotation

В книге рассказывается о поисках древней традиции, которая должна была стать основой государственной религии Третьего рейха. Попытка соединить литературные утопии, оккультизм, эзотерику, мифологию и христианство привела к чудовищным последствиям.

- [Антон Первушин](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Древний мир](#)
 - [Тайные учителя](#)
 - [Возвышение арийцев](#)
 - [Основатель ариософии](#)
 - [Новые тамплиеры](#)
 - [Расизм как вера](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Оккультный революционер](#)
 - [Черное рыцарство](#)
 - [Ритуалы СС](#)
 - [«Наследие предков»](#)
 - [Мистика Туле](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Оккультная археология](#)
 - [Копье Судьбы](#)
 - [Тайна Грааля](#)
 - [Черное Солнце](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Легенда о Шамбале](#)
 - [Три путешествия Эрнста Шефера](#)
 - [Тибетологи в «Аненербе»](#)
 - [«Тайны Тибета»](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Нацистская техномагия](#)
 - [Гуманитарный фронт](#)
 - [Послесловие](#)

- [Библиография](#)

Антон Первушин
Грааль и свастика. Религия нацизма

© ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Предисловие

Призрак фашизма

Сегодня мир переживает новый кризис: в политике, в экономике, в культуре. Ранее благополучные страны сотрясаются от войн, революций, мятежей. Люди быстро привыкают к насилию на экранах и в жизни, оправдывая происходящее необходимостью борьбы за государственные и национальные интересы и не понимая, видимо, что мировой пожар способен уничтожить любого, вне зависимости от его социального положения, прежних заслуг, личных качеств. Так уже было, так еще будет.

Подмечено, что именно в такие периоды максимально активизируются поиски альтернативных опор для личного бытия, новых духовных смыслов и ценностных доминант – всего того, что культуролог Михаил Эпштейн метко назвал «бедной религией» или «верой без вероисповедания». Не было бы беды, если бы люди в своих поисках приходили в традиционные церковные институты (да, при всех известных недостатках такие институты работают в правовом поле и выполняют весьма полезную общественную функцию), однако именно социализированность Церкви, ее желание и умение играть по актуальным правилам часто отталкивают ищущих. Важный вопрос: отталкивают куда? Тот же Михаил Эпштейн в своих работах, посвященных «бедной религии», дает довольно широкую палитру: от шаманизма до оккультизма, от сатанизма до космизма, от саентологии до уфологии.

Путь в сумерки разума прост и зачастую приятен, он почти не требует усилий. Достаточно лишь следовать наставлениям доброжелательного гуру, соглашаясь с картиной мира, которую тот дает. При этом практически всегда, без исключений, гуру пообещает награду, которая ждет в конце пути и которая станет одним из возможных решений всех накопившихся проблем. И трудно обыкновенному человеку устоять перед искушением, особенно если критичность у него занижена, а привычный мир рушится под ударами жестоких и непредсказуемых событий. Случается, что не способны устоять даже воцерковленные люди, которых от подобных заблуждений должны оберегать духовные пастыри. И тогда возможно появление любых химерических мировоззрений, в которых все поставлено с ног на голову: логика заменена впечатлением, чувство ответственности – надеждой на чудо, здравый смысл – слепой верой.

Описываемый процесс не страшен, если в него вовлечены отдельные люди или небольшие группы маргиналов. Но он может превратиться в чудовищный кошмар, когда по воле исторического стечения обстоятельств в него оказывается втянуто население целого государства. Самый яркий и болезненный для всех нас пример – Третий рейх.

О том, что мировоззрение рядового немца в первой половине XX столетия претерпело серьезные (почти фундаментальные) изменения, написано очень много. Детально проанализированы идеология, мифология и пропаганда национал-социалистического движения. Изучены истоки и корни гитлеровской утопии. Вызваны из забвения имена предтеч немецкого фашизма. Даны соответствующие оценки деятельности нацистских бонз, стравивших европейские народы и устроивших подлинный геноцид на оккупированных территориях. Однако чем больше читаешь книги, посвященные предыстории и истории Третьего рейха, тем больше понимаешь, что даже сегодня ни один из живущих народов не застрахован от заражения старой болезнью на новой национальной почве.

В этой книге мы поговорим только об одном направлении деятельности нацистов – о поисках древней традиции, которая должна была стать основой государственной религии Третьего рейха. В этой религии не было места «мягкотелому» христианству, посему на начальном этапе была подвергнута ревизии сама библейская история, а за ней – история крещения Европы. Создавая и развивая неомифологическую систему, по сути своей отрицающую культурные достижения современности, гитлеровцы вольно или невольно возрождали варварскую архаику с ее инфантилизмом, примитивизмом и обязательной иррациональностью.

У братьев Стругацких в знаменитой повести «Трудно быть богом» можно встретить очень точный аллегорический образ культурного прогресса – анизотропное шоссе. Двигаться по нему можно только в одну сторону. Если пойти в противоположную, под «кирпич», то неизбежно наткнешься на апофеоз бесчеловечности – на скелет, прикованный к пулемету. Попытки упростить сложные человеческие отношения, свести к минимуму многообразие представлений о мире, навязать единственное видение прошлого и будущего всем живущим поколениям – это и есть движение назад, под «кирпич».

Нацистский эксперимент, к счастью, провалился. Однако, осмысляя его итоги, легко увидеть, что тяга к возрождению архаики, к «консервативной революции» все еще сохраняется в настоящем. Призрак «обыкновенного фашизма» продолжает бродить по Европе, соблазняя

слабые души мнимой красотой простых решений, внушая надежду на спокойное богатое будущее, в котором сегодняшней неопит займет особое место. Мы всесторонне изучим противоречивый идеологический сплав между палеофантастическими гипотезами и технократической утопией, созданный нацистскими визионерами. Мы узнаем, с какой целью гитлеровцы отправляли секретные экспедиции в отдаленные районы планеты. Мы расшифруем значение древних реликвий и символов, которым они поклонялись. Мы заглянем за изнанку нацистского мировоззрения, чтобы найти там прячущихся чудовищ и научиться распознавать их присутствие в современном культурном пространстве.

Надеюсь, что это путешествие в прошлое окажется полезным и уберезет вас от очарования эстетикой нацизма.

Глава 1

Религия Гитлера

Древний мир

Что можно узнать о Древнем мире из книг Елены Блаватской?

По ее мнению, история человечества началась триста миллионов лет назад, когда на несокрушимой священной земле астральная матрица, сотканная из чистой энергии, начала превращаться в грубую двуполую тварь. Трудный переход из энергетического состояния в материалистическое занял целую геологическую эпоху и в конечном итоге, за пять миллионов лет до нашей эры, породил могущественных созданий, которые ныне известны как атланты.

Атланты населяли материк в Атлантическом океане (более древний, чем Европа) и были самыми настоящими гигантами – их рост составлял от шести до восьми метров. Они владели удивительными знаниями, доставшимися им в наследство от предыдущих рас. Знания бережно сохранялись жреческим сословием атлантов, обитавшим в пирамидальных храмах, построенных по всей Земле.

Восемьсот пятьдесят тысяч лет назад случилась глобальная катастрофа: материк атлантов, к тому моменту расколовшийся на две части (Рута и Даитья), погрузился в пучины океана примерно в то же самое время, когда произошло поднятие Северной и Южной Америк. Впрочем, жрецы, которые с помощью специальных ритуалов могли заглядывать в будущее, спасли значительную часть населения, и атланты покинули тонущий континент, расселившись по миру.

Постепенно их раса приходила в упадок, уступив место под солнцем молодым и деятельным арийцам. «Новые люди» появились двести тысяч лет тому назад, были мельче и энергичнее, поэтому успешно заселяли свободные территории. Их первая цивилизация возникла в Азии, а лучшие представители арийцев были учениками выдающихся атлантов. Со временем они получили от атлантов сокровенное знание, включая методики управления астральной энергией, которая дает слабому человеческому существу возможность, обходясь без всякой техники, строить и уничтожать города, летать по воздуху и ходить по водам. Кроме того, арийцы унаследовали наиболее ценные науки: алхимию, астрологию, минералогию, геологию и физику. С помощью особых церемоний, называемых мистериями, знания атлантов передавались из поколения в поколение, делая избранных молодых людей могущественными магами, способными одним усилием воли преобразовывать Вселенную.

Повзрослев как раса, арийцы начали войну с атлантами. Им же довелось стать свидетелями исчезновения древнейшего народа, когда одиннадцать тысяч лет назад в пучину погрузился последний остров атлантов Посейдонис. Сокровенное знание, однако, сохранилось – им владело сословие королей-жрецов, создавших цивилизацию Египта около восьмидесяти тысяч лет назад. Уцелевшие после гибели Посейдониса атланты заложили несколько колоний в труднодоступных районах Земли и даже в космосе. Некоторые из этих колоний существуют по сей день, но проникнуть в них способны только избранные – те, кого адепты древнего учения считают достойными, чтобы пройти мистерии и узнать правду о великом прошлом. Время от времени наследники атлантов ищут и находят достойного человека с целью поручить ему почетную миссию – рассказать миру о том, что они существуют и продолжают сохранять память о прошедших эпохах, чтобы донести ее до вождей арийской расы, которые в будущем покорят весь мир.

Тайные учителя

Все, что вы прочитали выше, похоже на бред заигравшегося фантаста – настолько изложенные сведения разнятся с современными представлениями об эволюции биосферы и теориями о происхождении человечества. И все же миф о древних цивилизациях, которые когда-то правили миром, используя для этого магию и сверхъестественные способности, живуч как никогда. Ведь куда приятнее думать о себе как о потомке божественного народа, унаследовавшем мудрость тысячелетий, чем как о звереныше – выкормыше грязной обезьяны.

Понятно, что до начала XIX века нужды в подобном мифе не было – монотеистические религии подчеркивали Божественное происхождение человека, сотворенного «по образу и подобию». Однако в XIX веке позитивизм, получивший развитие в естественных науках, стал претендовать на место главенствующего мировоззрения в странах Европы и Америки. Достижения ученых, поставивших на службу людям энергию пара, были очевидны, а Церковь на этом фоне не могла предложить чего-то нового молодым пытливым умам и невольно выступала как тормоз ускоряющегося прогресса. Запреты на получение современного образования и публичные суды над теорией Дарвина только распалили молодежь, которая массово уходила в позитивизм и, самое главное, в материализм.

Именно в XIX веке стали возникать теории, которые были призваны увязать одно с другим: идеалистическое восприятие с естествознанием, открытия физиков с мистическим озарением. И первое, что напрашивалось, – предположение о существовании в глубокой древности цивилизации, которая создала науку, опирающуюся не на материализм, а на более глубокое познание Вселенной. Такое предположение удачным образом накладывалось на поиски «начала всех начал», которыми в те времена увлекались не только теологи и философы, но и авторитетные ученые. Различные авторы писали многотомные труды, где излагались основы проторелигии, из которой выросли все религии, основы протонауки, из которой возникли все науки, протоязыка и протокультуры, от которых за тысячелетия отпочковались все известные языки и культуры. По мнению искателей пресловутого «начала», обретение единого источника истины могло стать ключом к величайшей тайне мироздания. Однако в реальности все эти труды были слишком субъективны и

тенденциозны, чтобы претендовать на звание научных работ. Теории биогенеза и антропогенеза находились в зачаточном состоянии, а впоследствии неоднократно пересматривались, поэтому в XXI веке они воспринимаются как палеофантастика – вымысел, порожденный дефицитом информации.

Палеофантастической от начала до конца была и книга эзотерического гуру Елены Блаватской, из которой я почерпнул вышеприведенную реконструкцию мира под правлением Атлантиды.

Елена Петровна Блаватская (фон Ган) родилась 31 июля (12 августа) 1831 года в городе Екатеринославе. Ее отец принадлежал к роду наследных Макленбургских принцев фон Роттенштерн-Ган, а мать была внучкой князя Павла Васильевича Долгорукого. Хотя Елена Блаватская не имела академического образования, она была достаточно умна и начитанна. К примеру, прекрасно разбиралась в священных текстах Востока.

В отличие от сторонников монотеистических религий, индуисты и буддисты поклоняются пантеону божеств, каждое из которых исполняет особую роль в «мировом плане». Центральной чертой их религиозной практики является понятие адептства (на санскрите «адепт» – «махатма»), ведущее родословную от первобытной субкультуры шаманизма. В рамках этого понятия считается, что любой человек может добиться огромной сверхъестественной власти посредством тренировок и преданности поставленной цели.

Следуя запросам общества и пытаясь найти свою нишу в мире оккультистов, расплодившихся к середине XIX века в большом количестве, Блаватская решилась на довольно рискованную акцию – учредила Теософское общество. Оно было основано в 1875 году в Нью-Йорке с целью «образовать ядро Всемирного Братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания», исследовать неизученные законы природы и скрытые способности человека на основе синтеза духовных достижений Востока и Запада.

Само слово «теософия» означает «богопознание». Когда-то оно использовалось эллинами, понимавшими под ним науку познания воли богов и судьбы. В интерпретации Блаватской оно было лишь новым названием эзотерики. Сами теософы определяют свое учение в следующих словах: «Существует два вида знания: низшее и высшее. Все то, что может быть преподано одним человеком другому, вся наука, все искусство, вся литература, даже Святые Писания, даже сами Веды – все это было причислено к формам низшего знания. Высочайшее знание – это познание Единого, зная которого познаешь все. Познание Его и есть Теософия. Это и

есть „познание Бога, являющееся Жизнью вечной“».

Непосредственным источником идеи существования особого «высочайшего» знания стали книги английского барона-романиста Эдварда Бульвер-Литтона, творчество которого Елене Блаватской было хорошо известно. Сам Бульвер-Литтон среди своих сочинений особенно ценил романы «Занони» (1842), «Странная история» (1862) и «Грядущая раса» (1872), пропитанные духом оккультизма. Он хорошо разбирался в трудах алхимиков и неоплатоников, был знаком с работой современных ему спиритических обществ и кружков. В его фантастических историях научное знание сочетается с древней магией, а яркое воображение – с талантом беллетриста. Из этих составляющих складывается образ персонажа, владеющего «великой тайной». По мнению Бульвер-Литтона, магия и наука являются способами достижения власти над миром, но наука доказуема, а магия – нет. Будучи осторожным скептиком, не верившим в реальность большинства сверхъестественных феноменов, Бульвер-Литтон тем не менее соглашался с мыслью, что рано или поздно наука подтвердит притязания оккультистов на управление экстрасенсорным восприятием и ясновидением.

В качестве примера можно рассмотреть знаменитый роман «Грядущая раса», изданный за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Персонаж романа случайно попадает в подземный мир, где находит цивилизацию прекрасных существ, называющих себя Ана и научившихся использовать высшую энергию вриль, которая пронизывает все сущее.

Действием вриля в одном случае <...> они могут влиять на изменения температуры, или, просто говоря, на перемену погоды; в других его применениях, посредством научно построенных проводников, они могут оказывать такие влияния на ум человека, на всякое проявление животной и растительной жизни, которые по результатам не уступят самым причудливым фантазиям вымысла. Все эти разнообразные проявления физической энергии известны у них под именем вриля.

Бульвер-Литтон прямо пишет, что обретение могущества через вриль связано с продолжительными медитациями и телепатией. При этом барон неустанно подчеркивает: научное изучение сверхчувственных способностей разумного существа (жителей подземелья по большому счету нельзя назвать людьми) откроет перед цивилизацией невиданные перспективы.

Примечательно, что раса Ана ведет свое происхождение от народа, который когда-то жил на поверхности земли, но был вынужден скрыться от наступающего потопа. Разумеется, эти существа (очевидно, атланты) принесли с собой в подземелья древнюю науку и древнюю традицию. Память о великом прошлом позволила им создать своеобразную утопию. В их обществе полностью ликвидирована бедность. Обретение силы вриля отменило войны, поскольку любой ребенок мог уничтожить самую мощную крепость; и враждующим семьям пришлось вырабатывать правила, по которым они (ребенок с крепостью) могут жить в мире. Мощный социальный запрет на убийство повлек за собой повальное вегетарианство. Отказ от прямого физического насилия низвел государственную власть до обслуживающего института, который используется семьями только для решения глобальных проблем (например, обеспечение светом, что в подземельях жизненно важно). Преступности нет, а потому нет нужды в судебной и исправительной системах. В семьях главенствует принцип: «Оставайся с нами или уходи, если тебе не подходят наши обычаи и порядки». В отсутствие государственного диктата «каждый занимался излюбленным им делом и жил сообразно своим склонностям, не возбуждая ничьей зависти или стремления превзойти его».

Страсти, раздирающие человеческое общество, совсем незнакомы Ана. Они не конфликтуют, не пытаются конкурировать друг с другом, предпочитая покой и созерцательное отношение к жизни. Казалось бы, при таком укладе подземный народ не может представлять опасности для обычных людей. Однако сила вриля защищает Ана от любых невзгод, включая нападение диких зверей и природные катастрофы, а значит, при столкновении с нами она будет использована для уничтожения человечества. И противопоставить магическому оружию нечего: специальные жезлы, концентрирующие и направляющие вриль, способны стереть противника в порошок на расстоянии «в 500 и 600 миль». Со своей стороны человечество не сумеет применить вриль для войны против Ана, поскольку требуются тысячи лет тренировок с передачей навыков последующим поколениям, чтобы только приблизиться к овладению невиданной энергией. По утверждению одного из подземных жителей, для уничтожения всех земель достаточно объединенной мощи шести местных детей.

Таковыми и подобными фантазиями вдохновлялась Елена Блаватская при создании своего фундаментального труда «Тайная доктрина (Синтез науки, религии и философии)», который увидел свет в 1888 году. Вряд ли это огромное сочинение, написанное на плохом английском языке, привлекло

бы внимание читающей публики и смогло бы сохраниться в культурном наследии, если бы Блаватской не удалось собрать в единую (хотя и весьма путаную) систему новейшие гипотезы того времени о природе и эволюции Вселенной. Сегодня очевидно, что взгляды Елены Петровны были ошибочны, но некоторые из популярных теорий конца XIX века не опровергнуты до сих пор и поэтому вызывают острый интерес у публики. К примеру, Блаватская была одним из первых авторов, заявивших о внеземном происхождении человеческой цивилизации, во что продолжает верить большое количество людей. Она же обратила внимание европейцев на древние индийские эпосы, в которых при определенном прочтении можно и впрямь найти упоминания о великих учителях, обладавших сверхъестественными способностями и принесших культуру диким людям.

«Тайная доктрина» представляет собой комментарии к сакральному тексту «Станцы Дзиан», который автор якобы видела в подземном гималайском монастыре. На основании этого маловразумительного текста дается описание «божественной» деятельности, как ее представляла себе Елена Петровна, от сотворения мира до его неизбежного конца. Примечателен «научный» метод Блаватской, о котором она пишет с милой непосредственностью начинающего публициста:

Одним из величайших и, может быть, самым серьезным возражением против достоверности этого труда и доверия к нему послужат предварительные Станцы. Как могут быть проверены утверждения, заключенные в них? Правда, что большая часть санскритских, китайских и монгольских трудов, упомянутых в настоящих томах, известна некоторым востоковедам, тем не менее главный труд, откуда взяты Станцы, не имеется в европейских библиотеках. КНИГА ДЗИАН (или ДЗАН) совершенно неизвестна нашим филологам, или, во всяком случае, они никогда не слышали о ней под данным наименованием. Это, конечно, большой ущерб для них, кто следуют в своих изысканиях предписанным методам официальной науки, но для учеников Оккультизма и для всех истинных оккультистов это не имеет большого значения.

Получается, что Елена Петровна просит довериться ей и ее интерпретации священных текстов, не вникая в детали и не требуя явных доказательств существования этих текстов для верификации и альтернативной расшифровки. Как мы увидим в дальнейшем, к такому или подобному «научному» методу прибегали практически все оккультисты XX века, включая авторов «гитлеровской религии».

Первый том «Тайной доктрины», названный «Космогенезис», охватывает собой общий план, в соответствии с которым единый Бог дифференцирует себя в многообразии мыслящих существ, постоянно заполняющих мир. Творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов (эволюционных циклов). В первом круге мир подчиняется власти огня, во втором – воздуха, в третьем – воды, в четвертом – земли, в прочих – эфира. Такой порядок отражает постепенное удаление мира от божественной милости в первых четырех кругах и его искупление – в следующих трех.

Елена Блаватская иллюстрировала стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами: треугольниками, трискелионами и свастикой. Этот последний символ был настолько популярен в XIX веке, что Блаватская включила его в проект официальной печати Теософского общества. Интересно, что концы свастики Елены Блаватской загнуты по часовой стрелке (в правую сторону), и такая же форма древнего символа хорошо известна по документам Третьего рейха. Именно эту свастику выбрали нацисты в качестве своего основного символа. Однако если гитлеровцы считали свастику знаком «динамичного возрождения», то Блаватская понимала под ней символ «падения человека в материю».

Во втором томе, названном «Антропогенез», Елена Петровна предприняла попытку увязать историю человечества с эволюцией мироздания. Блаватская сопровождала свою циклическую концепцию утверждением, будто бы каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных «коренных» рас: в первом – четвертом кругах расы испытывают упадок духовного развития, отдаваясь во власть материальному миру, в пятом – седьмом кругах расы поднимаются к свету.

Согласно Блаватской, подлинная «человечность» в ее материальном воплощении может быть обретена только пятой коренной расой, которой названа арийская раса. Ей предшествовали соответственно: астральная раса, возникшая в невидимой и священной земле; гиперборейцы, жившие на исчезнувшем полярном континенте; лемурианцы, процветавшие на континенте в Индийском океане; раса жителей Атлантиды, погибшая в результате глобальной катастрофы.

Как легко догадаться, теория коренных рас также была позаимствована Блаватской – у более раннего автора, французского драматурга-мистика Антуана Фабра д'Оливе, описавшего похожую схему в фундаментальном труде «Философская история человечества» (1824). Задолго до основательницы Теософского общества француз увлекся восточной

эзотерикой, однако желание упростить сложные космологические концепции, заложенные в индуизме и буддизме, сыграло с ним злую шутку: кажущиеся пробелы он заполнял за счет пылкого воображения, не стесняясь выстраивать целые концепции на созвучии слов и сходстве символов.

Обращает на себя внимание четко выраженный расовый акцент, проступающий в «Тайной доктрине». Хотя из текста можно вынести вполне ясное соображение, что под расами Елена Блаватская понимала не антропологические типы, а ступени развития, через которые проходят все человеческие души, эволюционируя в материальном мире посредством повторяющихся воплощений (инкарнаций) от чистой астральной матрицы (первая коренная раса) к высшему энергетическому существу (седьмая коренная раса), Елена Петровна не удержалась от того, чтобы не составить собственную иерархию народов в духе бытового расизма:

Человечество ясно делится на Богом-вдохновенных людей и на низшие существа. Разница в умственных способностях между арийскими и другими цивилизованными народами и такими дикарями, как, например, островитяне Южного моря, не объяснима никакими другими причинами. Никакое количество культуры, никакое число поколений, воспитанных среди цивилизации, не могло бы поднять такие человеческие образцы, как бушмены и веддха с Цейлона и некоторые племена Африки, на тот умственный уровень, на котором стоят арийцы, семиты и так называемые туранцы. «Священная Искра» отсутствует в них, и лишь они являются сейчас единственными низшими расами на этой Планете, и, по счастью, – благодаря мудрому уравновесию Природы, которая постоянно работает в этом направлении, – они быстро вымирают.

То, что вдохновенные индусы, премудрые тибетцы и пресвященные европейцы вымирают ничуть не хуже африканцев и островных аборигенов из-за отсутствия внятных представлений о механизмах возникновения и распространения вирусных заболеваний, Елену Блаватскую, похоже, не волновало – важнее для нее было показать, что не все народы одинаково ценны. Получается, что Блаватская поддерживала идею «духовного расизма», согласно которой некоторые расы духовно превосходят остальные. Кстати, семитскую расу (особенно арабов, но также и евреев) она называла «духовно деградировавшей», хотя и достигшей совершенства в материальном аспекте бытия.

Помимо расовых акцентов, теософия также подчеркивала принцип

элитаризма. Елена Блаватская претендовала на безусловный авторитет, определяемый ее местом в оккультной иерархии. В своих рассказах о предыстории человечества она также часто ссылается на выдающуюся роль элитарных священников коренных рас прошлого. Так, когда лемурианцы погрязли во зле и пороке, только «избранные» остались чисты духом. Впоследствии они составили лемуру-атлантическую династию королей-жрецов, обитающую в легендарной стране Шамбала в пустыне Гоби (раньше, по мнению Блаватской, там был роскошный остров).

Несмотря на безграмотную аргументацию и публицистическую наивность, «Тайная доктрина» сделалась очень популярной. Объясняется это смутным обещанием высокого оккультного посвящения, просвечивающим сквозь бесчисленные заимствования из древних эпосов и за цитатами из вымышленных апокрифов. Теософия предлагала привлекательную смесь из подзабытых религиозных идей и новых для того времени научных концепций.

И все же суть «Тайной доктрины» не меняется от того, как мы ее интерпретируем. Ведь в сущности, за палеофантастическими реконструкциями Елены Блаватской ничего не стоит, кроме домыслов и непомерного самомнения автора. Можно было бы и не обсуждать ее гипотетические построения, однако теософия оказала довольно значительное влияние на формирование мировоззрения тех, кто уже в XX веке попытался воплотить арийскую утопию в жизнь.

Возвышение арийцев

Почему же арийцы вызвали столь пристальный интерес эзотериков XIX века? Почему именно им Елена Блаватская отдавала предпочтение как коренной расе современного эволюционного этапа? Оказывается, в этом тоже нет случайности. У арийского мифа есть свои корни, взошедшие на гремучей смеси из научных данных и палеофантастических гипотез.

В конце XVIII века европейские лингвисты сделали неожиданное открытие. В различных языках, которые исторически вроде бы никак не связаны между собой (немецкий, кельтский, персидский, греческий, индийский), обнаружилось определенное сходство. Выявленную лингвистическую общность назвали «индоевропейскими языками». На основании открытия была выдвинута гипотеза, что некогда существовал единый протоязык, носителем которого являлась крупная этническая группа. С этого момента стали возникать многочисленные (зачастую дилетантские и сумасбродные) теории о «индогерманцах», распространивших свою культуру по всей Евразии.

Немецкий лингвист Фридрих Шлегель обнаружил в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях и о священной горе Меру, которая располагалась в районе полюса. На основании изученных текстов нельзя было понять, является ли описание Севера поэтической метафорой или доказательством конкретных контактов с северными народами. Однако, следуя напрашивающемуся объяснению, Шлегель решился соединить разнородные сведения в единую теорию. В труде «Исследование по языку и философии индийцев» (1805) он предположил, что индийский язык – «самый древний из развитых языков», а следовательно, самый близкий «к первоначальному языку, из которого произошли все остальные». В том же труде он предложил термин «арии» для обозначения непобедимых завоевателей, спустившихся с Гималаев, чтобы колонизовать Европу.

В 1819 году Фридрих Шлегель впервые употребил слово «ариец» – название этнической группы, в которую, согласно его интерпретации, входили германцы и индийцы. Вообще арийцев упоминал еще Геродот, но Шлегель объявил корень «ари» этимологически родственным слову «честь», вследствие чего возникло представление об арийцах как аристократической «расе господ». Однако следующий шаг в развитии оригинальной теории сделал не Шлегель (он вообще полагал, что арийское

племя больше осваивало Азию, а не Северную Европу) – его ученик Христиан Лассен противопоставил «комплексный талант» арийцев низменным семитам, у которых отсутствовала «гармоничность души». Миф, сформированный Лассеном, начал быстро распространяться. С его подачи вымышленное противостояние между арийцами и евреями стало восприниматься образованными европейцами как нечто само собой разумеющееся.

Нам имеет смысл остановиться на теориях XIX века, в которых рассматривалась северная версия происхождения арийства. Ведь это позволит понять, почему в Третьем рейхе слова «нордический» и «истинно арийский» считались синонимами.

Множество интерпретаторов, которые разделяли гипотезу о европейской прародине арийцев, склонны были локализовать ее на обширной равнине, которая простирается от Северного моря до Каспийского. При этом они были убеждены в том, что первые индоевропейцы были высокими и светловолосыми. В 1883 году немецкий ученый Карл Пенка выпустил исследование «Истоки арийцев», а в 1886 году – «Происхождение арийцев». В этих работах он опроверг господствовавшее тогда мнение о происхождении народов, говорящих на индоевропейских языках, из Азии, доказывая, что их прародиной была Северо-Западная Европа, а первоначальный расовый тип – нордический. Независимо от Пенки к тем же выводам пришел антрополог Людвиг Вильзер в книге «Происхождение немцев» (1885).

Так началось смешение лингвистики и антропологии, переросшее в радикальные теории принципиальных различий между народами. Наметившуюся тенденцию в идеологии закрепили французский граф Жозеф Артур де Гобино и его немецкие последователи. В 1853–1855 годы граф выпустил четырехтомное «Эссе о неравенстве человеческих рас», в котором одним из первых указал на связь между арийской и нордической расами, причем нордические арийцы в его представлении находились на вершине цивилизационной пирамиды, обладая не только монополией на силу, интеллект и красоту, но и специфическим культурно-творческим потенциалом, которому могло угрожать расовое смешение.

Произведения де Гобино не вызвали большого интереса у французов, зато пользовались популярностью в Германии. Граф сблизился с Рихардом Вагнером, которого вполне можно назвать творцом современной националистической мистики. Также книги де Гобино были с одобрением встречены Фридрихом Ницше, который ныне признан одним из главнейших философов нацизма. В 1894 году в Германии было учреждено

Общество Гобино. Его основатель библиотекарь Людвиг Шеманн в 1897–1900 годах впервые издал на немецком языке «Эссе о неравенстве человеческих рас». В 1939 году в Третьем рейхе вышло в свет уже пятое издание. Гитлеровцы высоко оценивали это четырехтомное сочинение, публикуя избранные фрагменты из него в хрестоматиях и сборниках по расовому вопросу. Поэтому на нем нужно остановиться особо.

Для того чтобы правильно понять специфику расизма де Гобино, необходимо рассматривать его идеи в контексте созданной им же философско-исторической концепции. Цвет кожи служил основанием для выделения трех основных рас: белой, желтой и черной. «Таковы три чистых и первоначальных элемента человечества», – писал граф. Далее он расставлял их по ранжиру, помещая белую расу наверху, а черную внизу иерархической пирамиды. Внутри белой расы высшее место он отдавал арийцам.

Де Гобино утверждал, что в прошлом происходило непрерывное кровосмешение, поэтому «чистых» рас давно не существует, и в современную эпоху можно говорить только о расовых типах. Примечательно, что именно этот момент игнорируется почитателями де Гобино, стремящимися использовать его идеи для обоснования превосходства белой расы и арийцев. Однако в действительности понятие расы было у де Гобино крайне неопределенным: он трактовал его не как определенную совокупность антропологических черт, а скорее как символ коренного отличия. Отсюда и вытекала его мифологическая интерпретация исторического процесса: в расовом смешении де Гобино искал причины возвышения и вырождения цивилизаций. Суть расизма де Гобино выражена в следующем пассаже:

Если смешения полезны в определенной мере для массы человечества, возвышают и облагораживают ее, то это лишь в ущерб самому этому человечеству, поскольку они его унижают, ослабляют, оскорбляют, обезглавливают в его самых благородных элементах, и, если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей несметное множество существ, чем сохранить расу принцев (кровь которой, расщепленная, обедненная, смешанная, становится от подобного превращения обезбещенным элементом), остается еще то несчастье, что смешения не останавливаются. Посредственные люди, только что сформировавшиеся в ущерб тому, что было великим, объединяются с новыми посредственностями, и из этих браков, все более и более низменных, возникает мешанина, которая, подобно вавилонскому столпотворению, приводит общества к полному бессилию и

неисправимому ничтожеству.

Нацистские идеологи давали в значительной мере искаженное изложение концепций де Гобино. К примеру, они постарались не заметить, что французский граф считал немцев наиболее «смешанным» из всех европейских народов. Опять же его высокая оценка евреев откровенно не вписывалась в антисемитские установки германского национал-социализма. И все же расовый детерминизм де Гобино стал реальным вкладом в мифологию национал-социализма.

На переломе XIX и XX веков началось возрождение нордической расовой идеи, которую к тому моменту успели разоблачить и раскритиковать. Очередному изменению отношения к ней способствовал английский аристократ-социолог Хьюстон Стюарт Чемберлен, взгляды которого формировались под воздействием трудов Рихарда Вагнера и Жозефа де Гобино. Женившись на дочери Вагнера, он с 1908 года поселился в Германии, где, уже после смерти, в период Третьего рейха, несмотря на происхождение, был провозглашен «народным мыслителем». На родине его, наоборот, называли перевертышем и всячески осуждали за антибританскую пропаганду.

Основная работа Хьюстона Чемберлена, принесшая ему скандальную известность, называлась «Основы XIX века» (1899). Изложенная в ней трактовка европейской истории была обусловлена негативным отношением автора к христианству, аристократическим презрением к народным массам и романтизированным восприятием немцев как нации, предназначенной править миром. Чемберлен утверждал, что европейская культура стала результатом слияния пяти компонентов: искусства, литературы и философии Древней Греции; юридической системы и формы государственного управления Древнего Рима; христианства в его протестантском варианте; возрождающегося созидательного тевтонского духа; разрушительного влияния евреев и иудаизма в целом.

В первом томе своего труда Чемберлен рассматривал события до 1200 года, анализируя наследие античного мира. «С эллинизмом наступил небывалый расцвет человеческого интеллекта, – писал англичанин. – Греки творили всюду – в языке, религии, политике, философии, науке, истории, географии. Вершиной этого созидательного духа стал Гомер». Однако у наследия эллинов обнаружились и темные стороны: недалёковидные демократии, отсутствие высокой политики, устаревшая мораль и упадок религии. Ситуацию исправили римляне, избавившие мир от семитско-арабского порабощения и позволившими тевтонской Европе «стать

бьющимся сердцем и мыслящим мозгом всего человечества». Впрочем, и Рим не сумел долго противостоять тенденциям к распаду, оставив после себя мешанину различных культур и рас. Среди хаоса народов оказались и евреи – единственная раса, которой удалось в этих условиях сохранить чистоту крови и сплоченность. Силой же, противостоящей влиятельной еврейской нации, история назначила арийцев. Чемберлен писал: «В настоящее время эти две силы – евреи и арийцы, – как бы ни затуманил их будущее недавний хаос, остаются друг против друга, пусть уже не как враги или друзья, но по-прежнему как вечные противники». Основной секрет истории, по мнению англичанина, состоит в том, что только чистокровная раса становится священной. Безродный хаос последних дней Римской империи стал пагубным для европейской цивилизации, и именно арийцам пришлось исправлять губительное положение.

Во втором томе Хьюстон Чемберлен анализировал зарождение нового германского сообщества и борьбу за мировое господство. В этой борьбе участвовали три стремящихся доминировать религиозных идеала: Восток (эллины), Север (арийцы) и Рим. На севере бывшей Римской империи арийцам удалось создать новую культуру, которая «является величайшим из всего, что было достигнуто человечеством до настоящего времени». Евреи стали наследниками римского расового хаоса; арийцы же оказались в ответе за духовное спасение человечества. Все достижения науки, промышленности, политэкономии и искусства стимулировались и двигались вперед арийцами. Таким образом, XIX век опирался на «прочный арийский фундамент».

Через всю книгу Чемберлена проходит красной нитью идея противостояния арийцев (как творцов и носителей цивилизации) и евреев (как разрушительной и ведущей к вырождению глобальной силы). За свое разлагающее деструктивное влияние евреи заслуживают приговора, но не с позиций низкой ненависти или подозрительности, а с позиций недостижимых высот арийского превосходства.

Почти все выдающиеся и истинно свободные люди, полагал Чемберлен, от римского императора Тиберия до германского канцлера Отто фон Бисмарка, рассматривали присутствие евреев в своей среде как социальную и политическую опасность. Обратите внимание, что при этом англичанин считал Иисуса Христа одним из наиболее важных деятелей в истории человечества: «Ни войны, ни смены династий, ни природные катаклизмы, ни открытия не обладают и долей той значимости, которая могла бы сравниться с короткой земной жизнью Галилеянина». Как же сочеталось еврейское происхождение Христа с идеологическим

антисемитизмом, проповедуемым Чемберленом? А очень просто: по его мнению, Христос не был евреем.

Двухтомник Хьюстона Чемберлена стал необычайно популярен в Германии после того, как император Вильгельм II назвал его работу «монографией величайшей важности». Критики захлеб восхваляли «Основы XIX века» за «блестящее, высочайшее красноречие, огромную эрудицию и необычайную проницательность автора». В Англии же книга подверглась яростным нападкам: ее либо высмеивали, либо поносили площадной бранью. Интересно в этой связи высказывание Теодора Рузвельта, который оценил «Основы...» Чемберлена как «блестящие ляпсусы», которые для «нормального человека выглядят безусловным сумасшествием». Рузвельт пояснил свою мысль: «Ему нравится Давид, и на этом основании он тотчас делает его арийцем. Ему нравятся Микеланджело, Данте или Леонардо да Винчи, и он тут же сообщает, что они – арийцы. Он не любит Наполеона и потому утверждает, что Наполеон – истинный представитель безрасового хаоса».

Расовые теории Адольфа Гитлера во многом основываются на произвольном пересказе положений «Основ...» Чемберлена. Хотя Гитлер нигде не упоминает его имени, тезисы о «превосходстве арийской расы» и «еврейской опасности», выраженные в более простой и грубой форме, стали лейтмотивом нацистской идеологии. О почтении германского фюрера к английскому «народному мыслителю» говорит хотя бы то обстоятельство, что Гитлер не раз навещал постаревшего Хьюстона Чемберлена в его доме в Байройте.

Помимо Фридриха Шлегеля, Жозефа де Гобино и Хьюстона Чемберлена, были и другие «исследователи», работавшие на создание расового мифа. Вспомним некоторых из них.

К примеру, Френсис Гальтон, двоюродный брат Чарльза Дарвина, написал книгу «Наследственный гений» (1869), в которой с помощью статистики пытался доказать, что психология и характер большинства людей зависят от их физического строения, которое является и причиной разделения на бедных и богатых. По мнению Гальтона, низшие слои общества могут воспроизводить только неполноценную расу, поэтому необходимо стремиться к их искоренению. Он назвал свою систему евгеникой (от греческого слова, означающего «хороший от рождения, благородного происхождения»). Гальтон полагал, что искусственный расовый отбор следует сделать частью социальной политики. Его последователи во всем мире были заморожены утопическим видением мира, в котором не будет места нищете и болезням. Впоследствии нацисты

взяли теорию Гальтона на вооружение.

Значительный вклад в нацистскую идеологию внес австриец польского происхождения Людвиг Гумплович (кстати, чистокровный еврей), который, развивая идеи английских социал-дарвинистов, изображал ситуацию так, будто всякая мощная этническая группа стремится к тому, чтобы поработить другие, а расовая борьба – единственная настоящая движущая сила истории.

Другим жестким и прямолинейным последователем расизма был немецкий дарвинист Александр Тилле, который в своих публикациях начала XX века дал ряд практических рекомендаций. Задолго до 1933 года Тилле требовал открыто объявить русских, румын, цыган, евреев и поляков «расово неполноценными». И еще до Первой мировой войны призывал к умерщвлению душевнобольных и введению категорического запрета на смешанные браки.

Кроме того, большое влияние на нацистов оказали книги Ганса Гюнтера «Расоведение немецкого народа» (1922) и Людвиг Клаусса «Раса и душа» (1926) – оба эти труда многократно переиздавались и имели широкий общественный резонанс. Авторы доказывали, что немцы по своей биологической, духовной и культурной природе принадлежат к самостоятельно сформировавшемуся нордическому расовому типу.

Примечателен следующий факт. Первоначально расовая доктрина национал-социалистов создавалась как обоснование «качественных» различий между арийцами (индоевропейскими народами) и евреями. Но с началом Второй мировой войны потребовалось отделить от индоевропейской языковой семьи относящихся к ней славян, которые стали врагами. Понятно, что теоретических трудностей нацистские идеологи при этом не испытывали, поскольку их расовая теория никакой серьезной научной базы не имела.

Основатель ариософии

Расовые теории, обосновываемые лингвистами и «народными мыслителями», естественным образом сочетались с модернизированной псевдovосточной эзотерикой, проповедуемой Еленой Петровной Блаватской и ее последователями.

Теософия Блаватской проникла в Германию в начале 1890-х годов. Поначалу ее вхождение в моду было связано с популяризаторскими усилиями Франца Гартмана. Хотя Гартман был высококвалифицированным врачом, он проявлял живейший интерес к сверхъестественным явлениям, спиритизму и оккультизму. В 1889 году он организовал теософский светский монастырь в Асконе. С 1892 года печатал переводы индийских священных текстов и работ Блаватской в своем журнале «Цветы лотоса» – это было первое издание на немецком языке, титул которого украшала свастика.

Впрочем, классическая теософия осталась в Германии ограниченным общественным движением, представленным маленькими и враждующими друг с другом клубами. Куда большее признание там получили различные идеологические ответвления. Одним из таких ответвлений была ариософия, создателем которой считается Гвидо фон Лист.

Гвидо Карл Антон фон Лист родился 5 октября 1848 года в семье венского торговца. Его мать и отец принадлежали к торговым семьям, жившим в столице по меньшей мере на протяжении двух поколений. Однако Гвидо избрал иную стезю и к концу века добился широкой известности как писатель, работающий в неоромантическом жанре с уклоном в национализм. Его творчество практически целиком было посвящено героическому прошлому и религиозной мифологии родной страны. Однако к началу XX века произошли существенные изменения в характере идей Гвидо фон Листа: в воображаемый мир древних германских верований проникли чисто оккультные воззрения.

В апреле 1903 года фон Лист отправил в Имперскую академию наук в Вене работу об «арийском протоязыке». В нем австриец попытался интерпретировать средствами оккультного откровения руническое письмо. Никакого удовлетворительного ответа из академии не последовало, но отказ ученых рассматривать такой метод изучения исторических памятников привел сторонников фон Листа к идее основания Общества Гвидо фон Листа, которое могло бы финансировать и издавать результаты

его изысканий, посвященных национальному прошлому.

Второго марта 1908 года состоялось официальное торжественное открытие Общества Гвидо фон Листа, сразу же ставшего необычайно популярным в Вене. Среди его членов были журналисты, писатели, музыканты, ученые, депутаты парламента, теософы. Идеи фон Листа оказались привлекательными для многих образованных людей Австрии и Германии.

Поощренный поддержкой общественности, фон Лист написал серию «Ариогерманских исследовательских отчетов», которые в основном содержали его собственную интерпретацию давнего прошлого. Идеология, основанная на противопоставлении немецких и славянских интересов, буквально заворожала народнические кружки Германии, члены которых также искали в шовинистической эзотерике защиту германизма от влияния либеральных, социалистических и «еврейских» политических сил.

Во время Первой мировой войны эти идеи по-прежнему увлекали тех, кто искал сверхъестественные объяснения трудностям и лишениям военной поры. Гвидо фон Лист получал множество писем с фронта, в которых его благодарили за утешительные открытия. Солдаты находили руны и древние арийские символы на камнях, далеких от родного очага, что помогало верить в скорейшую и окончательную победу ариогерманцев. Книги Гвидо фон Листа передавались из рук в руки в окопах и полевых госпиталях.

Создатель ариософии был уверен в том, что открыл следы золотого века германской нации. В действительности его представления о национальном прошлом в малой степени опирались на классические методы изучения истории. Скорее его догадки возникали в результате «пророческих» откровений, которые австрийские и немецкие ландшафты будили в его душе.

Вину за разрушение патриархального мира Гвидо фон Лист возлагал на христианство. Его работы о христианизации германских земель рассказывают об ослаблении тевтонских законов и морали, о разрушении немецкого национального сознания. Он утверждал, что церковная проповедь любви и милосердия расшатала строгие евгенические правила арийцев, что новые духовные объединения размыли границы традиционных этнических провинций и что все это было сделано для принуждения к повиновению. Наконец, лишив побежденных германцев прежних духовных ценностей, удалось превратить их в рабов. Понятно, что все эти моральные и политические преступления могли быть совершены только после уничтожения лидеров нации. В соответствии с теорией фон Листа, деятельность христианских миссионеров началась с ликвидации

ариогерманской элиты. Древние святилища были разрушены. Тех, кто упорствовал в старой вере, жгли на кострах. Ограбленные короли-священники, прежде правившие арийским государством, были вынуждены скитаться по стране, в которой никто больше не признавал их высокого статуса. Как итог – в Средние века порабощенные немцы узнавали свою историю исключительно со слов иностранцев. Лживые хроники римских, греческих и французских авторов убеждали их, что до пришествия христианства ариогерманцы находились в варварском состоянии. Альтернативная интерпретация истории звучала для последователей фон Листа как утешение и давала надежду на возрождение прекрасного забытого мира.

В апреле 1915 года Гвидо фон Лист собрал конференцию своих поклонников в Вене. Он произнес торжественную речь, в которой приветствовал мировую войну как начало тысячелетнего сражения, предвещающее наступление новой эпохи. Он предупредил, что переходный период первоначально может быть связан с «ужасными преступлениями и сводящими с ума мучениями», но все испытания должны послужить окончательному отделению добра от зла.

Фон Лист ждал прихода к власти фигуры мессианского толка – сверхчеловеческого индивида, способного решить насущные проблемы и установить вечный порядок. Больше того, к концу Первой мировой войны фон Лист приобрел уверенность, что австрийские и немецкие солдаты, павшие на фронтах, перевоплотятся в коллективное мессианское тело. Он говорил, что сотни тысяч убитых должны воскреснуть и войти в состав элитарных корпусов в послевоенной национальной революции.

Исходя из своих вычислений, основанных на «космических и астрологических законах», фон Лист утверждал, что 1914, 1923 и 1932 годы будут иметь ключевое значение для возрождения ариогерманской расы. Он особо выделял 1932 год – как время, когда божественная сила должна овладеть коллективным бессознательным немецкого народа. Национальный порядок, национальная месть и национальная страсть должны были превратить плюралистическое общество Германской республики в монолитное, вечное и нерушимое государство – в будущий рейх.

В своем «пророчестве» Гвидо фон Лист ошибся всего на один год. В 1933 году к власти в Германии пришли нацисты, основной целью которых как раз и было построение Тысячелетнего рейха.

Через работы фон Листа, который отталкивался от палеофантастических и оккультных теорий, австрийские и немецкие националисты получили идеологическое обоснование для своей

революции. Открытый вызов европейскому обществу, которое называлось «неправильным», оторванным от корней, искусственно лишенным памяти о великом прошлом, импонировал всем, кто мечтал о переделе мира под властью Германии. Книги Гвидо фон Листа (как и многотомный труд Елены Блаватской) давали обычному человеку ощущение наполненности жизни через приобщение к глобальным процессам. Каждый из почитателей австрийского исследователя полагал, что, постигая тайную историю своего народа, можно добиться изменений к лучшему в настоящем. Утопические видения затуманивали разум, снижали критичность, делая людей более податливыми для идеологической обработки. Все это прекрасно понимали нацистские пропагандисты, они даже превзошли своего «предтечу», выстроив еще более абсурдную мифологию, в которую поверили миллионы людей.

Новые тамплиеры

Если Гвидо фон Лист был романтически настроенным теоретиком, то рядом с ним почти сразу нашелся практик, попытавшийся на деле возродить арио-германские идеалы.

Человек, который называл себя Йорг Ланц фон Либенфельс и утверждал, что он родился 1 мая 1872 года в сицилийской Мессине от барона Иоганна Ланца фон Либенфельса и его жены Катарины, урожденной Скала, в действительности родился 19 июля 1874 года в пригороде Вены. Его отец, Иоганн Ланц, был учителем; мать действительно звали Катарина, урожденная Гоффенрайх. При крещении ребенок получил имя Адольф Йозеф.

В детстве Ланц активно интересовался средневековым прошлым и религиозными орденами, к которым он относился как к духовной элите. Сам он рассказывал, что его особенно воодушевлял средневековый орден тамплиеров (рыцарей Храма, «храмовников»). Он с головой ушел в изучение их истории, традиции и легенд. Эти впечатления определили его решение стать послушником в одном из аббатств Вены.

Аббатство оказало серьезное влияние на жизнь Адольфа Ланца. Белый камень церковных нефов, строгий романский стиль, уединенный монастырский сад, мозаика цветных стекол и древние могилы – все это создавало атмосферу средневекового рыцарского романа, наводило на мысли о связи прошлого с будущим. Ланц был истовым послушником и делал серьезные успехи. В 1897 году он постригся в монахи, а еще через год приступил к преподаванию в духовной семинарии.

Жизнь в монастыре соответствовала сентиментальным стремлениям отождествить себя со священной элитой древности. Кроме того, годы монашества дали Ланцу возможность расширить образование: его поздние труды несут в себе отпечаток глубокого знания Библии, апокрифов и гностических текстов, а также религиозных традиций и языков Ближнего Востока. Он также прилежно изучал историю аббатства и опубликовал свои исследования об этом в нескольких научных журналах.

Особенно важна первая из опубликованных работ, поскольку она является наиболее ранним свидетельством зарождения специфического мировоззрения. То был комментарий к отпечатку на могильном камне, извлеченном из-под монастырских плит в мае 1894 года. Отпечаток изображал дворянина, которого приняли за Бертольда фон Трейна,

топчущего неизвестное животное. Ланц интерпретировал сцену на камне как аллегорическое изображение вечной борьбы между силами добра и зла, соответственно представленными дворянином и чудовищем. Размышления над буквальными смыслами этой аллегории убедили его в том, что корень всякого зла в мире заложен в животной природе человека. Для того чтобы найти решение сформулированной проблемы, он начал заниматься зоологией.

Изучая Священное Писание, апокрифы, современную археологию и антропологию, Ланц объединил существовавшие в то время расистские идеи в дуалистическую религию, создав свою особую версию ариософии. Голубые глаза и светлые волосы, которые он, подобно другим «исследователям», приписывал арийской расе, окончательно отождествлялись для Ланца с добрым началом, тогда как различные «темные» отклонения (негроиды, монголоиды, жители Средиземноморья) – со злым. Личным вкладом Ланца в расистскую идеологию стала адаптация научных взглядов применительно к гностической доктрине, представляющей светлые и темные силы в качестве космических сущностей, ответственных за соотношение порядка и хаоса во Вселенной.

Сегодня трудно сказать, насколько послушничество в монастыре повлияло на формирование оккультно-расистских взглядов Ланца. Его учитель Шлегль презирал евреев Ветхого Завета как самонадеянное и надменное сообщество; «альтернативные» переводы Библии, сделанные Шлеглем, даже попали в список книг, запрещенных за антисемитизм. В то же время убеждения Ланца вызывали серьезные трения между ним и его наставниками, в связи с чем он отказался от монашества и покинул аббатство в апреле 1899 года.

С этого момента Адольф Ланц был свободен в выборе путей для развития своих идей, и период с 1900 по 1905 год был отмечен его быстрым общественным ростом. В то время он числился членом двух научных обществ, где имел возможность встречаться с выдающимися историками. В 1902 году получил докторскую степень. Зарегистрировал патенты на три изобретения. Начал писать для народнических журналов «Молот» и «Политико-антропологический обзор». Одна из статей Ланца содержала более ста ссылок на сугубо научные исследования, что подтверждает глубину его знаний в антропологии, палеонтологии и мифологии.

В 1903 году Ланц опубликовал основные положения своей доктрины, названной им теозоологией. Текст был необычной компиляцией религиозных идей, заимствованных из традиционных христианских источников, переработанных в свете данных науки. Целью первой главы

была попытка понять природу и происхождение существ, которых Ланц называл пигмеями и на которых возлагал ответственность за разрушение арийской цивилизации прошлого. Следующие четыре главы описывали сатанинское царство, рассказывали историю первого пигмея по имени Адам, который породил расу человекозверей. При этом Ланц использовал очень своеобразный принцип перевода древних текстов: по его мнению, слова «земля», «камень», «дерево», «хлеб», «золото», «вода», «огонь» и «воздух» означали получеловека, а глаголы «называть», «видеть», «знать» и «скрывать» означали «совокупляться». В соответствии с теорией Ланца, основным сюжетом древней жизни был поиск и воспитание любовников-пигмеев для извращенных сексуальных развлечений. Поэтому содержанием Ветхого Завета было предупреждение избранных людей (арийцев) о последствиях подобной скотской практики.

Не забывал Адольф Ланц и про богов. Он начал с утверждения, что поколение богов существовало как наиболее ранняя и высшая форма жизни, совершенно отличная от жизни человекозверей. Ланц предположил, что эти божественные существа обладали необычными чувственными органами, предназначенными для восприятия и передачи электрических сигналов. Подобные органы наделяли их обладателей мощной способностью к телепатии и всемогуществом, но позже они атрофировались в рудиментарные гипофизарную и шишковидную железы, которые можно видеть у современного человека, – «падение» произошло из-за скрещивания божественного племени со звероподобным. При этом Ланц допускал, что программа тотальной сегрегации могла бы вернуть сверхъестественные способности арийцам как ближайшим родственникам божественного племени.

В своей работе Ланц выдвигал и программу действий, которые могли бы помочь арийцам вернуться к «богоподобному» состоянию. Его рецепты были, как водится, просты и безжалостны. Культурный подъем низших рас в Европе и ее колониях необходимо обратить вспять. Социализм, демократия и феминизм должны быть отменены. Женщины обязаны войти в полное подчинение арийским мужьям. Дальнейшее размножение пигмеев нужно остановить при помощи принудительной стерилизации, причем самых сильных особей можно поработить, используя как вьючных животных. На некоторых страницах Адольф Ланц даже настаивал на сожжении всех человекозверей, что послужило бы «жертвой богам» во имя приближения расовой чистоты. С этой точки зрения крематории концентрационных лагерей, которые позже строили нацисты, предстают как некие чудовищные алтари.

Подобно гитлеровцам, Ланц не собирался ограничиваться территорией Германии. Временные рамки своей консервативно-окультурной революции он определял эпохой возрождения древней традиции: «Но это должно продолжаться лишь до тех пор, пока не возникнет новый электрон, новый Грааль, новый род священников».

В конце 1905 года Адольф Ланц начал выпускать расистский журнал «Остара», названный так в честь древнегерманской богини весны. В первой вступительной статье он проинформировал читателей о том, что «Остара» – первый и единственный «расово-экономический» журнал, в котором будут использоваться «антропологические данные для того, чтобы научным образом сломить восстание низших рас и защитить благородство расы европейской».

Ланц самолично выпустил семьдесят один номер журнала. Основными темами были расовая соматология, антифеминизм, антипарламентаризм, духовные различия между черными и белыми расами в сферах сексуального поведения, искусства, философии, коммерции, политики и войны. Первая мировая война рассматривалась в журнале как эсхатологическая фаза в глобальной борьбе между белыми и черными.

В военные годы журнал оставался верен провозглашенным намерениям и тщательно отслеживал отрицательные социокультурные и экономические последствия «эмансипации низших рас» во всех сферах общественной жизни. Анализ сопровождался «эмпирическим материалом», полученным от внештатных корреспондентов. Тематика говорит сама за себя. Среди шестидесяти трех сохранившихся номеров «Остары» семь связаны с классификацией расовых типов, восемнадцать посвящены гендеру, женщинам и проституции, двадцать девять – духовным и физическим различиям белых и черных, девять – религиозным и оккультным вопросам.

Идеологические связи Адольфа Ланца с оккультизмом еще более возросли, когда весной 1915 года он опубликовал подробные обзоры астрологической литературы. После этого он счел, что усвоенных идей ему достаточно, чтобы самому стать пророком и предтечей национального возрождения. По его мнению, Первая мировая война свидетельствовала о мессианском «исполнении времен». Растущий расовый беспорядок, военный и культурный хаос должны были завершиться новым «монгольским» нашествием на Европу в период с 1960 по 1988 годы. За этим последует долгожданный Страшный суд, который предвещает золотой век, – тогда возникнут Церковь Святого Духа и Арийское государство, власть в котором будет принадлежать жрецам, посвященным в таинства

древней сексуально-расистской религии. Географическим местом рождения арийского золотого века была названа Вена, и в новом политико-религиозном устройстве ей отводилась центральная роль.

Желание Адольфа Ланца основать рыцарский орден прямо вытекало из его концепций элитаризма. Выбор пал на тамплиеров.

Впервые Адольф Ланц заинтересовался тамплиерами, читая средневековые легенды о рыцарях Круглого стола. Он пришел к выводу, что эти легенды напрямую связаны с историческими тамплиерами. В героическом образе тамплиеров соединились идеи веры и собственного достоинства, столь распространенные в неоромантических кругах, с современными ему представлениями о расовом спасении и пангерманизме. Осуждение и преследование тамплиеров в 1312 году также имело особый смысл в рамках этого мировоззрения: безжалостное искоренение благородного ордена означало триумф нацменьшинств, на протяжении долгого времени стремившихся к устранению основных защитников евгенического культа. Господство низших сил по всей Европе в последующие века разрушило «ариохристианскую» цивилизацию и привело современный мир на грань кризиса.

Однако Адольф Ланц не ограничивал себя ностальгическими образами славного прошлого, решив воссоздать исчезнувший орден, целью которого станет «новый крестовый поход». В 1907 году он с помощью венских друзей приобрел замок Верфенштайн, ставший штаб-квартирой ордена. Замок представлял собой средневековые руины, расположенные на краю отвесной скалы над Дунаем в австрийской деревне Штруден. В декабрьском номере журнала «Остара» Ланц опубликовал программу ордена новых тамплиеров, характеризуя его как «арийское общество взаимопомощи», призванное воспитывать расовое самосознание посредством генеалогических и геральдических изысканий, турниров красоты, а также способствовать созданию национальных утопий-поселений в слаборазвитых районах мира. Рождество 1907 года Ланц отметил поднятием над замком флага с изображенной на нем красной свастикой.

Первыми акциями ордена стали фестивали, проводимые в Верфенштайне. В весенние дни несколько сотен гостей прибывали на пароходе из Вены, их приветствовали залпы маленьких пушек. После завтрака гости слушали концерт во внутреннем дворе замка. Ночью праздник заканчивался фейерверками и хоровым пением. К несчастью, фестивали широко освещались в национальной прессе, способствуя тем самым распространению идеологии Адольфа Ланца среди широкой

аудитории.

Помимо публичных празднеств общегерманского характера, Ланц изобрел службы и церемониал для самого ордена, которые оставались тайной для непосвященных. В то же время Ланц начал разрабатывать правила ордена в форме дисциплинарного кодекса, соблюдаемого в традиционных религиозных объединениях. В первом пункте орден описывался как расово-религиозная организация, в которую могли входить лица с преобладанием чистой крови, а именно те, кто в большей или меньшей степени светловолос, голубоглаз и обладает арийским телосложением. Члены ордена должны были оказывать предпочтение братьям в делах, касающихся профессиональных должностей, благотворительности и бизнеса. В их обязанности входил поиск достойных неофитов и заключение расово чистых браков. Состоятельные члены ордена должны были поддерживать создание новых домов в местах, отличающихся естественным великолепием или историческими ассоциациями, – особенно ценились места, отмеченные следами тамплиеров и монастырской жизни.

В 1915 и 1916 годах Ланц выпустил breviарий новых тамплиеров в двух частях, содержащий в себе ариохристианские псалмы и гимны, написанные им самим и его ближайшими друзьями. Эти сочинения были основаны на традиционных христианских текстах, но их смысл был изменен в националистическом ключе. Пронзительные мольбы о спасении расы и искоренении низших рас, обращенные к Христу-Фрайя (готское имя Иисуса), отражают уже знакомую нам доктрину.

Ритуальная деятельность ордена происходила до и после Первой мировой войны, однако трудно сказать, как много людей были причастны к эзотерическим структурам, созданным Адольфом Ланцем. Впрочем, популярность журнала «Остара» доказывает, что орден новых тамплиеров был хорошо знаком многим австрийцам, особенно жителям Вены. Местные старожилы вспоминают, что в те времена журнал широко продавался во всех табачных и газетных киосках. Сам Ланц утверждал, что в 1907 году тираж достигал ста тысяч экземпляров. Из этого можно сделать вывод, что его националистическое идеи разделялись венскими интеллектуалами, даже если очень немногие из них были причастны к деятельности новых тамплиеров.

Среди почитателей «Остары» был и юный Адольф Гитлер. Во время пребывания в Вене он регулярно покупал этот журнал в газетных ларьках. Когда ему не удавалось приобрести тот или иной номер, будущий фюрер выписывал его по почте непосредственно у Ланца.

Адольф Ланц помнил об этом и в одном из писем 1932 года сообщал своему соратнику и члену ордена новых тамплиеров: «Знай, что Гитлер – это один из наших учеников. Ты еще увидишь, как он победит (а стало быть, победим и мы) и разожжет движение, которое заставит содрогнуться мир».

Расизм как вера

Обзор источников и корней гитлеровской идеологии дает нам сумбурную и часто противоречивую мешанину из теорий, в которых псевдонаучные концепции сочетаются с публицистическими манипуляциями и откровенными фантазиями. Получается, что все мировоззренческое здание национал-социализма было построено на откровенных выдумках, авторство которых легко установить.

Существование древнего забытого мира и носителей тайного знания, обладающих сверхъестественными способностями, придумал Эдвард Бульвер-Литтон. Великую расу арийцев, пришедших с Востока, придумал Фридрих Шлегель. Глобальное противостояние между арийцами и евреями придумал Христиан Лассен. Нордическое происхождение арийцев и их связь с германцами придумал Карл Пенка. Идеи смены и борьбы рас, связи между древними цивилизациями и носителями тайного знания из числа арийцев, скрывающихся в Гималаях, ловко скомпилировала Елена Блаватская, снабдив свой сумасбродный палеофантастический винегрет «доказательствами» в виде сомнительных священных текстов. Сходным путем пошел Гвидо фон Лист, перечеркнувший известную историю христианской Европы и предложивший ее ариогерманский вариант. Идеи ариософа подхватил Адольф Ланц, начавший на практике возрождать древнюю традицию под знаком свастики.

Можно ли всерьез говорить о том, что подобная неомифология, созданная в буквальном смысле на коленках фантастами, аферистами и псевдоучеными, способна стать основой для мировоззрения целой нации в центре Европы? Оказалось, что можно. Для этого ее должен был разделять новый лидер нации, которого вся она, от высшей элиты до простых бедняков из провинции, воспринимала как мессию, способного вывести мир из глубокого политико-экономического кризиса. Таким лидером и стал австрийский художник-недоучка Адольф Гитлер.

О Гитлере написано множество книг (говорят, больше, чем об Иисусе Христе), поэтому мы не будем повторять здесь общеизвестное, а лишь в общих чертах проследим, как ариогерманские теории, популярные в Вене и Мюнхене, формировали личное мировосприятие будущего фюрера.

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года в австрийском городке Браунау на реке Инн, неподалеку от границы с Германией. В 1895 году его отец, чиновник таможенной службы Алоис Гитлер, приобрел небольшое

поместье под Ламбахом, а через два года, напутствуемый чрезвычайно религиозной матерью, Адольф начал посещать школу при местном бенедиктинском монастыре. В свободное от занятий время он учился пению в хоровой школе в Ламбахе.

Вскоре семейство Гитлер перебралось в Леондинг, близ Линца. Возраст Адольфа уже позволял его родителям задуматься о будущем сына. Алоис, как и всякий уважающий себя отец, хотел, чтобы Адольф пошел по его стопам, то есть стал государственным служащим. Однако юношу влекло искусство. Однажды он признался в этом отцу и получил хорошую взбучку, что никоим образом не повлияло на сделанный им выбор.

В первые школьные годы Адольф учился достаточно прилежно. Но, по его собственным словам, постоянные ссоры с отцом, упорно желавшим видеть в нем будущего чиновника, привели к тому, что Адольф утратил всякий интерес к хорошим оценкам. Начиная с шестого класса он учился все хуже и хуже. В шестнадцать лет, так и не окончив полный курс средней школы, Адольф покинул учебное заведение. Впоследствии он объяснял свой провал тем, что его не понимали учителя.

Единственным учителем, для которого Адольф сделал исключение в этой оценке и которым откровенно восхищался, был Леопольд Пётш – ярый пангерманист, научивший юношу ценить идеи немецкого национализма и, по словам Гитлера, превративший его в «маленького революционера».

По-видимому, одним из решающих факторов отказа от полноценного образования для Гитлера стало не пренебрежение учителей, а редкое психическое отклонение. По мнению профессора Манфреда Кох-Хиллбрехта, изучавшего личности многих известных политиков, Гитлер был эйдетиком. Такую психическую особенность выявляют у 4 % детей, но с взрослением она утрачивается – у Гитлера, наоборот, она развилась до уникального феномена. Эйдетизм проявляется в фотографической памяти – человек запоминает навсегда не только все, что он прочитал, но и все, что хотя бы раз видел, что услышал, всех, с кем когда-либо контактировал. Действительно, многие из соратников, друзей и даже врагов Гитлера отмечали его удивительную память, которая казалась им чем-то сверхъестественным. Он свободно и безошибочно цитировал огромные фрагменты текстов, мог воспроизвести на эскизе детали любого сооружения или городской застройки, оперировал колоссальным массивом справочных данных, помнил длинные оперы до нот, поражал слушателей широким кругозором. Однако эйдетизм имеет и негативные стороны: веру в собственную исключительность или даже в богоизбранность, развитый

фатализм, поверхностность в изучении конкретных дисциплин, неприятие глубоких специальных знаний, твердолобость в суждениях, патологическую зависимость от первого впечатления, склонность к функциональным галлюцинациям. Все эти качества отмечались свидетелями и у фюрера.

В январе 1903 года престарелый Алоис Гитлер умер от апоплексического удара. Похоронив мужа, Клара продала дом и перебралась в Линц. Ее пенсии вполне хватало, чтобы прокормить детей – сына Адольфа и младшую дочь Паулу. Бросив школу, Адольф тем не менее отказался искать постоянную работу или же обучаться какому-либо ремеслу. Даже мысль об этом вызывала у него отвращение. В конце концов мать согласилась с жизненным выбором сына, забрав его из ремесленного училища и устроив в школу рисования.

Карманные деньги, которые Адольф получал от матери, тратились на книги. Единственный друг юности будущего фюрера, Август Кубичек, вспоминал:

Уже в Линце Адольф начал читать классиков. О «Фаусте» Гёте он заметил, что эта книга содержит больше, чем может вместить человеческий ум. Из работ Шиллера его захватил главным образом «Вильгельм Телль». Глубокое впечатление произвела на него и «Божественная комедия» Данте.

И в дальнейшем Гитлер оставался книголюбом. В библиотеке Конгресса США хранится его личная библиотека, в ней – две тысячи книг и других материалов, захваченных в Рейхсканцелярии в Берлине, в Бергхофе и в Бергене у Берхтесгадена. Там много литературы псевдорелигиозного и расистского содержания, книг о нордическом духе. Гитлер читал в переводах Софокла, Гомера, Аристофана, Горация и Овидия. Особенно он любил старые немецкие сказания и наизусть помнил 25 тысяч строк «Парсифаля». Его живейший интерес, судя по пометкам на полях, вызывали Лютер, Савонарола, Цвингли, Кальвин, Конфуций и Будда.

Итак, после окончания школы Гитлер не получал системного образования. Его окружение вспоминало, что Гитлер говорил много и охотно, часто перескакивая с темы на тему, изображая из себя знатока всех наук и искусств, но как раз это выдавало в нем дилетанта, толком не разбирающегося ни в одном вопросе.

Безусловным кумиром юного Гитлера стал композитор Рихард Вагнер. Влияние его музыки и опер на немецкое общество было велико. Как справедливо пишет Август Кубичек, «в то время не было ни радио, ни

телевидения, ни кино или записывающего оборудования, а были только театры, и то, что показывали в них, было чрезвычайно важным». Но именно Вагнер по своим убеждениям – утопист-революционер, мистик и ярый антисемит. Искреннее желание Гитлера подражать этому композитору многое говорит о будущем фюрере.

Тщательное изучение биографии и творчества Рихарда Вагнера привело юного Адольфа к расистским и палеофантастическим мифам, которые и легли первыми камнями в основу его мировоззрения. Кубичек вспоминал:

Адольф отождествлял себя с великими людьми... ушедшей эпохи. Казалось, не было ничего более достойного борьбы, чем жизнь, похожая на их жизнь, полная грандиозных подвигов, самая героическая жизнь, какая только возможна, чтобы из нее войти в Валгаллу и стать мифическим бессмертным, присоединившись к уже находящимся там, кого он так почитал. Этот необычный, романтический ракурс мышления Гитлера не следует игнорировать. В мире суровой политической реальности появится тенденция отвергать эти юношеские размышления как фантазии, но факт остается фактом: несмотря на все события своей жизни в этот период, личность Адольфа Гитлера пребывала лишь в поистине праведных верованиях, в которые его ввели саги о немецких героях. В конфликте с буржуазным миром, который со своим обманом и ложной нравственностью ничего не мог ему предложить, он инстинктивно искал свой собственный мир и нашел его в истоках и древней истории своих соотечественников. Он считал, что это был их золотой век, и эта давно ушедшая эпоха, известная лишь по обрывочным историческим документам, стала для пылкого юного Гитлера полнокровным настоящим. Энергия, с которой он прожил тот век, который канул в Лету 1500 лет назад, была такова, что у меня, жившего в начале XX века, часто голова шла кругом. Действительно ли он жил среди героев этого неясного, темного века, о которых говорил так, будто они стояли лагерем в лесах, через которые мы совершали наши ночные прогулки? Был ли для него зарождающийся век, в котором мы с ним оказались, не более чем сон наяву? Этот временной сдвиг часто настолько беспокоил меня, что я боялся за его рассудок: может быть, однажды он обнаружит, что не может спастись от искажения времени, которое он для себя создал...

Как видите, еще в юности Гитлер пришел к тому, к чему пришли Гвидо фон Лист и Адольф Ланц в зрелом возрасте. Поэтому нет ничего

удивительного в том, что позднее он впитывал труды австрийских ариософов как губка и в его речах можно отыскать цитаты из них.

В октябре 1907 года восемнадцатилетний Адольф отправился в Вену, чтобы попытаться счастья в Академии художеств. Однако там он потерпел полное фиаско. Его аккуратные безжизненные рисунки произвели на экзаменаторов столь дурное впечатление, что они посоветовали Адольфу вообще отказаться от мысли стать художником.

В декабре 1908 года у Адольфа от рака умерла мать. Для него это было тяжелым ударом. С 1909 по 1913 годы Адольф жил в Вене. Отсутствие каких-либо значительных средств вынудило его оставить меблированную комнату и порвать отношения с Августом Кубичеком: тот блистал в консерватории, а гордый Адольф не хотел испытывать «унижение» при общении с ним. Гитлер стал самым настоящим бродягой, живя в ночлежках и довольствуясь благотворительной похлебкой.

Однако в отличие от других бродяг Адольф не пил и не курил. Большую часть своего времени он проводил в публичных библиотеках. Он так никогда и не понял, что его бессистемное образование, без надзора и указки со стороны опытного учителя, не дает ему права судить хоть о чем-то, что выходит за пределы его весьма ограниченных знаний. Он верил, что выбор тех книг и теорий (по большей части случайный), которые он усваивал в юности, позволил ему прикоснуться к истине, узнать о мире больше остальных. Но на самом деле хорошо известно, что ловкий демагог способен извратить любую мораль, представив черное белым и наоборот. Больше того, отсутствие учительского контроля позволяло юному Адольфу выносить произвольные суждения по поводу прочитанного. В итоге существенным Гитлер считал только то, что соответствовало его собственным глубинным представлениям об устройстве мира, сформировавшимся еще в австрийской провинции. От Артура Шопенгауэра Гитлер позаимствовал фатализм и волюнтаризм, отбросив все буддистские элементы. От Фридриха Ницше взял концепции эволюции и сверхчеловека, позабыв, что философ настаивал на тезисе, согласно которому сверхчеловек на пути самосовершенствования должен бороться с самим собой, а не с окружающими. Гитлер принял от Рихарда Вагнера расизм и язычество, но отклонил его христианские идеи. Точно так же он поступал с теориями Елены Блаватской, Жозефа де Гобино, Хьюстона Чемберлена, Гвидо фон Листа и Адольфа Ланца.

Когда современные исследователи начинают рассуждать о религиозности Адольфа Гитлера, они редко приходят к единому мнению. Спектр выводов широк: от варианта Гитлера-атеиста до варианта Гитлера-

католика. Поэтому нет и общего для исторической науки отношения к религиозной политике Третьего рейха. Путаницу в обсуждение проблематики вносит и то, что среди руководителей нацистского государства также не было какого-то единства по вопросу отношения к традиционным церковным институтам и перспективам их реформирования. И все же с известной долей уверенности можно говорить, что Адольф Гитлер и его верные соратники собирались после окончательной победы над внешними врагами приступить к широкой модернизации в сфере религии, в корне заменив одну систему верований другой, подчиненной идеологическим интересам национал-социалистической империи.

При этом вряд ли Адольф Гитлер имел совершенно ясное представление о том, как будет выглядеть религия, которой уготовано прийти на смену христианству в Третьем рейхе. Но это фюреру было и не нужно – для конкретного конструирования у него под началом находились верные и идеологически подкованные соратники.

Уже в Вене Гитлер становится ярким антисемитом. Его антисемитизм имел глубокие корни, подпитываемые культурным стереотипом, сложившимся к началу XX века в Европе. Став зрелым политиком, Гитлер неоднократно подчеркивал принципиальность своих позиций по данному вопросу.

Важно, что Гитлер, опять же в силу плохой образованности и зависимости от первого впечатления, не сумел разобраться в национальной ситуации своего времени. Он стал сторонником теории «всемирного еврейского заговора», что весьма распространено среди людей с неокрепшим разумом, которые пытаются упростить многообразный и часто хаотичный исторический процесс, придав ему некий смысл и определенность через признание гипотезы о тайных силах, управляющих историей. В результате доведенный до предельной крайности антисемитизм стал основой расового мифа, культивируемого в Третьем рейхе.

В 1912 году Гитлер переселился из Вены в Мюнхен. В мемуарах он называл несколько причин переезда. В частности, заявил, что его просто бесило засилье евреев в австрийской столице и с определенного момента он уже не мог их выносить. Скорее всего, эта причина надуманная: для молодого человека куда важнее было попробовать найти применение своим навыкам художника в городе, который считался культурной столицей Германии.

Несмотря на то, что доходы после переезда не повысились, Гитлер всегда вспоминал два первых года жизни в Мюнхене как счастливейшее

время. Там Адольф сошелся с поэтом-символистом Стефаном Георге. Современники называли Георге «воплощением римской культуры на рейнской почве». Ницшеанское по своим истокам и антидемократическое по сути мировоззрение привело поэта к националистическим идеям. Однажды он предсказал, что вскоре в Германии появится герой, который приведет к возрождению страну, Европу и весь мир, посеяв семена нового рейха.

Накануне Первой мировой войны литературные последователи, единомышленники и поклонники творчества поэта образовали «кружок Стефана Георге» – нечто среднее между богемным литературным салоном и духовно-эстетическим орденом. Называя себя космистами, члены кружка широко пропагандировали собственные эстетические концепции, придерживались определенного ритуала поведения и даже, в подражание своему лидеру, облачались в черные балахоны. Немало членов этого кружка стали провозвестниками германского национал-социализма. А один из космистов, Альфред Шулер, едва ли не первым в Германии начал применять свастику в качестве символа.

Когда Гитлер приехал в Мюнхен, он не раз посещал кафе и таверны, где собирались члены кружка Стефана Георге. Атмосфера, царившая там, пришлась ему по вкусу. Он присутствовал на выступлениях Альфреда Шулера и был очарован их антисемитской направленностью и эзотерической насыщенностью. Весьма вероятно, что именно тогда Гитлеру пришла мысль использовать свастику как логотип националистического движения. Подобно другим эйдетикам, он был очень зависим от первого впечатления.

Известно, что свастика (санскритское *suastika*) – один из самых древних символов, встречающийся в орнаменте многих народов в разных частях света. Изображается он в виде креста с загнутыми (под углом или овально) концами. Древнейшие свастики обнаружены на Урале. Они появляются в начале II тысячелетия до нашей эры в орнаменте сосудов андроновской культуры (бронзовый век) как упрощенный рисунок перекрещивающихся «уточек». Эти свастики наносились на дно сосудов и символизировали солнце как обиталище духа покровителей водоплавающих птиц у первобытных рыболовов. Позже смысл, связанный с рыболовством, был утрачен – свастика стала солярным символом.

Крючковатый крест свастики можно найти на скатертях племени навахо, на греческой керамике, на критских монетах, в римских мозаиках, на предметах, извлеченных при раскопках Трои, на стенах индуистских храмов. Позже статичный солярный символ стал динамичным, означая

солнечный проход по небесам, превращающий ночь в день, – отсюда происходит более широкое толкование свастики в качестве символа плодородия и возрождения жизни; концы креста при этом интерпретируются как обозначения ветра, дождя, огня и молнии. В Японии свастика – символ долгой жизни и процветания. В Китае это древняя форма знака «фан» (четыре части света), позднее – символ бессмертия и обозначение числа 10 000 (так китайцы представляли бесконечность). Ранние христиане изображали свастику на могилах в качестве замаскированной формы более ортодоксального креста, а в Средние века ее рисовали на витражах, чтобы заполнить пустое место внизу (fill the foot), отсюда его английское название – fylfot. В геральдике свастика известна под названием «крест крампоне» (от crampon – «железный крюк»).

Современные исследователи различают два основных типа свастики. Та, у которой концы загнуты вправо, по часовой стрелке, называется собственно свастикой (или правосторонней свастикой) и считается символом с позитивным наполнением – знаком света, жизни, святости и благополучия, который соответствует в природе весеннему, прибывающему солнцу. Свастика с загнутыми против часовой стрелки концами (левосторонняя свастика, называемая иногда «суавастика» – suavastika) должна вызывать негативные ассоциации. Она также означает солнце, но подземное или ночное; пассивное состояние, зиму, тьму, смерть и безвестность; этот символ является принадлежностью богини Кали, несущей гибель и разрушение.

Существует большая неопределенность в обозначении и смысловом содержании право– и левосторонней свастик даже в Индии, не говоря о других регионах. Потому не следует трактовать разницу между двумя видами знака с точки зрения этики или социологии, а ведь именно этим грешат оккультные сочинения, авторы которых уже больше века рассуждают о «пагубном» и «благотворном» направлениях свастики. Примечательно, что, приняв принцип кардинального различия двух типов свастики, такие авторы часто путают правое и левое направления: суавастикку называют свастикой, а свастику – суавастикой, совастикой или даже совастикайей.

Свастика вне зависимости от ее направления – один из самых эффектных и изящных символов в истории человечества. Она, как подмечают некоторые символисты, одним своим видом возбуждает желание самому намалевать ее где-нибудь. Для целей пропаганды нельзя придумать более подходящего символа: в нем есть нечто грозное и в то же время гармоничное; его нельзя перепутать с чем-нибудь другим, он сразу

запоминается.

Вильгельм Рейх объяснял притягательную силу этого символа тем, что он действует на подсознание как обозначение двух человеческих тел во время полового акта, иными словами, по мнению известного неортодоксального фрейдиста, это «символ продолжения жизни». Рейх писал, что индикативные опросы показали: почти никто из людей различного возраста, пола и социального происхождения в первый момент не видел в свастике сексуального смысла, но при длительном созерцании начинал его осознавать. Также Рейх указывал, что было бы неверно полагать, будто после осознания тайного сексуального содержания свастики ее воздействие на подсознание уменьшается, – наоборот, люди в своем подсознании стремятся морально преодолеть это ощущение, что усиливает воздействие символа.

Весьма любопытную интерпретацию воздействия свастики на рядового немца предложил большой знаток религиозной традиции Элиас Канетти. Он указывал, что даже семантически слово *Nakenkreuz* (свастика) связано с казнью через распятие. Помимо прочего, *Naken* – это козлы, на которых в школе наказывали провинившихся мальчиков; само слово своим звучанием напоминало о необходимости призвать виновных к ответу. А еще *Naken* в немецком языке созвучно выражению, обозначающему цокот копыт, щелканье каблуков. «В этом символе, – указывал Канетти, – самым коварным образом соединяются угроза жестоких наказаний за неповиновение или неисполнение долга со скрытым напоминанием о военной дисциплине и ритуале».

Свастику стали связывать с германским великодержавным национализмом после появления работ Гвидо фон Листа, в которых он доказывал, что «крючковатый крест» является священным ариогерманским символом, означающим процесс сотворения мира. Он искал и, разумеется, находил свастику в древних рунах и в некоторых германских геральдических крестах. Кстати, правильной свастикой фон Лист считал левостороннюю суастику.

Инициатива сделать свастику единым символом националистического движения в Германии принадлежала дантисту и члену оккультного кружка «Туле» Фридриху Крону. Этот человек заработал себе репутацию эксперта Германской рабочей партии, поскольку коллекционировал книги на «народнические» темы – он собрал их около двух с половиной тысяч. В мае 1919 года Крон составил меморандум под названием «Может ли свастика служить символом национализма?», в которой на базе измышлений Гвидо фон Листа обосновывал значение свастики для народничества и предлагал

использовать ее правосторонний (теософский) вариант для правильной самоидентификации «настоящих патриотов». Тот же Фридрих Крон придумал соединить свастику с цветами старой имперской Германии: черная свастика в белом круге на красном фоне. Идею позднее подхватил Адольф Гитлер.

Как символ новых патриотов, не признавших победу демократической революции и условия Версальского мирного договора, свастика впервые использовалась во время «капповского» путча, случившегося в марте 1920 года. Ее наносили на свои каски моряки бригады Германа Эрхардта, чтобы отличаться от правительственных войск. После поражения многие из путчистов скрывались в Мюнхене, а символ свастики переключался с касок мятежной бригады на знамя штурмовиков Эрнста Рёма.

Впервые мюнхенские националисты продемонстрировали свой новый символ и свое новое знамя 20 мая 1920 года на митинге в Старнберге.

Глава 2

Магическая наука

Оккультный революционер

История знает множество удивительных совпадений. Наиболее часты они в областях, где властвует творческая фантазия. В 1895 году малоизвестный английский писатель Мэтью Шил опубликовал провокационную детективно-фантастическую повесть, в которой рассказывалось о группе безжалостных убийц, бродящих по Европе и уничтожающих всех, кто не соответствует стандартам «расовой чистоты». Повесть называлась коротко: «СС» («The S.S.»). Пять лет спустя, 7 октября 1900 года, в Мюнхене родился человек, которому было уготовано воплотить мрачные фантазии английского прозаика в жизнь, – звали его Генрих Луйтпольд Гиммлер.

Отец Гиммлера был школьным учителем и одно время работал репетитором баварского принца Генриха, в честь которого и назвал своего сына. Его высочество милостиво согласился стать крестным. Таким образом, наличие коронованного опекуна уже с пеленок предопределило для будущего нациста консервативный стиль жизни и мировоззрение верного монархии чиновника. Кроме того, Гиммлер-отец учил юношу, что их предки всегда были примерными бюргерами, закладывая в душе сына основу вагнеровского исторического романтизма – мира, населенного мужественными германскими воителями и их величественными женщинами.

Отношения между семьей принца Генриха и семьей Гиммлеров продолжались и после смерти принца, погибшего в 1916 году на фронте. В качестве последнего подарка Гиммлер-младший получил из наследства высокородного тезки военный заем на тысячу рейхсмарок и в деньгах не нуждался.

Всю жизнь Генрих отличался слабым здоровьем, восполняя этот изъян усердием. Цель гимназии – «на религиозной основе воспитывать нравственное трудолюбие, дать более высокое общее образование в духе верности отечеству и подготовить к самостоятельной умственной работе» – в случае Генриха Гиммлера была вроде бы достигнута. Отличник по истории, древним языкам и религии, он поступил в Технический университет в Мюнхене на специальность «Сельское хозяйство». Став студентом, Генрих сохранил скромность и слыл «неотесанным». В поисках связей Гиммлер вскоре оказался завсегдатаем всевозможных обществ, начиная с Германского общества по теории разведения животных и

растений и заканчивая Баварским союзом вольных стрелков. Он числился членом как минимум десяти организаций и прихожанином католической церкви. «Я всегда буду любить Бога и останусь верен Церкви!» – записал Генрих Гиммлер в своем дневнике. В декабре 1919 года он получил право членства в Баварской народной партии, объединявшей рьяных католиков, но вышел из нее через четыре года, чтобы в августе 1923 года вступить в малоизвестную тогда НСДАП.

С юности Генрих Гиммлер мечтал стать профессиональным военным. В начале января 1918 года его направили для подготовки в качестве кандидата в офицеры в 11-й Баварский пехотный полк. Отдаление от дома и семьи вызвало сильное психологическое потрясение у юноши, но с тем же неистовым упорством, с каким он учился в школе, Генрих начал делать военную карьеру: терпел холод казармы, общий душ, грубую армейскую еду и физические нагрузки. К октябрю Гиммлер прошел основную часть подготовки, программу курсанта и окончил школу пулеметчиков. Однако, к разочарованию Гиммлера, война закончилась. Потом он будет утверждать, что водил солдат в бой, но эти рассказы столь же далеки от реальности, как и другие его фантазии.

Подобно многим соотечественникам, Генрих Гиммлер искал объяснение политической и экономической катастрофе, постигшей Германию после Первой мировой войны, но главное – новый смысл бытия. В мюнхенских студенческих кругах были в ходу антисемитские памфлеты, которые читал и Гиммлер. Тогда же ему случайно попали в руки пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». С педантичной точностью, которая из всей нацистской верхушки была присуща только Гиммлеру, он составил к прочитанной им книге комментарии – для потомков. Так бледный болезненный юноша узнал о мнимых мировых заговорах масонов и евреев.

Еще отец увлек Генриха германской историей. В очерке Тацита «Германия» Генрих обнаружил «чудесную картину, рассказывающую о том, какими великими, нравственными и благородными были наши предки». Но как сильно отличалась реальная жизнь, которой жил Генрих, от той идеальной картинки, о которой мечтал его отец! Гиммлеру-младшему казалось, что германский народ деградировал и становится аморальным. В 1924 году Генрих Гиммлер записал в своем дневнике, что из «расово неоднородного» германского народа необходимо снова вывести «чистую расу» германцев. Ее он представлял себе наподобие касты кшатриев (благородная военная каста древних индийцев) – союз или орден, в который вступают лучшие представители германского народа, связанные с

матерью-землей всем своим существом и уже только этим значительно превосходящие всех остальных.

Как и в случае с Гитлером, мировоззрение Генриха Гиммлера складывалось на основе книг. В этой связи обращает на себя внимание список прочитанного, который он составлял год за годом. Поражает узость читательских предпочтений одного из будущих вождей Третьего рейха. К лету 1924 года он внес в список более двухсот названий, и лишь незначительная часть из них представляла иные культуры. Вначале это были научно-фантастические романы Жюль Верна; позднее Гиммлер прочел два приключенческих романа Александра Дюма, две книги Эмиля Золя, две повести Федора Достоевского и «Одиссею» Гомера. Среди немногих зарубежных авторов мы находим «народных мыслителей» Жозефа де Гобино и Хьюстона Чемберлена, которые уже в то время считались столпами расовой арийской идеологии, а также Оскара Уайльда. Получается, что Уайльд был единственным представителем англосаксонской либеральной культуры, с сочинениями которого Гиммлер удосужился ознакомиться.

Зато интересны другие четыре книги, изученные Генрихом в то время. «Спиритизм», благодаря которой он «впервые по-настоящему поверил в спиритизм». «Второе зрение» профессора Фридриха Бозена, посвященная парапсихологическим явлениям – «астрологии, гипнозу, спиритизму, телепатии и тому подобному». «Садист в священническом облачении» – книга, запрещенная цензурой. И «Роща наслаждений» – иллюстрированное собрание эротической поэзии, которую Гиммлер охарактеризовал как «поэзию распада».

Именно в это время Генрих начинает верить, что он в состоянии контактировать с душами умерших людей. Подобные представления возникли отнюдь не на пустом месте: еще в 1921 году он несколько раз перечитывал книгу, в которой приводились доказательства жизни после смерти. Позже эти взгляды обернулись верой в реинкарнацию – переселение душ.

Многие из прочитанных книг способствовали формированию представлений, которые позже Гиммлер станет насаждать среди своих подчиненных. Например «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана использовалась им для того, чтобы опровергнуть еврейское происхождение Христа, а книга немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля «Мировые загадки» послужила для критики монизма. Хотя Гиммлер постепенно отходил от католицизма, атеизм и материализм вызывали у него отвращение.

Немецкие книги, которые он прочел в 1923–1924 годах,

преимущественно группировались вокруг расовой и религиозной тем. Одним из любимых авторов в этот период стал для Гиммлера популяризатор нордической идеи и пересказчик германских героических эпосов Вернер Янсен. По прочтении его «Книги любви», опубликованной впервые в 1918 году под названием «Гудрун», Генрих записал в своем дневнике: «Величественный гимн нордической женщине. Это идеальная картина того, о чем мы, немцы, мечтаем в юности, за что, став мужчинами, готовы умереть и чему всегда продолжаем верить, несмотря на столь частые разочарования».

Разумеется, он прочел «Песнь о Нибелунгах» и нашел, что она отличается «бессмертной, вечной красотой языка, глубиной и германским духом». Есть много других примеров полной самоидентификации Генриха с нордическими героическими легендами, и это, насколько известно, произошло еще до того, как он познакомился с последователями арийского мифа, которые оказали на него сильнейшее влияние. Таким образом, в представлениях Гиммлера формировалась довольно четкая цепочка международного заговора, направленного против арийской расы: евреи, большевики, масоны, иезуиты.

В то время Гиммлер еще посещал церковь. Это известно из сохранившихся фрагментов его дневниковых записей за февраль 1924 года. Запись 17 февраля гласит: «Посещение собора. Прекрасная проповедь на тему „Почему Господь сотворил мир“». Похоже, что христианская концепция творения интересовала его не менее, чем псевдонаучные теории.

С 1926 по 1928 год Гиммлер состоял в молодежном религиозно-политическом движении «Артаманен» (от древневерхненемецкого *artam* – «хранитель страны»). Там он научился всей душой ненавидеть города, считая их источником деградации и всяческого разложения, мечтая о «возвращении к земле» и уничтожении промышленности. Образцовую модель для своей крестьянской утопии Гиммлер видел в Первом рейхе, существовавшем тысячу лет назад. Любимым персонажем для него стал создатель рейха – саксонский король Генрих I Птицелов. Гиммлер неоднократно говорил, что более всего ценит организацию его рыцарства, благодаря которому Генрих Птицелов прогнал датчан, разбил венгров и господствовал над славянами.

Позднее Гиммлер увлекся восточной мистикой, постоянно читал Бхагавадгиту, Ригведу, Эдды, Веды, беседы Будды. Дистанцировавшись от своего католического прошлого, он стал приверженцем индогерманской веры, поборником идеи реинкарнации и кармы.

Когда нацисты вознесли Гиммлера на вершины власти, он, подобно

Гитлеру, счел себя избранным и вообразил, что является реинкарнацией своего любимого Генриха Птицелова. А Гитлера он считал реинкарнацией одного из вождей крестового похода XII века – германского короля Фридриха I Гогенштауфена, известного под именем Барбароссы.

Приход Генриха Гиммлера в национал-социалистическое движение был предопределен, хотя и не неизбежен. К НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии) его толкали убеждения, сформированные под воздействием реваншистской пропаганды и расистских книг. Однако свое будущее Генрих связывал не с политической борьбой, а с построением личного хозяйства на собственной земле – в тиши патриархальной деревни. Но судьба вдруг сделала поворот: не успел Генрих Гиммлер приступить к обучению в крупном крестьянском хозяйстве под Ингольштадтом, как его свалил тиф. Некий врач вынес приговор: «Занятия прекратить на год, затем – очное обучение в учебном заведении». После выздоровления, 18 октября 1919 года, Гиммлера зачислили на сельскохозяйственное отделение Высшего технического училища при Мюнхенском университете. Когда же Майя Лориц, девушка его мечты, окончательно отказала влюбленному, Генрих решил, что только война и солдатская жизнь смогут принести успокоение его измученному сердцу. 28 ноября 1919 года он записал в дневнике: «Если бы сейчас я мог смотреть в глаза опасности, рисковать жизнью, сражаться – это стало бы для меня освобождением». Еще позднее пояснил: «Если начнется война на Востоке, я буду непременно участвовать. Восток для нас особенно важен. Запад так или иначе вскоре отомрет. За Восток надо бороться, его следует колонизировать». В конечном итоге именно юношеские разочарования, помноженные на внутренние милитаристские устремления, привели Генриха Гиммлера в НСДАП.

Началось все со знакомства с капитаном Эрнстом Рёмом, командиром нацистских «штурмовиков». Запись в дневнике Гиммлера свидетельствует, что в январе 1922 года, на одном из собраний в мюнхенской пивной «Арцбергеркеллер», он встретился с Рёмом, который произвел на Генриха сильнейшее впечатление.

5 августа 1922 года, едва сдав выпускные экзамены и получив должность сельскохозяйственного ассистента в фирме, производившей азотные удобрения, Гиммлер по совету Рёма вступил в националистическую организацию «Имперский флаг». Вечерами, после работы, Генрих с упоением занимался военными упражнениями, готовясь с единомышленниками к уличным боям будущей революции. Вскоре у Гиммлера появилась возможность делом доказать свою преданность

капитану Рёму. В конце августа 1923 года он оставил работу в фирме и вернулся в Мюнхен; там он стал членом НСДАП и уже в ноябре активно участвовал в своей первой боевой операции – «пивном путче» Адольфа Гитлера.

В дни путча Эрнст Рём доверил Гиммлеру старый имперский флаг, на котором присягали путчисты. С этим флагом Генрих отправился к баварскому военному министерству, которое захватили штурмовики Рёма. Там же он стал свидетелем первого разгрома нацистов – утром 9 ноября части рейхсвера и полиции атаковали здание министерства, и Рём предпочел сдаться. Однако вера в фюрера и в правильность лозунгов нацистов поддержала Гиммлера – оставшись на свободе, он занялся пропагандистской работой, не только воспевая нацизм, но и популяризируя почвеннические идеи.

Вскоре Гиммлеру удалось пробиться в первые ряды «воинствующих народников». Он был избран гауфюрером Баварии, поддерживал контакты с обществом «Артаманен» по всей стране, в том числе и с бранденбургским вождем этой организации Рудольфом Хёссом, ставшим в будущем комендантом лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) и одним из самых жутких преступников Второй мировой войны.

Среди «артаманов» гауфюрер встретил Рихарда Вальтера Дарре, которому было суждено перевести народнические взгляды Гиммлера на идеологические рельсы собственной расовой теории. Дарре внушил молодому соратнику то, что сам проповедовал на протяжении ряда лет. Проблема сельского хозяйства – не экономическая: это «проблема крови». Задача государства состоит в том, чтобы всемерно содействовать распространению крестьянской крови – путем расселения на новых территориях, повышения рождаемости, сокращения процесса переселения в город. Самым подходящим резервуаром «лучшей крови» Дарре считал нордическую расу. Для современников это означало вытеснение всех чуждых нордическому мифу идеологий, уничтожение любых течений, придерживавшихся интернационалистских и гуманистических убеждений, начиная с масонства и заканчивая христианством. Потрясенный Гиммлер увидел очертания нового для него мира, о возможности существования которого он раньше лишь смутно догадывался. Возможно, именно тогда Гиммлеру привиделась расовая элита будущего – правители германцев, рыцари ордена СС.

В то же время у молодого нациста появилась возможность изменить свою судьбу и вернуться к нормальной жизни бюргера. В 1926 году он познакомился с дочерью прусского помещика Маргаритой Боден. Генрих с

головой окунулся в омут любви. Однако у родителей намерения сына никакого восторга не вызвали: Марга (как она сама любила себя называть) была на восемь лет старше Генриха и исповедовала протестантизм. Достаточно долгое время Гиммлер не решался представить Маргу отцу. Он писал брату Гебхарду по этому поводу: «Мне легче одному очистить зал от тысячи коммунистов!»

В конце концов родители сдались и предоставили молодым самим решать свою судьбу. 3 июля 1928 года Генрих и Марга обвенчались и решили начать новую жизнь в деревенской идиллии: они приобрели земельный участок под Мюнхеном. Там молодожены построили двухэтажный деревянный домик. Генрих собственноручно смастерил курятник: молодая чета мечтала о большой птицеферме. Однако вечная нехватка денег и политическая карьера хозяина дома заморозили проект. 6 мая 1929 года Марга писала мужу: «Куры ужасно несутся, всего 2 яйца в день. Я не представляю, как мы дальше будем жить, да еще сумеем ли накопить деньги к Троице. <...> У нас сплошные неудачи. Я пытаюсь что-то откладывать, но деньги тут же испаряются». К финансовым проблемам добавился семейный кризис, наступивший раньше, чем могли предположить супруги. Холодная и нервная Марга начала до такой степени раздражать впечатлительного мужа, что он все чаще под разными предлогами сбегал из дома. После рождения дочери Гудрун, их единственного ребенка, супруги окончательно разошлись.

Напрасно надеялась Марга, что нацистская политика в итоге вернет ей мужа. «Когда пройдут выборы, то, наконец, хотя бы на несколько лет наступит спокойствие <...> и ты, ты будешь снова навсегда со мной», – писала несчастная женщина мужу. «Ты, проклятый ландскнехт, ты когда-нибудь появишься дома? – читаем мы в следующем письме. – Приезжай хотя бы на два дня, но приезжай!» А вот другое письмо: «Мне очень плохо. Что же будет? Я все время думаю об этом... Милый, что же со мной будет?»

Генрих Гиммлер не отвечал на вопросы жены – он находился в другом мире, очерченном рамками приказов фюрера, который 6 января 1929 года назначил его «имперским руководителем охранных отрядов». Наконец-то Гиммлер получил возможность воплотить в жизнь то, о чем мечтал по-настоящему. Он с головой ушел в работу по созданию утопического общества, которое уже совсем не походило на патриархальный крестьянский рай.

Черное рыцарство

Современный российский читатель, интересующийся историей Третьего рейха, пребывает в плену многочисленных заблуждений. К примеру, штурмовики НСДАП воспринимаются им как сброд, состоящий из темных, малообразованных лавочников, выпивох и драчунов. В то же время члены охранных отрядов СС предстают элитой общества, союзом вышколенных и образованных людей, имеющих «благородное» происхождение, – орденом «голубой крови».

На самом же деле все было с точностью до наоборот. В штурмовые отряды шли молодые офицеры с высшим образованием и студенты с военным опытом – среди них хватало выходцев из самых благородных и древних семейств Баварии. А вот охранные отряды СС начинали свою историю с группы мелких мюнхенских лавочников, объединившихся вокруг Адольфа Гитлера по причине искреннего обожания и желания уберечь любимого фюрера от опасностей и невзгод.

Структура, вошедшая в историю под зловещей аббревиатурой СС, появилась в марте 1923 года. Несколько старых борцов поклялись лично Гитлеру защищать его от врагов даже ценой собственной жизни. Они назвали себя *Stabswache* («Охрана штаба»). Именно тогда в нацистской партийной форме впервые появился черный цвет. «Гвардейцы» фюрера решили внести в свое обмундирование элементы, которые отличали бы их от штурмовиков. Поэтому, кроме серо-зеленых фронтовых мундиров и ветровок защитного цвета, они носили черные лыжные кепки с серебристым изображением «мертвой головы», а красное поле нарукавной повязки со свастикой обшили по краям черной лентой. Кстати, «мертвую голову» «Охрана штаба» позаимствовала у гусар старой кайзеровской армии – она должна была обозначать угрозу врагам и готовность к жертве ради фюрера.

История «Охраны штаба» оказалась недолгой – уже через два месяца капитан Герман Эрхардт порвал с Гитлером и забрал своих офицеров из руководства штурмовиков. Тогда фюрер создал новую охранную структуру, назвав ее ударным отрядом «Адольф Гитлер». Возглавил подразделение торговец канцтоварами и казначей национал-социалистической партии Йозеф Берхтольд; его заместителем назначили опытного ветерана Юлиуса Шрека. Ежедневно члены ударного отряда встречались в мюнхенской пивной «Торброей». Там, в прокуренных залах кегельбана, обсуждались

первые боевые операции. Члены отряда принадлежали к иной социальной группе, чем штурмовики Эрнста Рёма и Германа Эрхардта, происходя в своей массе из мелкобуржуазных кварталов и рабочих окраин Мюнхена. Если среди них и встречались офицеры, то исключительно лейтенанты запаса. Первый и главный телохранитель фюрера Ульрих Граф ранее работал мясником и прославился как борец-любитель. Личный друг Гитлера, часовщик Эмиль Морис, находился в розыске за растрату. Еще один охранник, бывший конюх Христиан Вебер, работал уборщиком в мюнхенском трактире. Именно эти малограмотные, но физически сильные люди взяли на себя задачу оберегать Адольфа Гитлера. Куда бы ни направлялся фюрер, там тут же появлялись его «гвардейцы», вооруженные «ластиком» и «зажигалкой» (так они называли свои резиновые дубинки и пистолеты), чтобы оградить вождя от возможных противников.

После провала «пивного путча», ареста его лидеров, заключения в крепость и освобождения пути Адольфа Гитлера и «гвардейцев» на некоторое время разошлись. Фюреру нацистов пришлось пересмотреть свое отношение к личной охране – теперь она должна была стать боевым ядром НСДАП.

Естественно, рядовые партийцы получили иную версию о причинах образования СС, которая со временем вошла в учебники истории Третьего рейха. Версия такова: поскольку отряды штурмовиков находились под запретом, в феврале 1925 года возрожденная национал-социалистическая партия сформировала службу самообороны, призванную защитить ее от «террора со стороны политических противников». В этой версии умалчивалось, конечно, что Гитлер сознательно оттягивал воссоздание штурмовых отрядов и решил воспользоваться сложившейся ситуацией для создания новой личной «гвардии». В апреле 1925 года он приказал Юлиусу Шреку, ставшему к тому времени еще и личным водителем фюрера, сформировать новую охрану штаба. Так в апреле 1925 года и появились охранные подразделения нацистской партии СС («SS», «Schutzstaffel»).

Первых эсэсовцев Шрек отыскал там же, где ранее набирал личный состав для «Охраны штаба» и ударного отряда «Адольф Гитлер» – среди завсегдаев пивной «Торброя». Первоначально охранный отряд состоял лишь из восьми человек, служивших ранее в «Адольфе Гитлере». Сохранилась и старая форма. Нововведением стала общепартийная коричневая рубашка, сменившая серо-зеленый френч, а также черный галстук.

Вскоре Юлиус Шрек приступил к формированию охранных отрядов за пределами Баварии. 21 сентября 1925 года он издал циркуляр, в котором

всем местным организациям НСДАП предписывалось создать подразделения СС, состоящие на местах из десяти, а в Берлине – из двадцати человек. Шрек внимательно следил за тем, чтобы в СС попадали только специально отобранные люди, соответствующие нацистскому представлению о нордическом типе. Набиралась в основном молодежь – в возрасте от 23 до 35 лет. Новобранцы должны были обладать «отменным здоровьем и крепким телосложением». При поступлении им надлежало представить две рекомендации, а также полицейскую справку о проживании в течение последних пяти лет в данной местности.

Юлиус Шрек не терпел конкурентов. Когда в ноябре 1925 года газета «Народный наблюдатель» опубликовала заметку о том, что в мюнхенском районе Нойхаузен некий Дауб сформировал из пятнадцати бывших штурмовиков охранный отряд и назначил себя его фюрером, Шрек пришел в бешенство. Он сразу направил в адрес правления партии письмо следующего содержания:

Это так называемое формирование – не что иное, как переименование бывшего штурмового отряда в охранный отряд. В связи с этим руководство СС просит правление партии потребовать от данных господ не использовать для их подразделения название «охранный отряд». Подобное обезьянничанье не должно причинить ущерб созданной с большими усилиями организации, базирующейся на здоровой основе.

Шрек без устали призывал ускорить «объединение лучших и надежнейших членов партии для охраны и самоотверженной работы на благо движения». Главными задачами СС он объявил «охрану собраний, привлечение подписчиков и спонсоров для газеты „Народный наблюдатель“, а также вербовку новых членов партии». То есть фактически на СС были возложены обязанности, которыми до «пивного путча» занимались партийные штурмовики.

В апреле 1926 года прибывший из австрийской эмиграции командир ударного отряда Йозеф Берхтольд сменил Шрека на посту руководителя СС. После возвращения амнистированных участников «пивного путча» Гитлер возвел охранные отряды в ранг элитной организации. 4 июля 1926 года на Втором съезде партии в Веймаре фюрер вручил СС так называемое «знамя крови» – то самое полотнище, под которым 9 ноября 1923 года его колонны шли по Мюнхену на штурм демократии.

СС росли и набирали силу. Теперь Гитлер мог повторить попытку создать свою собственную маленькую армию: он прекрасно понимал, что

без такого инструмента не сможет пробиться к власти в Германии, где кишели революционеры из всевозможных военизированных организаций. Однако вожаки большинства штурмовых отрядов за границами Баварии продолжали с недоверием относиться к молодому политику, провалившему «пивной путч». Возникла необходимость в достаточно авторитетном «посреднике», который должен был примирить два конкурирующих крыла боевой организации нацистов. И такого человека Гитлеру удалось найти в лице капитана Франца фон Пфедфера фон Саломона, который временно возглавил все штурмовые отряды на территории Германии, включая СС.

Хотя фон Саломон и должен был безоговорочно выполнять все директивы партийного вождя, он мог по своему усмотрению заниматься организацией и строительством подчиненной ему структуры. Командир ударного отряда Йозеф Берхтольд, который в утешение получил звание рейхсфюрера СС, чувствовал тем не менее, что его планы по созданию элитарного подразделения НСДАП находятся под угрозой: СС могли попасть в зависимость от лидеров штурмовиков и партийных бюрократов. Он попытался выправить положение специальными директивами, которые определяли особый статус СС, но победить партийный аппарат не удалось, и Берхтольд подал в отставку. В марте 1927 года новым рейхсфюрером СС стал его заместитель Эрхард Хайден.

Своим приказом Франц фон Пфедфер фон Саломон запретил руководителям СС создавать свои подразделения в населенных пунктах, где штурмовые отряды были недостаточно сильно представлены. Была введена квота: численность эсэсовцев не должна превышать 10 % от списочного состава местных штурмовиков. В связи с этим к 1928 году количество членов СС упало до 280 человек. Но самое унижительное: все чаще «элите» партии приходилось подчиняться распоряжениям фюреров штурмовиков, выполнять их мелкие поручения, раздавать пропагандистские материалы, распространять газету «Народный наблюдатель», нести вспомогательную службу. Только вера в собственную исключительность позволила войску лавочников идти вперед. Выживанию также способствовали жесткие условия приема и доведенная до идеала дисциплина – тех, кто роптал, немедленно изгоняли из рядов.

Согласно приказам новоиспеченного рейхсфюрера, каждое подразделение перед началом партийного мероприятия должно было выстроиться «в колонну по двое по росту» и приготовиться к проверке документов. Настоящего эсэсовца обязывали иметь при себе следующие документы: членский билет НСДАП, удостоверение и песенник СС. Особенно четко должен был выполняться приказ № 8, запрещавший

ношение оружия, – Гитлер, получивший к тому времени прозвище Адольф-законник, собирался прийти к высшей политической власти легально, и посему возрожденная партия официально порвала с нелегальными военными формированиями. Офицерам СС предписывалось ежедневно на построении обыскивать личный состав и забирать найденное оружие.

И все же следовало определиться с перспективами: без возможности увеличивать численный состав охранные отряды были обречены на прозябание в тени штурмовиков. Задача по реформированию СС была возложена на молодого члена партии Генриха Гиммлера, который вступил в должность рейхсфюрера 6 января 1929 года.

Гиммлер энергично приступил к созданию рыцарского ордена внутри НСДАП. Поначалу напористость дипломированного агронома вызывала у партийных бонз снисходительную улыбку. Действительно, Гиммлер многим казался чудачком. Его считали сектантом, пытающимся скрестить свои представления об отборе, полученные на птицеферме, с расовыми догматами партийной идеологии. Однако вскоре стало не до шуток.

Прежде всего Генрих Гиммлер разработал амбициозную программу действий, направленную на быстрое увеличение численности охранных отрядов, а также на создание имиджа СС как элитной организации. В апреле 1929 года он направил Гитлеру на утверждение проект постановления, призванного придать охранным отрядам статус ордена. С этого дня членом СС могло стать только лицо, соответствовавшее конкретным и очень специфическим параметрам. Понятно, что для прилежного последователя ариогерманских теорий не существовало иного отбора, кроме расового, иного идеала, кроме лубкового образа нордического воина.

Однако при точном соблюдении этих строгих принципов Гиммлеру пришлось бы выгнать из СС половину личного состава, поскольку значительная часть членов организации, выходцев из мелкой буржуазии, никак не походила на ариогерманский идеал. Гиммлер не собирался уничтожать доставшееся ему детище и отыскал простой выход из положения. Согласно его приказам, новые принципы отбора не распространялись на старых бойцов – ветеранов Первой мировой войны, а селекции подвергались лишь неофиты. «Сначала я предъявил требование к росту кандидатов (1 метр 70 сантиметров), – рассказывал Гиммлер впоследствии. – Люди, рост которых составляет определенное количество сантиметров, несомненно должны иметь нужную кровь». Рейхсфюрер распорядился доставлять ему фотографии всех кандидатов в СС и часами изучал их с лупой, пока не убеждался, что кандидат подходит под то

понятие, которое он считал «хорошей кровью».

Идея об «элите крови», сделавшаяся основой идеологии СС, быстро захватила умы бывших военных, студентов, мелких чиновников, метавшихся между реваншистскими политическими организациями и надеявшихся найти выход из тупика в какой-то новой общественной формации. Согласно гиммлеровской концепции расовой элиты, этим людям было обещано обретение родины, спасение от духовной смуты и – самое главное! – возвращение высокого социального статуса.

Прежде элитарность в Германии относилась к сугубо социальным понятиям. К элите принадлежал тот, кто обладал собственностью, образованием или благородным происхождением. Для потерянного поколения фронтовиков, посланных на бойню Первой мировой войны прямо из-за школьных парт, путь в элиту республиканской Германии был закрыт: неспособность приноровиться к новым условиям и синдром военного поражения вытолкнули их на обочину общества. Посему идея Генриха Гиммлера создать вместо традиционной сословной элиты аристократию расы вызвала широкий отклик среди неопитов НСДАП. Охранные отряды могли стать пристанищем для всех «униженных и оскорбленных» партийцев. Эти люди ожидали от СС продуманной системы иерархии, организации специфических ритуалов и культивирования чувства сопричастности к созиданию истории. Дисциплинарная жесткость также нашла отклик у молодежи: ведь в немецком национальном характере необыкновенным образом сочетались твердость и романтика. Охотно шли в СС и представители среднего класса, справедливо надеявшиеся, что там можно будет сделать быструю карьеру.

Вспомнив навыки политического агитатора, Генрих Гиммлер неумолимо разъезжал по всей стране, вербуя новых членов своего ордена и не обращая внимания на протесты партийных деятелей. Когда Гиммлер заявил о намерении создать в Гамбурге охранный отряд численностью пятьсот человек, местный гауляйтер возразил, заявив, что в городе нет даже такого количества членов НСДАП, однако деятельный рейхсфюрер проигнорировал его проблемы.

Охранные отряды росли как на дрожжах. В январе 1929 года в их составе было 280 человек, в декабре 1929 года – 1000, в декабре 1930 года – 2727 человек. Чтобы поддержать тенденцию, Гиммлер разрешил своим вербовщиками начать агитацию среди штурмовиков, что ранее было просто невозможно. Разумеется, такая работа вызвала резкое сопротивление региональных руководителей штурмовых отрядов. Адольфу Гитлеру пришлось примирять две партийные армии.

К тому времени форма одежды членов СС тоже изменилась: черный цвет закрепился за охранными отрядами, тогда как у штурмовиков он остался коричневым. Эсэсовцы теперь носили черные фуражки, черные галстуки, черные брюки и нарукавные повязки со свастикой в черной окантовке. На левом рукаве имелась цифра, обозначающая номер соответствующего подразделения.

На первых порах Гиммлер принял за основу организационную структуру и звания штурмовых отрядов. Самым маленьким подразделением СС стало отделение (шар) из восьми человек с шарфюрером во главе. Три отделения составляли взвод (трупп) под командованием труппфюрера; в нем могло быть от двадцати до шестидесяти человек. Три взвода образовывали роту (штурм), представлявшую собой основное подразделение СС, численность ее варьировалась от семидесяти до ста двадцати человек; командир роты стал штурмфюрер. Следующее подразделение – батальон (штурмбан) во главе со штурмбаннфюрером охватывал от двухсот пятидесяти до шестисот человек. Три или четыре батальона сводились в полк (штандарт) с числом личного состава от тысячи до трех тысяч человек; командир полка – штандартенфюрер. Несколько штандартов образовывали подгруппу, нечто вроде бригады, во главе с оберфюрером. В последующем из нескольких подгрупп формировалась территориальная группа, соответствующая дивизии, которой командовал группенфюрер.

Новая эсэсовская армия долго оставалась на бумаге: Генриху Гиммлеру не хватало людей, способных вдохнуть жизнь в эту конструкцию. Однако Адольф Гитлер оказал помощь СС, дав указание выделять в состав вновь образуемых подразделений до половины штатной численности отрядов штурмовиков. Причем эсэсовское руководство получало право отсылать назад тех, кто не подходил по личным, расовым или деловым качествам. Таким образом, необходимость агитационной работы вербовщиков СС среди личного состава штурмовиков отпала.

Тем временем раскол между националистическим крылом и сторонниками социалистической части программы НСДАП во главе с Эрнстом Рёмом стремительно нарастал. «Моментом истины» стало назначение Адольфа Гитлера на пост канцлера Германии и воссоздание империи после пожара в Рейхстаге. Штурмовики Эрнста Рёма сочли произошедший переворот своей победой, требуя большей власти. Хотя сам Рём был включен в состав правительства как министр без портфеля, а его подчиненные в коричневой форме получили статус вспомогательных полицейских сил и могли теперь открыто расправляться с евреями и

«врагами государства», руководители штурмовиков вели себя поистине как средневековые наемники, не получившие ожидаемой доли добычи. Они настаивали на второй революции и желали, чтобы штурмовые отряды заменили армию.

Высшие финансовые круги и генералитет Германии дали Гитлеру ясно понять, что он лишится их поддержки, если не одернет штурмовиков. А Эрнст Рём словно и не чувствовал, что над ним сгущаются тучи: продолжал выступать с критикой фюрера, доходя чуть ли не до прямых угроз. Весной 1934 года Гитлеру стало известно, что Рём тайно вооружил охрану своего штаба пулеметами, что было прямым нарушением существующих запретов.

30 июня 1934 года, обвинив командование штурмовиков в измене и подготовке переворота, СС нанесли по ним сокрушительный удар. Уничтожение верхушки коричневых вошло в историю под названием «Ночь длинных ножей». Эрнст Рём был арестован. Два дня спустя Гитлер предложил ему покончить с собой. Рём отказался, после чего был застрелен прямо в тюремной камере. В одном только Берлине эсэсовцы арестовали полтора десятка высших руководителей штурмовых отрядов. Большинство из них тут же казнили – их расстреливали группами. Точные данные о количестве убитых неизвестны до сих пор. Место Рёма фюрер отдал лояльному обергруппенфюреру штурмовиков Виктору Лютце.

Гитлер высоко оценил результаты устроенной эсэсовцами бойни. 20 июля 1934 года он издал приказ: «Учитывая выдающиеся заслуги сил СС, особенно во время событий 30 июня 1934 года, я возвожу СС в ранг самостоятельной организации в рамках НСДАП».

С этого момента охранные отряды, которые уже в открытую называли «Черным орденом», получили практически безраздельную власть в Германии.

Ритуалы СС

В 1933 году, вскоре после прихода нацистов к власти, Генрих Гиммлер устроил собрание, на которое были приглашены ученые, промышленники, офицеры и землевладельцы. Обращаясь к ним, он призвал их «оказывать помощь СС в развитии и укреплении традиционных путей жизни». Выступление рейхсфюрера было встречено продолжительными овациями, и почти все присутствовавшие выразили желание присоединиться к эсэсовскому ордену.

Внешне СС выглядели как привилегированная военная организация кайзеровских времен. При этом наблюдатели отмечали определенное сходство между структурами СС и орденом иезуитов, основанным Игнатием де Лойолой в августе 1534 года. По мнению историков, Гиммлер старался следовать по его стопам. Он считал, что СС призваны сыграть такую же роль в «тысячелетнем рейхе», как иезуиты в Испанской империи.

Историк Хайнц Хёне в своем исследовании истории СС пишет:

Сходство между ними действительно потрясающее: каждый является орденом, дающим огромные привилегии своим членам, неподвластным мирской юрисдикции, строго регулируя условия приема и держа членов в абсолютном слепом повиновении своему владыке и господину – папе или фюреру. История обеих организаций содержит совершенно потрясающие параллели. В XVII веке иезуиты основали свое государство среди индейцев Парагвая; во время Второй мировой войны в СС мечтали о государстве СС внутри великого германского рейха – Бургундского государства СС со своим правительством, армией, администрацией и представительством в Берлине. Даже трудности, с которыми они сталкивались, похожи. Внутри Католической Церкви всегда были враги иезуитов, как и враги СС внутри партии. Иезуиты претендовали на право быть мечом Контрреформации или образцом монашеского благочестия; СС всегда считали себя идеологической закваской национал-социализма либо полицейскими режима. Как указывает Найме, было также подобие и в физической структуре. Орден Лойолы, например, возглавлял генерал, которому помогали пять советников. Гиммлер следовал этому же плану, хотя советники были размещены по отделам. Это сходство не осталось незамеченным. Гитлер называл Гиммлера «мой Игнатий Лойола».

Несмотря на крайнюю ортодоксальность взглядов, члены ордена иезуитов тщательно изучали астрологию, алхимию, каббалу, языческие верования – все то, что сами же подавляли наиболее безжалостным образом. Так же и Генрих Гиммлер, яро преследуя масонов и прочих мистиков, выуживал у них разнообразную информацию, в том числе из сферы оккультных наук.

С установлением диктатуры нацистов к Гиммлеру стали приходиться люди, радикально изменившие социальную структуру охранных отрядов. До 1933 года в них различались три основных типа эсэсовцев: бывшие военнослужащие, интеллигенты с незаконченным образованием и мелкобуржуазные ветераны движения, набранные в мюнхенских пивных. Но только десятая часть прежнего состава сумела сохранить свои позиции под натиском новичков, хлынувших в СС с марта 1933 года. Начало обновлению положили дворяне. Незадолго до захвата власти в ряды охранных отрядов вступили известные аристократы, среди которых можно назвать эрцгерцога Мекленбургского, наследного принца Вальдека и Пирмонта, принцев Кристофа и Вильгельма Гессенских, графов Базевиц-Бера и фон Пфайль-Бургхауса, баронов фон Тюнгена, фон Гайра, фон Райценштайна и фон Мальзен-Поникау. Представители почти всех известных в прусско-немецкой военной истории семей тоже состояли в СС.

Вслед за дворянами потянулись дети среднего класса. В отличие от своих предшественников, они были представителями XX века – интеллигентами с высшим образованием, воспитанными на идеях немецкого молодежного движения. Почти все эти буржуа оказались в службе безопасности охранных отрядов СД, далекой от окопного социализма, а также от вульгарного национал-социализма периода борьбы за власть. Вальтер Шелленберг, Райнхард Хён, Франц Сикс и Отто Олендорф стали образцами эсэсовских интеллектуалов – «социальных инженеров», которые обслуживали диктатуру Гитлера, используя формально правовые методы. Все это были умные циничные люди, лишённые каких-либо иллюзий, не подверженные какому-либо идеологическому воздействию, зараженные вирусом властолюбия, духовно опустошенные и отказавшиеся от общечеловеческой морали. Именно из-за них эпоха Третьего рейха стала эпохой торжества безнравственности и антигуманизма. Именно они превратили республику в большой концлагерь, вернув первобытное рабство в экономику, а средневековые интриги – в большую политику.

Еще одну группу новичков СС составляли представители офицерского

корпуса рейхсвера, вошедшие в состав подразделений для особых поручений. Но их трудно подвести под один знаменатель. Так, бывший генерал-лейтенант рейхсвера и шеф «Стального шлема» Пауль Хауссер, монархист по убеждениям, принес консервативный дух в войска СС. А такие реформаторы, как прусский майор Феликс Штайнер и лейтенант авиации Вильгельм Биттрих, рассматривали подразделения для особых поручений в качестве экспериментальных, призванных попробовать альтернативные варианты несения воинской службы.

Охранные отряды не обошлись и без представителей крестьянства. Молодые парни пополняли подразделения, определенные в охрану концентрационных лагерей. Более образованные из них попытались счастья в юнкерских школах СС, предоставлявших возможность получения офицерского звания без предварительного образования, как то требовалось в рейхсвере.

Молодежь тянулась к СС еще и потому, что Генриху Гиммлеру удалось придумать особую эстетику. Эсэсовцы собирались превзойти всех не только в насилии, но и во внешнем лоске. Члены отрядов носили излюбленную немцами шикарную форму (френчи, галстуки, портупей, брюки-бриджи и сапоги), ее элегантный черный цвет искоренял плебейский коричневый. На головах эсэсовцев – черные же фуражки с серебряными знаками «мертвой головы». Создатели новой формы, художники-дизайнеры Карл Дибич и Вальтер Хек, сделали все возможное, чтобы привлечь к ней внимание любящих иерархию немцев, снабдив загадочными отличительными знаками. Шитый из алюминиевых нитей угол «V» на правом предплечье означал старого бойца, ромб с буквами «SD» – принадлежность к органам безопасности. Погоны отражали все градации званий. У офицеров, вплоть до гауптштурмфюрера, они были выполнены из шести алюминиевых шнуров, расположенных в один ряд, далее – вплоть до штандартенфюрера – с тройным плетением. Оберфюреры и все, кто был выше по званию, носили погоны с тройным плетением из двойной нити. Петлицы различались еще больше, особенно у старших офицеров. Так, штандартенфюреры носили дубовый лист, оберфюреры – два дубовых листа, бригаденфюреры – два дубовых листа со звездочкой, группенфюреры – три дубовых листа, обергруппенфюреры – три дубовых листа со звездочкой, а рейхсфюрер имел три дубовых листа в дубовом же венке.

Для немецких нацистов дуб олицетворял волю к победе, стойкость перед лицом невзгод. Читаем статью Вильгельма Штеккелингса, отобранную для сборника «Классовое чтение в немецкой школе»:

Видите ли вы дуб на том голом камне? Мощный ствол гордо несет пышную крону. Дереву уже несколько сот лет. Легенда гласит, что шведы в первой из мировых войн, которую они называют Тридцатилетней, использовали его мощные сучковатые ветви в качестве виселицы. Сейчас шесть человек не могут обхватить руками ствол этого гиганта. Лет сорок тому назад ужасный ураган повалил сотни больших деревьев, поломав их как спички. Дуб же этот, невзирая на непогоду, продолжал стоять во весь рост. Откуда же, вы думаете, этот гигант набрался такой силы? Загадка эта не слишком сложна. Будучи еще совсем молодым, деревце было предоставлено самому себе. Свободно, без посторонней помощи и защиты дубок одиноко рос на своей высоте. Ему приходилось самому противостоять ветру, воде и плохой погоде. И летом и зимой бури налетали на его крону, срывая листву и заставляя трещать и гнуться его ветви. Но это только еще больше укрепило дерево. Чем хуже была погода, тем сильнее сопротивлялся этот дуб ее ударам. Времени на отдых и расслабление у него не было. Дерево подчинялось законам выживания, самозащиты и необходимости. Оно было бойцом с самого начала. Пусть же, молодые немцы, этот дуб станет для вас примером. Вы должны быть подобными ему! Быть здоровыми, крепкими и величественными, полными силы и благородства.

Понятно, что особое значение при отборе кандидатов в члены СС Гиммлер придавал происхождению и внешним признакам, подтверждающим «чистоту» крови. Он обратился к профессору Бруно Шульцу с просьбой составить список требований, предъявляемых к кандидатам. Тот подготовил специальную таблицу для расовой комиссии, которая решала вопрос о приеме новых эсэсовцев, исходя из их расовой принадлежности, состояния здоровья и общей подготовки. Интеллектуальные способности при этом не учитывались. Генрих Гиммлер считал, что будущий нордический ариогерманец должен быть обязательно блондином с голубыми глазами, и намеревался освободиться от «примесей крови» других рас. Поэтому таблица Шульца предусматривала пять градаций: группа «чисто нордическая»; группа «нордическая и фальская»; группа выходцев из этих двух рас и частично средиземноморских – от смешанных браков; группа метисов балтийского и альпийского происхождения; группа помесей неевропейского происхождения. Приему в СС подлежали представители трех первых групп. Гиммлер полагал, что уже через несколько лет руководящие посты в государстве будут занимать только блондины, а в следующем веке

немецкий народ станет исключительно арийской расой.

Но не только расовая принадлежность должна была решить эту проблему. От будущего эсэсовца требовалось и пропорциональное строение тела – по системе из девяти пунктов того же Бруно Шульца. Даже высокорослые люди не подходили, если у них были какие-либо отклонения физического плана: например, несоответствие размеров длины ног и верхней части туловища. Принимались кандидаты, получавшие первые четыре оценки шкалы Шульца: «идеальное телосложение», «отлично», «очень хорошо» и «хорошо». Комиссию могли благополучно пройти еще две категории кандидатов, если при оценках «удовлетворительно» и «небольшие отклонения» они имели благородные манеры и являлись представителями нордической расы. Гиммлер утверждал: «Кандидат не может выглядеть холопом. Его походка и руки также должны соответствовать тем идеалам, которые мы хотим иметь».

Самым последовательным воплощением культивируемого в СС расового типа был руководитель СД Рейнхард Гейдрих, которого швейцарский дипломат Карл Буркхардт назвал «юным злым богом смерти». Гейдриха даже его окружение называло «белокурой бестией», и он на самом деле олицетворял тип энергичного и вездесущего функционера СС, отличавшегося высоким профессионализмом.

Непосредственно после приема в ряды неофит еще не именовался членом СС. Подобно начинающему иезуиту, он должен был пройти долгий период обучения и испытаний перед тем, как произнести последнюю клятву. Обучение осуществлялось в специальных школах, появившихся в 1933 году. Через десять лет в Германии работали тридцать три такие школы для юношей и четыре – для девушек. Они функционировали по принципу интернатов; учащиеся получали обмундирование, их воспитывали «в физическом, духовном и моральном отношении в духе национал-социализма, служения народу и национальному сообществу». Помимо усвоения аспектов нацистского мировоззрения, от учеников требовалось овладение военными знаниями, и каждый должен был получить особый значок, удостоверявший хорошую спортивную подготовку.

Кроме того, кандидаты изучали значение рун. В этом была своя логика, поскольку с момента прихода Адольфа Гитлера к власти старая немецкая символика в срочном порядке заменялась новой – рунической.

Руны – форма древнего северного письма: выразительные, отделенные друг от друга, написанные или вырезанные на чем-либо знаки. Каждая руна имеет имя и собственный смысл, выходящий за пределы ее фонетики и буквального значения. Генрих Гиммлер привязал руны к конкретным видам

деятельности, придав обычным общественным занятиям оттенок высшего магического ритуала. Так, руна «тайваз», посвященная однорукому богу войны Тору, использовалась в эмблемах курсантов и юношеской организации «Гитлерюгенд»; часто эту руну можно было увидеть на могилах старых эсэсовцев – она заменяла собой христианский крест. Защитная руна «альгиз» с идеографическим значением корней использовалась в символике Министерства сельского хозяйства. Для своей организации Гиммлер выбрал сочетание из двух рун «зиг» («сол»), которые в классическом начертании напоминают зигзаг молнии, символизируют солнечный диск в движении, являются частью солнечного колеса и как таковые обозначают цель и путь, ведущий к достижению этой цели. В «зиг» можно увидеть небесный огонь, спускающийся вниз, к Земле, а также путь осеннего солнца к зимнему солнцестоянию. Любопытно, что идея соединить две руны «зиг» в одну эмблему принадлежит дизайнеру Вальтеру Хеку, который участвовал в разработке эсэсовской формы. За свое изобретение он даже получил гонорар – две с половиной марки!

Генрих Гиммлер распорядился обставить процесс приема и пребывания в СС многочисленными церемониями и обрядами. 9 ноября (день «пивного путча») кандидата объявляли новобранцем СС и разрешали ему облачиться в эсэсовскую форму, но без петлиц. 30 января (приход нацистов к власти) новобранец получал предварительное удостоверение. 20 апреля (день рождения Адольфа Гитлера) новобранец после торжественной церемонии получал петлицы и удостоверение. Тогда же он произносил слова присяги. Церемония проходила в полночь при свете тысяч горящих факелов.

А вот как звучала клятва новобранца:

Клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер Германского рейха, быть верным и мужественным. Клянусь тебе и назначенным тобой начальникам беспрекословно повиноваться вплоть до самой смерти. Да поможет мне Бог!

После этого новоиспеченные эсэсовцы сдавали спортивные нормативы для получения имперского спортивного значка. Затем, 1 октября, отправлялись отбывать повинность на «трудовом фронте», а потом – в вермахте. За это время неофит должен был назубок выучить эсэсовский катехизис, вопросы и ответы к которому должны были еще более погрузить его в атмосферу культа Гитлера. Вот пример такого вопросника:

Вопрос. Почему мы верим в Германию и фюрера?

Ответ.

Потому что верим в Господа Бога, создавшего Германию и пославшего нам фюрера Адольфа Гитлера.

Вопрос. Кому мы должны служить в первую очередь?

Ответ. Нашему народу и его фюреру Адольфу Гитлеру.

Вопрос. Почему ты повинешься?

Ответ.

По внутреннему убеждению, из веры в Германию, фюрера, движение, охранные отряды...

Получив характеристику от армейских командиров, после новой торжественной церемонии, ровно через год, опять же 9 ноября, эсэсовец становился полноправным членом организации и начинал делать карьеру в ее структурах.

В возрасте от двадцати пяти до тридцати лет член СС был обязан создать семью, причем молодожены должны были пройти самый тщательный медицинский осмотр у врача санитарной службы СС и представить документы, удостоверяющие их расовую чистоту. Родословные рядовых эсэсовцев должны были восходить к 1800 году, представителей командного состава – к 1750 году. Церковный брак заменяла особая церемония с участием командира местной организации СС. Соблюдение ритуала строго отслеживали – в одном только 1937 году три сотни эсэсовцев были изгнаны из рядов за то, что предпочли гиммлеровскому бракосочетанию венчание в обычной церкви. Обряд крещения новорожденного в семье эсэсовца также представлял собой новую церемонию – наречение младенца перед портретом Гитлера, книгой «Моя борьба» и знаком свастики.

Рейхсфюрера огорчало, что к 31 декабря 1939 года у 115 650 женатых эсэсовцев вместо предполагаемых четверых детей на семью было в среднем лишь по одному ребенку. Поэтому он призывал, чтобы вдовы солдат и офицеров СС рожали детей, невзирая на отсутствие мужа. Будущее незаконнорожденных арийских детей, по замыслу Гимmlера, обеспечивал сам «Черный орден». Организация, которая занималась их обустройством, называлась «Лебенсборн» («Источник жизни»), благодаря Гимmlеру с течением времени она становилась все влиятельнее, превратившись в институт по селекции и выращиванию маленьких арийцев нордического типа, которых СС собирали по всей Европе. Фактически с помощью «Лебенсборн» рейхсфюрер начал проводить свою утопическую

политику по формированию расы господ будущего.

С концепцией многодетной семьи связано и то, что самым ужасным прегрешением эсэсовца считался гомосексуализм. Сначала заподозренный в гомосексуальности изгонялся из СС и предавался гражданскому суду – для расследования обстоятельств дела и вынесения приговора. Типичным приговором в таком случае было тюремное заключение. Но как только срок заканчивался, преступник помещался в концентрационный лагерь, а там его устранили «при попытке к бегству».

В будущем «Черный орден» должен был становиться все более закрытым и могущественным. Как писал историк Хайнц Хёне: «Покров тайны лежал на деятельности СС. Никому, даже членам партии... не разрешалось знать, что делает СС; гиммлеровский орден существовал в таинственных сумерках». И с каждым годом эти сумерки делались все таинственнее.

Когда кандидат 20 апреля приносил присягу, он вдруг обнаруживал, что существует «храм внутри храма» и, чтобы сделать карьеру, он должен пройти еще один круг посвящения.

Знаками отличия принадлежности к внутреннему кругу СС были кольцо, кинжал и шпага. Доказавшим свою преданность и боевые качества, независимо от их чина, полагалось носить серебряное кольцо с изображением «мертвой головы». Первоначально кольца предназначались лишь «старой гвардии», но к 1939 году им обладал почти каждый офицер СС, занимавший командную должность не менее трех лет. Кинжал в черных ножнах с широким заостренным лезвием и надписью готическим шрифтом «Моя честь – это верность» являлся символом эсэсовской элиты. Его имели право носить те, кто имел чин не ниже оберштурмфюрера. В основу дизайна был положен Гольбейновский кинжал: он получил название по рисунку на ножнах, воспроизводившему сцены гравюр из серии «Пляска смерти», созданных Гансом Гольбейном Младшим в XVI веке. Накануне войны в дополнение к ножу появился меч – на этот раз прототипом стало холодное оружие немецких полицейских: изящный прямой клинок и прямая деревянная рукоятка, украшенная рунами победы.

Вскоре началось производство дамасских клинков, украшенных эсэсовскими позолоченными надписями. Такие клинки пользовались особой славой еще в XVIII веке и были очень дороги. В Германии старинным ремеслом изготовления подобных клинков владел кузнечных дел мастер Пауль Мюллер. Рейхсфюрер потребовал, чтобы древнее мастерство не было утрачено, и поручил Мюллеру организовать в Дахау специальную кузнечную школу. Процесс изготовления дамасских клинков

(ковка в одно целое нескольких тончайших полосок стали очень трудоемка) был подобен тому, что изобрели японские мастера, изготавливавшие знаменитые самурайские мечи. Мюллер, кстати, пережил войну и продолжал ковать дамасские клинки вплоть до 1971 года, оставив секреты мастерства своим ученикам.

Для второго уровня посвящения Генрих Гиммлер активно использовал атрибутику древнегерманских культов и традиции средневекового рыцарства, а конкретнее – тамплиеров и Тевтонского ордена. Ежегодно молодые кадры СС приезжали в Брунсвик, к гробу герцога Мекленбургского, чтобы пройти так называемую церемонию плотного воздуха (видимо, намек на чрезвычайное напряжение, которое испытывает всякий принимающий обет). Там уже никто не вспоминал о Третьем рейхе или национал-социалистическом государстве – речь шла только о магическом приготовлении к приходу человека-бога.

Поскольку речь шла о создании особой элиты будущего, рейхсфюрер сделал все, чтобы законодательно закрепить обособленность членов «Черного ордена», их независимость от традиционных общественных институтов и даже подразделений НСДАП. И действительно, со временем весь офицерский состав охранных отрядов, начиная со штурмбаннфюрера, был выведен из-под обычной юрисдикции. Но зато была введена юрисдикция совершенно иного рода – основывающаяся на рыцарском кодексе и понятиях чести, рожденных немецким студенческим сообществом.

В ноябре 1935 года Генрих Гиммлер ввел положение: «Любой эсэсовец имеет право и обязанность защищать свою честь с оружием в руках». Фактически в повседневную практику была возвращена дуэль. С педантичностью школьного учителя рейхсфюрер расписал порядок дуэли. Получив оскорбление, эсэсовец должен был «предпринять в течение трех – двадцати четырех часов шаги для выяснения вопроса или получения удовлетворения, не считая выходных дней и праздников». Если удовлетворение получено не было, он обязан был заявить своему противнику, что «сообщит тому через своего посредника о своем решении». Секундант по возможности «должен был иметь чин не ниже чина оскорбителя и предстать перед ним в служебной форме одежды для решения условий дуэли и выбора оружия. Письменные извещения применимы только в исключительных случаях и должны отправляться заказным письмом». В понятие защиты собственной чести, по мнению Гиммлера, входило и самоубийство, которое он разрешил эсэсовцам официально.

Характерный пример – дело оберштурмфюрера СС Иоганнеса Букхольда, приговоренного к смертной казни за убийство подчиненного. 22 июня 1943 года его непосредственный начальник хауптштурмфюрер СС Блейль доложил: «Я напомнил Букхольду о действующем распоряжении рейхсфюрера СС и оставил ему в камере пистолет, заряженный одним патроном и снятый с предохранителя, с тем чтобы он в течение 6 часов мог воспользоваться предоставляющейся ему возможностью самому искупить свой поступок». «Милость» рейхсфюрера обреченный закрепил в письменной форме: «Подтверждаю правильность судебного разбирательства и вынесенный приговор. Букхольд, оберштурмфюрер СС». После этого Гиммлер распорядился: «Труп передать родственникам для захоронения. Букхольд смертью искупил свою вину. Родственникам оказать необходимую помощь, как если бы он пал на поле брани».

По-видимому, культ предков и германизма был необходим Гиммлеру для придания СС идеологического единства, которого прежде у организации не было. Но даже псевдорелигиозные ритуалы не могли заретушировать тот факт, что СС не обладали собственной концептуальной доктриной. В мировоззренческом плане охранные отряды оперировали теми же посылами, что и другие национал-социалистические формации: раболепством перед Гитлером, гипертрофированным национализмом и расовым мифом. Однако цинизм большинства эсэсовцев не позволял им всерьез относиться к идеологии собственного шефа. Просветительные мероприятия, организуемые по приказу рейхсфюрера, были наименее посещаемыми; даже офицерский состав предпочитал им пивные застолья.

И все же Генрих Гиммлер рассчитывал, что со временем, когда сменятся поколения, в СС наконец придет молодежь, которая будет воспитана в духе благоговения перед строителями Третьего рейха. В глазах этой молодежи он и Гитлер должны были предстать божествами, сотворившими мир из хаоса. Тогда роль «Черного ордена» менялась – из телохранителей вождей и элиты НСДАП эсэсовцы превращались в жрецов новой религии, которая должна была заменить для оккупированной Европы христианство.

«Наследие предков»

Историю магических поисков и оккультных практик в Третьем рейхе обычно связывают с организацией, созданной с благословения Генриха Гиммлера и упоминаемой как «Аненербе» («Наследие предков»).

Те из современных историков, кто хотя бы раз писал об эзотерических корнях идеологии немецких нацистов, расходятся в своем отношении к «Аненербе». Одни считают «Аненербе» скучной бюрократической организацией, которая занималась совершенно излишними по меркам военного времени исследованиями. Другие, наоборот, называют «Аненербе» средоточием мистических тайн, институтом магов, тайно управлявших Адольфом Гитлером и чуть ли не всем Третьим рейхом. Истина, как водится, лежит посередине. Безусловно, создание «Аненербе» было ошибкой с тактической точки зрения – полученный результат не оправдывал затрат, а усложнение и без того громоздкого бюрократического аппарата не способствовало приближению победы нацистов над врагами. Однако в стратегической перспективе именно в недрах «Аненербе» должны были появиться рекомендации по формированию расы господ и доктрин новой национальной религии, не имеющей ничего общего с христианством.

Автором идеи и первым руководителем «Аненербе» был этнограф Герман Вирт. Он родился в 1885 году в семье учителя из городка Утрехт. С юности Герман проявлял интерес к гуманитарным наукам. После изучения в Лейпциге и родном Утрехте философии, германистики, истории, теории музыки он в соавторстве с этнографом Джоном Мейером издал работу «Упадок народных нидерландских песен» (1911), по этой же теме защитил диссертацию. Уже тогда молодой ученый был ярким приверженцем идей пангерманизма, разделял идеалы романтически-националистических организаций.

Начало Первой мировой войны застало Вирта в Берлинском университете, где он преподавал голландскую филологию. Не задумываясь, он ушел добровольцем в кайзеровскую армию. По окончании войны Вирт преподавал в Брюссельском университете фламандский язык и вернулся в Германию только в 1923 году. Он поселился в Марбурге и, не найдя достойной работы, занялся частными исследованиями. Именно там Герман Вирт начал писать свою книгу «Происхождение человечества: исследование по истории религии, символики и письменности атлантико-нордической расы» (1928).

В отличие от многих современных ему народников, преуспевших в конструировании легенд о «великом прошлом» германцев, Вирт старался, чтобы его теории имели хоть какое-то научное обоснование. Впрочем, сегодня аргументация Вирта выглядит более чем сомнительной. Уже в своей диссертационной работе он писал, будто бы забвение народных песен предопределено развитием всемирной экономической системы, что космополитизация хозяйственной жизни вела к трагическому крушению культуры Нидерландов. Далее, обобщая письменность Средиземноморья, североафриканских племен, наречия индейцев Северной Америки и эскимосов, Вирт пришел к выводу о существовании культурной общности народов североатлантического бассейна – в подтверждение этому он почему-то приводил письменные памятники, найденные в Юго-Западной Европе, а не на севере континента. Опираясь на подобные документы, Вирт обосновывал идею существования монотеистической религии, которая господствовала в Древнем мире. Подобно последователям Гвидо фон Листа и Адольфа Ланца, он захотел воссоздать ту забытую религию, которая должна была послужить основой к возрождению нордической расы и освобождению ее от «проклятия» индустриальной цивилизации.

Возрождение вкупе с освобождением стало проводиться в жизнь прямо в Марбурге, где Герман Вирт создал небольшую группу сторонников, проповедуя им нордическое вегетарианство. Сегодня Вирта называли бы реконструктором: ведь он не только питался по системе, почерпнутой им из собственного воображаемого мира доисторической германской цивилизации, но и воспроизводил «древние» костюмы, в которых щеголял перед домочадцами.

Герман Вирт сразу обратил внимание на Национал-социалистическую партию. В этой партии он увидел силу, которая могла восстановить истинно немецкий образ жизни. Однако вступил он в нее достаточно поздно – в августе 1925 года, когда НСДАП возродилась после «пивного путча». И уже в июле 1926 года покинул стан гитлеровцев. В тридцатые годы он объяснял свой поступок тем, что в качестве беспартийного деятеля мог сделать гораздо больше для национал-социалистического движения и якобы его выход санкционировал сам Адольф Гитлер. На самом деле он просто не хотел портить отношения с богатыми евреями, которые спонсировали его исторические исследования. А с Гитлером он познакомился лишь в 1929 году, когда читал лекции в Мюнхене, – фюрер, не употреблявший мяса, проявил живой интерес к нордическому вегетарианству Вирта.

Карьера Вирта как ученого имела спады и подъемы. В октябре 1932

года он принял приглашение нацистов из Мекленбурга создать Исследовательский институт духовной истории древности. В городке Бад-Доберан он основал структуру, которой суждено было стать предтечей «Аненербе». Здесь он получал государственное субсидирование своих изысканий, а главное – оказался вне критики коллег-германистов. Последние, по мнению Вирта, были резко настроены против него: мол, в немецких университетах господствует консервативная наука, которая презрительно относится к радикальным научным течениям и популяризаторам народничества. В действительности причиной изоляции были псевдонаучные методики исследования древней истории, к которым частенько прибегал Вирт. Как следствие, осмеянию подверглись не только методики, но и все его реконструкции – оппоненты доказывали, что теория Вирта, будто бы в каменном и бронзовом веке люди поклонялись Отцу-небу и Матери-земле, абсурдна от начала до конца.

Основным направлением работы Исследовательского института духовной истории древности стало копирование наскальных рисунков, обнаруженных в местах первобытных стоянок. В 1932 году Мекленбургское правительство дало согласие на то, чтобы Вирт инсценировал в естественном интерьере свою работу «Северная мать народов и заветы предков», но этой реконструкции не суждено было состояться из-за отсутствия денег. Финансирование проектов Вирта не увеличилось даже после прихода нацистов к власти. Дело в том, что Гитлер, интересовавшийся его работами, тем не менее относился к народникам без особых симпатий.

Так или иначе в 1933 году Вирт получил титул профессора и место преподавателя в Берлинском университете Фридриха Вильгельма, что позволило ему отказаться от приработка в качестве секретаря или домашнего учителя. Тогда же он организовал выставку под названием «Немецкое наследие предков», посвященную древней истории нордической расы. У Вирта появились поклонники, осыпавшие его щедрыми пожертвованиями: Матильда Мерк из Дармштадта, торговец кофе Юлиус Розалиус из Бремена, принцесса Мари Адельхайд Ренс и другие.

Герман Вирт не отказался от идеи создания псевдоисторической реконструкции в виде костюмированного действия. Чтобы привлечь внимание к своим разработкам, профессор решил использовать козырную карту – издал перевод старофризского документа «Хроники Ура-Линды» (1933). Этот документ якобы содержал в себе историю фризской семьи Овер де Линда начиная с VI века до нашей эры. Еще в XIX веке было доказано, что рукопись является фальшивкой, однако Вирт был иного

мнения. Он утверждал: в ней содержится высокое мировоззрение народов региона Северного моря в период каменного века. Разумеется, академические круги с гневом отвергли палеофантастические измышления, и в 1934 году только ленивый германист не пнул профессора в связи с изданием «Хроник». Поучаствовал в высмеивании и главный идеолог нацистской партии Альфред Розенберг, заявивший в одной из своих речей, что имя Вирта следует вычеркнуть из истории Германии.

Ситуация изменилась, когда писатель-пропагандист Йоханн фон Леерс познакомил опального историка с Генрихом Гиммлером. В личном разговоре рейхсфюрер СС заявил, что для него мнение академиков вовсе не является чем-то значительным и он внимательно следит за работами Германа Вирта. Такое признание очень показательное и вполне характеризует мировоззренческие установки Гиммлера. Для него научная практика выглядела так: вместо гипотезы, создаваемой на основании имеющихся фактов, он сам выдумывал готовый тезис, который должен был соответствовать национал-социалистическим нормам. Если при этом имелись какие-то неудобные факты, то они либо отбрасывались (например, объявлялись выдумкой евреев), либо изменялись до неузнаваемости. В итоге отношение Гиммлера к ученым было неоднозначным. С одной стороны, он пытался привлечь на свою сторону таких корифеев науки, как физик Вернер Гейзенберг (Нобелевский лауреат, автор принципа неопределенности и немецкого атомного реактора), с другой – поддерживал связь с палеофантастами, мистиками и представителями различных эзотерических организаций. Осенью 1934 года Гиммлер оказался в сложной ситуации. Он был вынужден выбирать между шарлатанами, безоговорочно поддерживающими новый режим, и лояльными учеными. Результатом его размышлений и консультаций стало создание «Аненербе», организация которого и была поручена Герману Вирту. Пользуясь покровительством Гиммлера, профессор теперь мог продолжить изыскания по проблематике древней истории германцев и обеспечить свой институт научными кадрами.

Финансирование нового института взяло на себя Министерство сельского хозяйства, которое возглавлял «аграрный папа» Рихард Вальтер Дарре – он, как мы помним, увлекался идеологией «крови и почвы» и сошелся на этой основе с Генрихом Гиммлером. Уже в апреле 1935 года Герман Вирт получил щедрую поддержку и открыл в Берлине пока еще неофициальное Общество изучения древнегерманской истории, идеологии и наследия немецких предков. Начал он с того, что значительно расширил свою передвижную выставку, а затем сделал ее стационарной. В мае 1935

года выставку посетил сам Генрих Гиммлер. Формальная задача экспозиции состояла в том, чтобы дать идеологически обоснованный ответ на вопросы бытия немецкого народа. Поскольку выставка должна была способствовать укреплению расового сознания, ее посещение стало обязательным для членов почти всех национал-социалистических организаций: штурмовых отрядов, СС, «Гитлерюгенда», женских и студенческих объединений.

Мистика Туле

В основу научных изысканий «Аненербе» была положена легенда об утопическом острове Туле. Она восходит к путешествию знаменитого Пифея из Массилии (нынешний Марсель), которого в античные времена считали отъявленным лгуном и который был полностью (или почти полностью) реабилитирован в эпоху Великих географических открытий. Во время своих странствий Пифей посетил остров Ультима Туле – «самую далекую из всех известных земель». Плавание от Оркад (то есть Оркнейских островов) до Туле продолжалось пятеро суток. Сама эта страна отличалась плодородием; здесь произрастали «поздно созревающие плоды» и проживал культурный народ. Соотнести землю Туле с реальным географическим объектом не удалось до сих пор. Наряду с другими выдвигалась гипотеза о том, что таинственный остров затонул, став одной из банок Фарерской возвышенности.

В палеофантастической интерпретации остров Туле был частью великого арктического континента, отличавшегося умеренным климатом и неисчислимыми ресурсами, – северный вариант легендарной Атлантиды. Этот континент населяли высокие светловолосые брахицефалы («короткоголовые»), создавшие развитую цивилизацию, основанную главным образом на понятии чести. Другие же люди, рассеянные по всей Земле, еще не успели выйти из животного состояния. Избранная раса, проживающая на северном континенте, называлась арийской. Континент был отделен морем от остального мира, благодаря чему там полностью сохранялись традиции и чистота арийской крови. Однако в результате внезапного катаклизма направление вращения Земли изменилось, что привело к серьезным климатическим изменениям. В Туле исчезли плодородные земли и дичь, которой в основном питались арийцы. Нормальная жизнь там стала невозможной. Пятнадцать тысяч лет назад арийцы покинули свою этническую колыбель и отправились на поиски новых плодородных земель. Это расселение проходило в несколько волн. Вначале арийцы появились в европейской зоне Скандинавии и Балтики, то есть преимущественно в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии. Позднее они предпочитали селиться в той части Центральной Европы, которая в будущем стала территорией Священной Германской империи. Даже в изгнании арийцы хранили память о Туле. Чтобы не забыть традиции предков, они везде ставили свой полярный символ – свастику. Таким

образом этот знак получил распространение в Европе.

Подобные спекуляции охотно распространял австрийский «тамплиер» Адольф Ланц. В 1911 году он издал брошюру «Прародина и древняя история героической светловолосой расы», в которой излагал вышеописанные палеофантастические измышления, с удовольствием ссылаясь на Елену Блаватскую и Гвидо фон Листа. Он писал, что древние мегалитические постройки и каменные круги, обнаруженные в Европе, являются следами миграции арийской расы, которая перемещалась с севера на юг и оставляла в местах, населенных варварами, культовые сооружения, посвященные солнечной религии. Однако эта арийская палеофантастика не могла существовать сама по себе – она должна была подкрепляться другими мифами. Начиная с 1913 года издательство «Дидерих» выпускало в Йене 24-томное собрание северных саг и героических сказаний. Самая монументальная книжная серия носила название «Туле». С тех пор слово «Туле» закрепилось в словаре правых радикалов, став не просто политическим паролем, но и ключевым понятием в националистической мифологии.

Герман Вирт последовательно придерживался легенды о Туле. В 1933 году он даже организовал в Берлине очередную выставку под названием «Святые податели. Из Туле в Галилею и обратно из Галилеи в Туле». Профессор считал культуру Туле первоисточником всей духовности человечества. Подобное заявление он иллюстрировал множеством рисунков, фотографий, изображением символов, моделями мегалитических построек. Все эти экспонаты должны были доказать рядовому немцу, что следы далекой древности дошли до современности в народной традиции и национальных обычаях Германии. Рисунки, изображавшие скалы и каменные круги, подчеркивали значимость астрономических культов, тесно связанных со смертью и возрождением Солнца. Подобный годовой цикл был знаком всем первобытным народам, но Вирт сделал знание о нем достижением лишь нордической расы, поскольку полагал, что южным народам не очевидна разница между весной и осенью. По мнению профессора, христианское учение, предполагавшее смерть и воскресение, было всего лишь отголоском культуры Туле, которая попала на Восток благодаря арийским мореходам. Именно они заложили в христианстве прототипы праздников Рождества и Пасхи. Цель истинного немца состоит в том, чтобы возродить к жизни давно ушедшую религию предков. Для этого необходимо подробно изучать символику, руны и языческие обычаи.

Сразу после окончания выставки Герман Вирт потребовал, чтобы ее материалы были включены в учебные программы школ и вузов. Таким

способом профессор собирался искоренить комплекс национальной неполноценности, возникший в результате исторических рассказов о невзрачной жизни в первобытной Германии. Упоминания о Туле превратились в своеобразные мантры, которые кочевали из журнала в журнал. Проблема безопасности нации и борьбы за ее существование неизменно увязывалась с «духовной родиной нордической расы». На поверхность извлекались все новые легенды и предания, в которых хотя бы полусловом упоминалась нордическая прародина. Ее следы находили и в античной мифологии, и в средневековых гравюрах.

Повинуясь велению времени, немецкий фантаст Эдмунд Кисс написал роман «Поющие лебеди из Туле» (1939), в котором рисовал совершенно невероятные картины. Для Кисса остров Туле был всего лишь осколком Атлантиды, которая располагалась где-то поблизости от Гренландии. В свое время там господствовал мягкий климат, способствующий обильным урожаям. Жители Туле обладали совершенными знаниями в области астрономии – при возведении своих гигантских сооружений они учитывали движение космических тел. Единый бог религии Туле, в отличие от еврейского, был для людей добрым помощником. Однако подобная «богоизбранность» не сделала нордическую расу надменной и самовлюбленной. Жители Туле были мореплавателями, на их кораблях развевался гордый имперский флаг Атлантиды – синее полотнище с серебряной свастикой. После наступления ледникового периода культура Туле рухнула, и нордическая раса покинула родину, расселившись во всех частях мира. Там она заложила основы новых империй, в иерархии которых местное население выступало в роли «рабочих» (фактически – рабов). Светловолосые мигранты создали Египет, Элладу и Рим.

Следует помнить, что палеофантастические романы Эдмунда Кисса издавались в Третьем рейхе гигантскими тиражами. Поскольку это была своего рода популяризация тех псевдонаучных доктрин, которые разрабатывались в «Аненербе», Кисс стал его сотрудником, когда общество превратилось в институт.

Официально «Аненербе» было зарегистрировано в качестве института 1 июля 1935 года – с целью изучения «истории древней духовности». Герман Вирт, разумеется, претендовал на громкое звание президента «Аненербе». Но реальное влияние на институт, как и следовало ожидать, могли оказывать только Генрих Гиммлер, назначивший себя куратором, и Вальтер Дарре, который ввел в правление своих представителей. Ясно, что подобная структура была введена Гиммлером временно, и он с самого начала предполагал ее реформировать, еще больше подчинив себе.

Действительно, летом 1935 года рейхсфюрер назначил генеральным секретарем «Аненербе» тридцатилетнего кандидата в СС Вольфрама Зиверса.

Вольфрам Зиверс родился в 1905 году в городе Хильдесхайм в семье органиста. Профессия отца во многом способствовала тому, что он уже в молодости хорошо разбирался в сложных религиозных вопросах. В 1922 году юноша покинул гимназию, так и не получив аттестата. После войны Зиверс говорил, что вынужден был оставить учебу из-за бедственного положения семьи, однако в эсэсовской анкете написал, что покинул школу, дабы присоединиться к деятельности одного из народнических военизированных формирований. Последнее объяснение выглядит ближе к правде, ведь с молодых ногтей Вольфрам был ярким националистом. Вообще-то Зиверс хотел изучать юриспруденцию, но из-за недостатка образования пошел по торговой части. В течение двух лет работал учеником-подмастерьем на местной бумажной фабрике. Параллельно учился в городской ремесленной школе. В 1928 году Зиверс направился в Штутгарт, где устроился продавцом книг в одном из местных издательств. Не желая останавливаться на достигнутом в образовании, он посещал лекции в техническом университете.

В Штутгарте Вольфрам Зиверс присоединился к молодежным организациям консервативного толка, включая и «Артаманен», которая исповедовала идеологию «крови и почвы». Зиверса околдовали расовые и почвеннические мифы. Но со временем ему стало тесно в рамках молодежной организации, которая после внутреннего кризиса фактически распалась. И в 1929 году Зиверс начал сотрудничество с национал-социалистическим студенческим союзом и даже стал главой местной ячейки Штутгартского технического университета.

Переход в НСДАП был предопределен прежде всего убежденностью Зиверса, что гитлеровская партия – единственная, которая сможет обеспечить формирование новой элиты немецкого общества, предвестницы подлинной расы господ. Вера в необходимость создания такой элиты подталкивала его к идее формирования новой немецкой религии. Необходимую теоретическую базу Зиверс нашел с помощью двух людей: Германа Вирта и Фридриха Хильшера. С Германом Виртом мы уже знакомы, но кем же был Хильшер?

Фридрих Хильшер родился в 1902 году в небольшом городке Плауэн в семье галантерейщика. После окончания гимназии юноша присоединился к «Добровольческому корпусу», который вел оборонительные бои против польских вооруженных формирований в Верхней Силезии. После этого он

решил вступить в рейхсвер. Однако его армейская карьера оказалась недолгой – в марте 1920 года Хильшер принял активное участие в «капповском» путче и, опасаясь преследований, дезертировал. Затем он решил связать свою жизнь с наукой – изучал юриспруденцию в Берлинском университете, параллельно посещая занятия в Институте политики. В 1926 году защитил диссертацию по теме «Самовластие. Попытка немецкой трактовки юридического термина». Научная работа оказалась столь яркой и глубокой, что Хильшеру была присвоена научная степень одновременно по двум специализациям: «история права» и «философия права». Перед молодым специалистом открылись двери многих престижных учреждений – однако Хильшеру претила карьера чиновника.

Фридрих Хильшер был, по мнению современников, одаренным публицистом, обладавшим острым умом. Еще в студенческие годы он присоединился к движению «консервативной революции», которое было представлено такими яркими именами, как Эрнст Юнгер, Франц Шаувекер, Эрнст фон Саломон. Их национализм сочетался с радикальным антизападничеством и ориентацией на Советскую Россию. Многие из консервативных революционеров затем оказались в НСДАП, но в 1920-е годы они пытались дистанцироваться от «плебейской» идеологии. Как и другие «консервативные революционеры», Фридрих Хильшер отвергал национал-социализм – он был романтиком и противником тоталитарных взглядов. В то же время многие его рассуждения оказались созвучны идеологии почвенников НСДАП. Хильшер считал необходимым вернуться к истокам, «изжив государство до уровня племен и ландшафтов». Отрицая современные ему социальные институты, он предлагал воскресить средневековую германскую империю, управляемую немецкими племенами, каждое из которых обладало бы собственными отличительными особенностями. Созданный на основе того или иного племени союз должен был поклоняться характерным для данной народности священным символам. Племенные союзы должны были сформировать «сакральные объединения», из которых сложилась бы будущая элита Германии.

Во время диспута в Штутгартском техническом университете Фридрих Хильшер познакомился с Вольфрамом Зиверсом. Без сомнения, Зиверса привлекло в идеологии Хильшера положение о необходимости создания новой германской религии. Причем молодой публицист не только рассуждал – он создал и развивал целую культовую структуру, получившую название «Независимая свободная церковь». О ее существовании знали только очень близкие Хильшеру люди. Так, например, «консервативный революционер» Эрнст Юнгер сообщил о ней в своих дневниках 1943 года:

Многие, если не большая часть молодых интеллектуалов поколения, возмужавшего после Великой войны 1914 года, были затронуты его влиянием и прошли через его школу. <...> Ныне подтвердилось мое давнее подозрение, а именно: он основал церковь. Сейчас он отошел от догматической части и уже очень далеко продвинулся в создании литургии. Он показал мне серию песнопений и цикл праздников «языческий год», включающий и точный распорядок богов, животных, цветов, блюд, камней и растений. Например, 2 февраля празднуется посвящение свету...

Именно это Вольфрам Зиверс искал в идеологии многочисленных объединений и союзов: радикальный национализм, элитарное сознание и религиозную мистику. В апреле 1932 года восхищенный Зиверс сделал перед своими друзьями доклад «Прошлое и будущее рейха», который базировался на построениях Хильшера. «Его произведение – это первое историко-философское обоснование национализма, – писал Зиверс в конспектах доклада, – он показал подлинную, своего рода единственную историю империи. <...> Он смог дать немцам восхитительную идею. В своих категоричных выводах... он дает исчерпывающие ответы на вопросы современности».

Но все-таки Хильшер не вполне устраивал Зиверса. Дело в том, что публицист при создании своей религии опирался исключительно на германское наследие, игнорируя христианство. Зиверс не мог понять, почему Хильшер отвергает христианский пласт истории. Именно тогда, будучи на перепутье, Зиверс обратил внимание на учение Германа Вирта, который в своих работах претендовал на выявление тесной взаимосвязи древних культов с христианством. В конце концов личные симпатии привели Зиверса к профессору, и он поселился у него в Марбурге, где стал работать личным секретарем, помогая Вирту в проведении исследований, организации лекций и выставок. За короткий период он настолько увлекся древней историей, что приобрел богатейшие познания в этой сфере. В ноябре 1932 года вместе с Виртом он переехал в Бад-Доберан. Однако там между ними произошла ссора, вызванная политическими разногласиями, и в начале 1933 года Зиверс покинул Вирта.

Он подался в книготорговлю, но и там не задержался надолго. Летом 1935 года Герман Вирт, человек совсем не злопамятный, предложил кандидатуру Зиверса на пост генерального секретаря «Аненербе». Оказавшись в эсэсовском окружении, бывший книготорговец вновь проявил интерес к теории Фридриха Хильшера, поскольку стал более

терпимым к «альтернативным» религиозным воззрениям. Возможно, на него повлияли почерпнутые у Вирта сведения из области древней истории германцев – к 1935 году Вольфрам Зиверс окончательно отказался от христианства. О приверженности Зиверса новой германской религии свидетельствует тот факт, что в конце 1934 года он справил со своей невестой Хеленой Зибер языческую свадьбу, обряд которой был разработан лично Хильшером.

События 1935 года полностью изменили жизнь Зиверса. И самое странное – он согласился присоединиться к «Черному ордену», о котором до того отзывался с сарказмом и презрением. Кстати, именно в то время Хильшер был в опале – его разыскивали штурмовики, а печатные работы запретила цензура. Как же мог Зиверс согласиться сотрудничать с руководством СС, предав друга и единомышленника? После войны Фридрих Хильшер доказывал, будто бы Вольфрам Зиверс был видной фигурой в группе Сопротивления, созданной лично Хильшером на базе «Независимой свободной церкви»; будто бы после прихода нацистов к власти Зиверс должен был внедриться в СС, добывать там ценные сведения и передавать их антигитлеровской оппозиции. Такие утверждения были насквозь лживы – Хильшер просто пытался выгородить своего верного ученика перед Нюрнбергским трибуналом, спасая от неизбежной виселицы. На самом деле Вольфрам Зиверс вступил в СС, потому что представления об элите, проповедуемые Гиммлером, были похожи на его собственные куда в большей степени, чем представления «учителей» – Германа Вирта и Фридриха Хильшера.

Свои зрелые соображения об этом Зиверс изложил в небольшой брошюре «Немецкая молодежь». Зиверс писал о готовности молодежи пожертвовать собой ради нации, империи и расы, но подчеркивал, что ее симпатии к НСДАП не являются чем-то абсолютным и вечным. Он полагал, что национализм должен опираться прежде всего на народ и кровь, а не на партийные организации. Будущие вожди, по мнению Зиверса, также не должны были создаваться партиями. Массовое политическое движение и организация, формирующая элиту, могли лишь дополнять друг друга, но не совпадать. Истинный вождь для Зиверса – это не авторитетный политик, а «господин», жестко диктующий свою волю массам. Молодая элита, лично связанная с вождем, сформирует своего рода братство, которое будет для его членов важнее родственных и семейных привязанностей. В охранных отрядах СС, пытавшихся вознестись над основной массой народа и партийцев, Зиверс видел долгожданную реализацию принципов подлинного вождизма расы господ.

В 1935 году общее руководство и финансирование «Аненербе» осуществлялось не СС, а Имперским продовольственным кабинетом Вальтера Дарре. Причина проста – на тот момент «аграрный папа» обладал гораздо большими средствами и возможностями, чем рейхсфюрер СС: охранные отряды были взяты на государственное обеспечение только в 1938 году. Опасаясь потерять свое влияние в «Аненербе», Генрих Гиммлер установил связь с Немецким исследовательским обществом, получавшим достаточное финансирование от государства. Политический авторитет рейхсфюрера сделал свое дело, и было решено передать «Аненербе» часть проектов этой организации. Таким ходом Гиммлер уменьшил влияние Дарре, приравняв статус института к структуре СС.

Аграрная трактовка немецкой истории поддерживалась Гиммлером и была своего рода мерилем для деятельности «Аненербе». Это привело к тому, что большинство проектов, разработанных Германом Виртом в недрах «Наследия предков», одинаково подходили и для крестьян, и для эсэсовцев. Материалы исследований использовались в разных подразделениях НСДАП. К примеру, доклад «Обычаи в крестьянской среде» зачитывался не только перед крестьянами в рамках так называемой «Зеленой недели», но и в «Гитлерюгенде», и в других организациях. Кроме того, функционеры «Аненербе» получили эсэсовские чины: Вирт – звание гауптштурмфюрера СС, а Зиверс – рядового СС. В низком звании Зиверс пробыл недолго: в течение короткого времени он вырос до офицера.

Конфликт полномочий между Гиммлером и Дарре наметился летом 1936 года. С этого времени рейхсфюрер СС решил сам проводить селекцию немцев с целью создания расы господ. Гиммлер пошел гораздо дальше Дарре, говорившего о том, что утопическим идеалом Германии являются семьи оседлых немецких крестьян: рейхсфюрер выдвинул идею о «боевом крестьянстве», которое было бы в состоянии само завоевать себе земли на Востоке. Разлад был предопределен, а повод быстро нашелся: Дарре подверг критике рукопись «Германская история» Хайнара Шиллинга, а этот исследователь рун пользовался большим авторитетом у рейхсфюрера СС. Намечавшийся скандал удалось замять только при решительном вмешательстве Вольфрама Зиверса. В ноябре 1936 года «Аненербе» перешло под непосредственный контроль адъютанта Гиммлера, причем кабинет «аграрного папы» Дарре продолжал исправно финансировать все проекты «Наследия предков».

Германа Вирта вполне устраивало намерение рейхсфюрера превратить институт в научный центр СС, хотя такая возможность и не была предусмотрена в уставе его организации. Однако для претворения решения

в жизнь у «Аненербе» не хватало научно подготовленных кадров и квалифицированных специалистов. Непризнанный наукой Герман Вирт мало способствовал их появлению. Гиммлер прекрасно осознавал это, и отставка профессора была лишь вопросом времени.

В тот период Вирт работал не только как президент «Аненербе», но и как руководитель Отдела письменности и символики. Там он продолжал свои прежние исследования культовой утвари, одежды и украшений. По инициативе Вирта был даже разработан проект мастерской, в которой предполагалось изготавливать дубликаты наиболее ценных экспонатов. Позднее Вирт планировал создать киностудию, чтобы в специальных декорациях снимать фильмы о древних германцах. Кроме того, он предпринял экспедиции в Скандинавию: первая из них состоялась осенью 1935 года, вторая – в августе 1936 года. Участники экспедиции копировали наскальные знаки, после чего Вирт изучал петроглифы в Берлине.

Когда-то Гиммлер еще надеялся, что Герман Вирт обретет признание в академических кругах. Но время шло, и он убедился, что все предыдущие теории профессора основаны на бездоказательных утверждениях. В сентябре 1936 года Гиммлеру сообщили, что Вирт закончил рукопись книги под названием «Одал» – своего рода путеводитель по источникам и письменным памятникам, которые затрагивали языческий обряд «одал». Вирт клятвенно утверждал, что книга имеет сугубо научный характер. Но профессор перестарался: Гиммлер не поверил, что один человек в течение двух месяцев мог написать книгу объемом в шестьсот страниц. Подозревая, что Вирт просто водит его за нос, рейхсфюрер принял решение отделаться от него и дал понять, что отныне президент «Аненербе» не имеет права вести какую-либо переписку или переговоры без предварительного согласования. На протесты профессора Гиммлер заметил, что президент сам нарушал не только дисциплину, но и устав. Желая доконать провинившегося исследователя, Гиммлер отдал приказ изолировать его от любых профессиональных контактов. Идеи Вирта о киностудии и ландшафтных реконструкциях были провозглашены политически бессмысленными.

11 марта 1937 года Генрих Гиммлер решил, что «Аненербе» нуждается в реформировании. Президентом был назначен талантливый индогерманист и ветеран Национал-социалистической партии Вальтер Вюст. Причем, согласно новому уставу, он выполнял только обязанности научного руководителя, не имея права вмешиваться в кадровую и финансовую политику подчиненной организации. Решение административных задач «Аненербе» оказалось сосредоточено в руках

Вольфрама Зиверса – его должность генерального секретаря переименовали в имперского руководителя общества. Отныне внутри «Аненербе» при решении какого-либо вопроса было необходимо соблюдать строгую субординацию, а это фактически означало, что Зиверс получал в свои руки почти все нити управления. За Германом Виртом сохранили лишь виртуальный пост почетного председателя «Аненербе», статус которого даже не был обозначен в уставе. Теперь должность куратора, которую занимал Гиммлер, приобрела авторитарный характер: он мог решать все дела общества по своему усмотрению, снимать и назначать руководителей, сотрудников и учредителей «Аненербе». Наконец-то была установлена четкая формально-юридическая связь между институтом и рейхсфюрером СС.

С первых дней работы в «Аненербе» Вольфрам Зиверс выступал на стороне Гиммлера. Он прекрасно сознавал, какие возможности открывает пост главного администратора, и собирался использовать их как можно эффективнее. Зиверс пришел в «Аненербе» восторженным романтиком с идеалистичными представлениями о будущей элите Германии, однако к 1938 году он превратился в расчетливого функционера, готового ради карьерного роста поддерживать любую, даже самую бесчеловечную идею.

Глава 3

Боги, храмы, реликвии

Оккультная археология

В целом работа «Аненербе» как организации внутри СС могла вестись только в двух направлениях: идеология и обучение. Практические результаты можно было использовать при формировании мировоззренческого авангарда национал-социалистического режима. Даже раскопки, начатые в 1938 году, не имели для «Аненербе» собственно археологической ценности. Все находки: посуда, украшения, остатки жилищ – использовались для утверждения новой картины мира.

Имеются многочисленные примеры попыток «Аненербе» выстроить псевдорелигию, которая должна была стать обязательной для каждого члена «Черного ордена». Начав с обучающих лекций и докладов, исследовательское общество постепенно перешло к изучению культовых форм и практик. Важнейшим элементом при конструировании обрядов должна была стать «сакральная» символика, призванная укреплять «веру» эсэсовцев. Но обрядность и символика всегда выражаются через какие-то материальные носители. Для СС и лично для Генриха Гиммлера храмами расы господ стали мегалитические сооружения.

Даже сегодня наука знает о дольменах, каменных кругах, мегалитических сооружениях не больше, чем во времена Третьего рейха. Известно, что они стали появляться в Европе около четырех тысяч лет назад – то есть европейские мегалиты старше египетских пирамид. Структура этих каменных построек, их месторасположение наводили на мысль о существовании особого религиозно-астрономического культа. Английский Стонхендж, ирландский Ньюгранж, дольмены в Скандинавии, сооружения в Испании, Португалии и на острове Мальта действительно можно воспринимать как памятники доисторической европейской религии. Однако древность построек и ареал их распространения указывают на то, что они не имеют отношения к германской культуре. Разумеется, это последнее соображение нацисты отбрасывали. В одной из статей, подготовленной для журнала «Черный корпус», утверждалось: шесть тысяч лет люди строили огромные каменные сооружения на месте захоронений, чтобы отдаленные потомки могли узреть величие предков. «Вечная цепочка, по которой от отца к сыну сквозь тысячелетия передавалась кровь нордической расы, находит свое сильнейшее выражение именно в этих древних надгробиях».

В «Аненербе» было несколько отделов, которые занимались изучением

мегалитов. Особый интерес ученые в черной форме проявляли к камням, на которых имелись высеченные изображения – петроглифы. В них они разглядели указатели на священные места, где в древности проходили обряды инициации. В качестве примера такого неожиданного толкования можно привести теорию Рихарда Андерса, одного из руководителей ордена новых тамплиеров, который позже стал консультантом Генриха Гиммлера по эзотерическим вопросам. Например, он утверждал, что название мегалита «Чертов камень» (Teufelstein), который находился близ Бад-Дюркгейма, на самом деле означало «Камень освящения» (Taufestein). Свой вывод палеофантаст основывал на личных наблюдениях. На вершине камня имелось углубление, к которому вели вырезы, похожие на ступени, – получается, оно использовалось в качестве ритуальной купели, а ступени были «лестницей посвящения», по которой поднимался юноша, проходящий инициацию. Так, буквально в одночасье «Чертов камень» превратился в эзэсовскую святыню, которая служила неотъемлемой частью «солнечных ритуалов благородных предков».

Самой же главной «каменной святыней» стал комплекс Экстернштайн, находящийся в земле Северный Рейн-Вестфалия. Он представляет собой пять тридцатиметровых неровных колонн, испещренных укромными гротами и переходами. Согласно народным преданиям, они были воздвигнуты за одну ночь, а затем оплавлены дьяволом. Этот замечательный уголок природы имеет для немцев такое же значение, что и Стоунхендж для англичан. По одной версии, здесь располагался основной центр культовых церемоний каменного века, по другой – начало его использования в религиозных целях относится к XII веку, а сам Экстернштайн был просто-напросто имитацией святых мест Иерусалима. В этих скалах природа сотворила множество пещер, и местные жители только расширяли их. Назначение одних пещер не вызывает сомнений: здесь были молельни; для каких целей использовались другие – все еще загадка. Там встречаются и ступени, ведущие в никуда, и непонятные платформы, и какие-то ниши, и вырубленная в камне гробница, и просверленные в скалах отверстия.

С XIX века комплекс притягивал к себе магов-шарлатанов и любителей дилетантских псевдоисторических исследований. Во время расцвета германского романтизма об Экстернштайне писали как о проявлении народных верований, характерных для дохристианской эпохи. Исследователи из числа народников, поклоняясь его скалам, создали определенный древнегерманский культ, который после Первой мировой войны приобрел фантастический размах, основанный на самых различных

мотивах: романтизме, национализме, расовых идеях, немецком идеализме.

Главным исследователем Экстернштайна стал историк-любитель Вильгельм Тойдт, который долгие годы занимался обработкой материалов, связанных с историей комплекса. Тойдт родился в 1860 году. Вначале он был евангелическим священником в городе Шаумберге, и его церковная карьера была достаточно успешной. Однако со временем Тойдт начал менять свои взгляды на жизнь и в 1908 году покинул лоно Церкви, вступив в «Союз познания природы». Переселившись в Детмольд, он с головой ушел в изучение древней истории и в 1929 году издал книгу «Священные германские идеи», в которой излагались его воззрения на прошлое немецкого народа. Выводы историка-самоучки не отличались оригинальностью, ведь значительную часть из них он позаимствовал из народнических публикаций. Зато самомнения хватало – Тойдт решил сразу же получить общегерманское признание. Благодаря настойчивости и личной харизме, он обрел множество поклонников.

Вильгельм Тойдт обнаружил, что Экстернштайн лежит на пересечении «священных линий», якобы найденных им на севере Германии. Он утверждал, что эти линии, примерно совпадающие с линиями, которые открыли другие исследователи, связывали Экстернштайн с другими древними религиозными сооружениями, в том числе с каменным кругом в соседнем Бад-Майнберге. В Экстернштайне некогда располагались деревянные постройки, использовавшиеся для наблюдения за движением Солнца, Луны и звезд. Тойдт сделал вывод, что там находился центр древнего лунного культа. Позднее христианские монахи разрушили святилище, чтобы очистить его от языческой предыстории и сделать пригодным для богослужений.

Магические скалы Экстернштайна и исследования Вильгельма Тойдта уже давно попали в поле зрения нацистов. Но именно 1933 год открыл новую страницу в истории мегалитов. Тойдт разослал всем имперским министрам экземпляры своей книги. Первыми их получили министр воспитания Бернхардт Руст и министр пропаганды Йозеф Геббельс. В каждом случае Тойдт прилагал письмо, в котором делал акцент на служебной деятельности того или иного министра. Так, например, Русту он писал о необходимости изучения древнейшей немецкой истории в школе, а Геббельсу сообщал об огромном значении пропаганды в деле сплочения народа. Тойдт и его сподвижники всеми силами старались продемонстрировать, что у них с НСДАП много общих интересов.

Вскоре в процесс включился Генрих Гиммлер, который взял Тойдта под свою опеку. С легкой руки рейхсфюрера комплекс Экстернштайн стал

национальной святыней. Но сам памятник нуждался в более тщательном профессиональном изучении. Понимая, что не сможет обеспечить Тойдта необходимыми кадрами, Гиммлер решил пока отдать Экстернштайн на откуп частным исследователям. Все это привело к тому, что трактовка мегалитического памятника получила националистический характер, но при этом не совсем устраивала руководство СС. Стараясь исправить ситуацию, осенью 1936 года Гиммлер ввел изыскания Вильгельма Тойдта в программу «Аненербе».

Подробности помощи, оказанной рейхсфюрером в деле изучения Экстернштайна, приводились в прессе. В частности, была опубликована заметка «Гиммлер в Экстернштайне. Осмотр исторического места вместе с профессором Андрее». В заметке сообщалось, что власти придавали визиту рейхсфюрера СС огромное значение. Один из местных партийных деятелей, находившийся в больнице, даже специально покинул палату, чтобы лично поприветствовать Гиммлера. В итоге рейхсфюрер распорядился перевести в распоряжение археологов, работавших в Экстернштайне, два отряда из состава 72-го штандарта СС. Сам он с нескрываемым интересом осмотрел гроты Экстернштайна и раскопы, располагавшиеся рядом со скалами.

Кстати, дата визита Гиммлера в Экстернштайн (22 сентября) была тоже далеко не случайной. По местной традиции здесь проводилось поминовение экипажа подводной лодки «U-9», вступившей в неравный бой с английским флотом в самом начале Первой мировой войны. Выходит, нацисты с самого начала воспринимали скалы Экстернштайна как некое культовое сооружение, которое будет иметь огромное значение при создании религии Третьего рейха.

Разумеется, Гиммлер не собирался пускать такое дело на самотек. К примеру, в 1936 году он строго запретил осуществлять несанкционированные исследования истории Экстернштайна. Позднее «Аненербе» подготовило несколько книг о «магических скалах», которые перед изданием просматривал и одобрял лично рейхсфюрер. Подобными «учебниками» снабжались все эсэсовцы – для них они служили специфическим путеводителем во время посещения Экстернштайна, которое стало обязательным ритуалом для офицеров СС.

Переписка между Вольфрамом Зиверсом и Генрихом Гиммлером наглядно свидетельствует, что глава «Черного ордена» проявлял к мегалитам повышенный интерес. Он даже отложил некоторые служебные дела, дабы лично контролировать некоторые начинания, касающиеся Экстернштайна. С 20 по 22 ноября 1937 года под контролем «Аненербе»

там работала группа специалистов из Минералогического института. Ученые, исследовавшие остатки рубил и резцов, произвели самое благоприятное впечатление на Вольфрама Зиверса. Во время осмотра Экстернштайна один из ученых обратил внимание на следы копоты, располагавшиеся во многих местах «священных скал». Руководству СС было направлено письмо с просьбой сделать дополнительные пробы в местах, где наличествовала древняя копоть. Такие пробы позволяли более или менее точно определить время ее появления – выяснить, горели эти костры в каменном или в бронзовом веке. Датировав кострища, можно было бы попытаться привязать к каким-то эпохам и наскальные изображения. Перспектива проникновения в тайны древних германцев приободрила Генриха Гиммлера, и он дал Зиверсу поручение связаться с Немецким хранилищем золота и серебра, дабы оно профинансировало проведение исследовательских работ. Не меньший интерес Гиммлер проявил и к пятнам копоты. В начале декабря 1937 года он писал Зиверсу о том, что эти следы мог оставить огонь, служивший астрономическим целям и помогавший отслеживать солнечные циклы.

В том же письме Гиммлер вспомнил о своем посещении Экстернштайна осенью 1934 года – тогда рейхсфюрер нашел место, которое очень напоминало очаг, и сделал вывод, что скалы, возможно, были обитаемы еще в первобытные времена.

Однако над Вильгельмом Тойдтом сгустились тучи. 7 февраля 1938 года в Мюнхене состоялось заседание, на котором обсуждались проблемы Экстернштайна. В ходе беседы между партийными и эсэсовскими функционерами было высказано крайнее недовольство стилем работы престарелого историка. 20 февраля на стол Гиммлера попало досье, собранное гестапо. В нем имелись доказанные сведения о том, что во время своих контактов с голландской народнической группой, которая активно сотрудничала с «Аненербе» в деле изучения Экстернштайна, Тойдт допускал критические высказывания в адрес эсэсовского руководства. 25 февраля 1938 года Вильгельм Тойдт был уволен из «Аненербе». А в начале Второй мировой войны Экстернштайн был официально закрыт для публики.

Другое важное направление деятельности «Аненербе» было связано с проведением раскопок. Уже в 1934 году Генрих Гиммлер материально помогал профессору Юлиусу Андрее, который проводил раскопки в местечке Бенсберг близ Кёльна. Впоследствии профессор в течение долгого времени изучал Альткрисбург в Восточной Пруссии, где, по словам Гиммлера, идентифицировал пять готических и раннегерманских

культурных слоев.

В конце 1936 года историк из Тюбингенского университета Густав Рик начал раскопки южногерманских курганов близ местечка Зигмаринген. В мае 1937 года он рапортовал Гиммлеру, что первая стадия исследований завершена. В августе того же года рейхсфюрер обратил внимание на раскопки профессора Шмидта в окрестностях города Ингольштадт. Австрийцу Рольфу Хёне Гиммлер поручил организовать изучение окрестностей замка Кведлинбург с целью найти пропавшие останки Генриха I. И это предприятие увенчалось успехом – Хёне отыскал скелет, который предположительно принадлежал легендарному королю. Впрочем, совесть у австрийского эсэсовца явно была нечиста: экспертизу проводили не антропологи, а специально приглашенный медиевист Карл Эрдманн, который в 1941 году подтвердил подлинность останков, а стало быть, и святость захоронения.

В 1938 году Гиммлер распорядился, что все раскопки в Третьем рейхе должны осуществляться только под контролем «Аненербе». В мае Рольф Хёне, обвиненный в авантюризме, оставил свой пост, а его преемником стал профессор Ганс Шляйф. Благодаря стараниям последнего, Отдел раскопок «Аненербе» превратился в мощную структуру. Шляйф задумал грандиозный археологический проект – раскопки «трона Кримхильды». Под таким названием фигурировал древнеримский каменный карьер, находящийся неподалеку от города Майнца. Там в период с 190 по 240 год располагался 22-й римский легион. Историков «трон» привлекал тем, что на его стены нанесено 37 изображений символов и 14 надписей. Нужно заметить, что изображения были выполнены на низком художественном уровне, а надписи содержали орфографические ошибки: очевидно, их оставили малограмотные солдаты. Особый интерес «Аненербе» карьер вызывал по одной-единственной причине – на его стенах, кроме прочего, были изображены две свастики. Гиммлер потребовал от подчиненных ему ученых доказать, что «трон» был культовым объектом германцев. Изучив свастики и другие солярные символы на стенах карьера, специалисты «Аненербе» сделали вывод: «трон Кримхильды» действительно был центром поклонения Солнцу. Не посмеяв оспаривать очевидный факт, что карьер все-таки создан римлянами, приняли гипотезу, что центр существовал здесь задолго до прихода Рима, а легионеры наблюдали во время оккупации за обрядами германцев и под впечатлением от них нанесли изображения на скалы. Выглядит курьезной и интерпретация, которую археологи «Аненербе» дали обнаруженным на стенах карьера изображениям мужских и женских половых органов, – они заявили, что эти

символы имеют непосредственное отношение к культу плодородия.

Генрих Гиммлер стремился получить доказательства влияния нордической ариогерманской расы и ее языческой религиозности на всю древнюю Европу. Так, в конце 1937 года, находясь в Италии, рейхсфюрер прислал руководству «Аненербе» большое письмо. Местные музеи хранили множество экспонатов, которые привлекли внимание рейхсфюрера с точки зрения арийства. Гиммлер писал высокомерно, что сами итальянцы не уделяют им должного внимания. Он захотел устранить несправедливость и поручил Вальтеру Вюсту создать в «Аненербе» подразделение, задачей которого являлся поиск германских корней в Италии и Греции. Такое требование вело по сути к пересмотру всех имеющихся археологических сведений, но делать нечего, и двумя месяцами позже в «Аненербе» была создана новая структура – Отдел классической филологии и древнего мира. Во главе ее встал берлинский доцент-латинист Рудольф Тиль.

В марте 1937 года в «Аненербе» пришел штурмбаннфюрер СС Карл Теодор Вайгель, до этого возглавлявший в Немецком исследовательском обществе Управление по изучению символики. Вайгель не имел академического образования, но восполнял этот недостаток интуицией и беглым пером. В «Аненербе» Вайгелю поручили вести все архивы Отдела письменности и символики, который раньше возглавлял Герман Вирт. Ситуация, конечно, не способствовала налаживанию дружеских отношений внутри «Аненербе», а недостаток образования нового чиновника не позволял ему заниматься серьезной работой – вся его деятельность свелась к фотосъемке ландшафтов и каталогизации имеющихся сведений.

Примерно так же дела обстояли с историком-самоучкой Карлом Конрадом Руппелем. Он занимался изучением домашних, семейных и родовых гербов. Рейхсфюрер собирался снабдить каждого эсэсовца собственным гербом и летом 1937 года пригласил Руппеля в «Аненербе». Осенью Руппель стал начальником Отдела геральдики и родовых эмблем.

Кадровая политика Генриха Гиммлера, для которого не имело значения, сколь сведущ человек в том или ином вопросе, лишь бы он разделял представления рейхсфюрера о древнем мире ариогерманцев, привела к тому, что чем дальше, тем больше на смену ученым в «Аненербе» приходили откровенные шарлатаны, занимавшиеся созданием умозрительных псевдонаучных теорий и подгонкой имеющихся данных под готовую концепцию.

Наиболее широкое хождение псевдонаучные исследования получили в Отделе метеорологии. Его сотрудники искали подтверждение фантазмагорической теории «мирового льда», которую сочинил

австрийский инженер Ганс Гёрбигер. Еще подростком Гёрбигер любил тайком выносить ночью кровать в сад, ложиться на нее и смотреть на звездное небо. Ночные бдения произвели неизгладимое впечатление на юного романтика, и его посетило озарение. При прочтении Эдды он обратил внимание на фразу, где говорилось, что сотворение мира произошло при столкновении льда и огня. Кроме того, его привлекла другая строчка, повествовавшая о ледяных великанах, прибывших с гигантской звезды. Гёрбигер пришел к выводу, что это не просто аллегория, что возникновение мира произошло из столкновения двух стихий, которое вызвало космический взрыв небывалых размеров. Из расплавленных частичек льда складывались облака и спирали, которые после охлаждения превращались в звезды, планеты и их спутники. Сам человек произошел отнюдь не от обезьяны – его первоосновой стала жизнеспособная протоплазма, которую принесли на Землю частицы льда. Разумеется, первым возник человек европейского типа, который являлся началом и одновременно венцом творения.

В развитие своей теории Ганс Гёрбигер писал о доисторических цивилизациях, которые были уничтожены глобальными катаклизмами. Многочисленные сюжеты, связанные с «огненным дождем» (Библия), «зимой великанов» (Эдда), были отголоском древних природных катаклизмов. Те же самые катаклизмы уничтожили Атлантиду, упоминаемую Платоном. Впрочем, от них остались некие следы – Гёрбигер упоминал ряд регионов, которые могли бы послужить ключом к постижению доисторических тайн. В частности, он указывал на плоскогорья боливийских Анд, которые якобы хранят останки мировой империи атлантов. Особое внимание австриец уделял руинам древних городов, где задолго до расцвета Древнего Египта существовала развитая солнечная религия.

Идеи Ганса Гёрбигера оказались востребованы нацистами. В 1937 году вышел специальный выпуск «Вестника высшего руководства штурмовых отрядов», который был полностью посвящен вопросам учения о «мировом льде». В этом номере Гёрбигер характеризовался как крупнейший ученый XX века. Там же можно найти статью знакомого нам фантаста Эдмунда Кисса, посвященную Тиахунако, древнейшему городу в Южной Америке. Кисс в тот период входил в состав личного штаба рейхсфюрера СС, где занимался поиском доказательств существования «мирового льда» и высокоразвитой империи атлантов. В своих изысканиях он и набрел на Тиахунако. Кисс датировал возраст этого города 16 тысячами лет. Описывая живописные руины, он указывал, что сам стиль монументальных

построек свидетельствует о северном происхождении их архитекторов. Кроме того, Кисс подчеркивал, что архитектура индейцев очень напоминала ему древнегреческие здания. Наличие следов культа солнца, по мнению немецкого фантаста, еще раз подтверждает гипотезу арийского присутствия.

В 1940 году археологи «Аненербе» запланировали осуществить крупную экспедицию в Тиахунако. Инициативу внезапно поддержал Герман Геринг, который предложил финансировать ее по линии люфтваффе. Возглавить предприятие должен был сам Эдмунд Кисс. Состав экспедиции был очень пестрым: археологи, ботаники, геологи, астрономы, кинооператор. Кроме посещения Тиахунако, планировалось также изучить руины, находившиеся на дне озера Титикака – были даже спроектированы специальные глубоководные фотоаппараты. Подготовка шла полным ходом, когда началась Вторая мировая война. Экспедицию было решено отложить до победы рейха. В итоге она так никогда и не состоялась.

Копье Судьбы

Ценные культовые предметы, называемые реликвиями, имеют особое значение для мистиков и оккультистов. Для них это, по сути, те же «предметы силы», которыми пользовались шаманы прошлого (бубен, посох, маятник, маска, перьевой веер, магическая стрела, кристалл и тому подобное), однако за многие столетия реликвии обросли таким количеством легенд, преданий и священных текстов, что превратились в независимые от исходного назначения и совершенно виртуальные объекты, каждый из которых порождает собственную субкультуру.

Новая религия, которая должна была воцариться в Третьем рейхе, нуждалась в реликвиях прежде всего потому, что они придавали бы сумасбродным доктринам расовой мифологии видимость легитимности – словно она равнозначна великим мировым религиям, имеющим тысячелетнюю историю. Поиск и сбор реликвий осуществлялся на протяжении всей истории нацистского государства. Помимо артефактов, имеющих отношение к палеофантастике XIX века, нацистские лидеры мечтали заполучить в свое распоряжение и святыни христианского мира. Одной из таких святынь является копьё сотника Лонгина (в западноевропейской традиции – Копье Судьбы).

Легендарное копьё принадлежало центуриону Лонгину, участвовавшему в распятии Христа: этим копьём он нанес удар уже бездыханному Иисусу. Мы находим упоминание о копьё в Евангелии от Иоанна: «Один из воинов копьём пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19: 34). По преданию, когда кровь Христа попала Лонгину в глаза, у него излечилась катаракта. Лонгин стал христианином, принял мученическую кончину и был причислен к лику святых.

Согласно средневековым легендам, история копьё уходит в далекую, дохристианскую древность. Считалось, что оно принадлежало Финеесу, внуку первосвященника Аарона. Этим копьём Финеес пронзил израильтянина и язычницу, предававшихся блуду. Впоследствии копьё побывало в руках Иисуса Навина, когда тот штурмовал Иерихон; это же копьё царь Саул бросил в юного пророка Давида. Как гласили легенды, владел копьём и царь Ирод, отдавший приказ об избииении младенцев.

Существует несколько «версий» этого копьё, одна из которых хранится в Вене. С ней связано много легенд, но достоверно известно только то, что это копьё использовалось при коронации императора Генриха II. Адольф

Гитлер впервые увидел Копье Судьбы в музее Хофбургского замка, будучи еще совсем молодым человеком. Случайно оказавшись в Зале сокровищ Габсбургов, Адольф был сильно взволнован рассказом экскурсовода.

Вскоре группа экскурсантов продолжила свой путь по музею, а замороженный Гитлер приблизился к витрине, чтобы разглядеть копьё вблизи. Почерневший от времени железный наконечник покоился на ложе из красного бархата; длинное, тонкое острие поддерживалось металлическими подпорками. В центре наконечника имелось отверстие, в котором был виден большой гвоздь, прикрепленный проволокой. В ту же секунду Гитлер осознал, что наступил знаменательный момент в его жизни. Напомню, что фюрер нацистов был эйдетиком и зависел от первого яркого впечатления. У эйдетиков имеется еще одна черта – под воздействием сильных чувств они могут путать реальность с фантазией, настоящее с прошлым. В юности Гитлер изучал творчество Рихарда Вагнера и знал наизусть оперу «Парсифаль», в которой копьё Лонгина фигурирует как магический инструмент, способный поражать и исцелять. Понятно, что оно должно было привлечь внимание Гитлера и могло вызвать странное ощущение сопричастности тайнам бытия.

В ночь с 11 на 12 марта 1938 года германские войска, заранее сосредоточенные на границе в соответствии с планом «Отто», вторглись на территорию Австрии. Австрийская армия, получившая приказ не оказывать сопротивления, капитулировала. В 4 часа утра в Вену в качестве первого представителя нацистского правительства прибыл под охраной роты эсэсовцев Генрих Гиммлер в сопровождении Вальтера Шелленберга и Рудольфа Гесса. Так произошел аншлюс – объединение Австрии и Германии в государство, ставшее национально-политическим ядром Третьего рейха.

Вечером 13 марта Гитлер торжественно въехал в Вену в сопровождении шефа Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии Вильгельма Кейтеля. Тогда же фюрер нацистов предъявил свои права на «имперские клейноды» – атрибуты власти правителей Священной Римской империи, хранившиеся в музее Хофбург. Коллекция реликвий, которую собирался присвоить Гитлер, включала и копьё Лонгина. Адольф Гитлер вместе с Генрихом Гиммлером вошел в зал, где было выставлено сокровище, а остальные ожидали снаружи. Немного погодя и Гиммлер присоединился к ним, оставив Гитлера одного перед реликвией. Мы не знаем, что происходило в тот момент в голове фюрера нацистов, но, возможно, эти мгновения могут считаться самыми важными в истории XX века.

Йозеф Геббельс подготовил Австрию к передаче «имперских клейнодов» путем проведения умело разработанной пропагандистской кампании, в которой эта передача была представлена как акт восстановления исторической справедливости. Местом, где будут храниться реликвии Первого рейха, была выбрана приходская церковь Святой Екатерины в Нюрнберге. Местный обер-бургомистр Вилли Либель, которому поручалось организовывать партийные съезды и праздники НСДАП, был назначен хранителем «клейнодов». В Нюрнберге медиевистам «Аненербе» было куда сподручнее изучать реликвии – они собирались доказать, что легенды о древности копья соответствуют действительности, что оно принадлежало Лонгину, Карлу Великому, Генриху I Птицелову и Оттону I Великому. Больше того, в ходе дискуссии историков в Эрфурте, состоявшейся в 1937 году, было заявлено, что венский «вариант» является священным копьем Вотана, а его изготовление восходит к германским дохристианским временам!

Через семь месяцев после аншлюса, 13 октября 1938 года, легендарное копье и другие «имперские клейноды» были доставлены бронепоездом из Вены в Нюрнберг. Этот день в Германии стал днем всеобщего праздника. На вокзале собралась огромная толпа, чтобы увидеть прибытие поезда. Солдаты и офицеры образовали живую ограду на пути от вокзала до церкви Святой Екатерины, по которому специально оборудованные машины везли сокровища. Реликвии были доставлены в Зал мейстерзингеров. Менее чем через год разгорелся пожар Второй мировой войны...

Тайна Грааля

Современный потребитель видеопродукции знает о чаше Грааля в основном по приключенческому фильму «Индиана Джонс и последний крестовый поход», однако кинематографисты довольно далеко отошли от средневековых западноевропейских легенд.

Истоки легенды о Граале можно найти в мифологии древних кельтов. Языческие корни указывают на ее происхождение от индоевропейского мифа о магическом сосуде – символе жизни и возрождения. Позднее легенда соединилась с библейскими сюжетами. Изучая средневековые версии легенды, можно узнать, что Грааль в изначальном виде – это *Lapis Exilis*, драгоценный изумруд в короне Люцифера. Ангельское воинство во главе с Архангелом Михаилом сражалось с Люцифером и легионами восставших духов. Огненным мечом Архангел выбил *Lapis Exilis* из короны врага, и зеленый камень упал в бездну. По легенде, впоследствии из этого камня была сделана чаша, которая и называется Святым Граалем или чашей Грааля.

Культ Святого Грааля сложился в средневековой Британии. Тогда Грааль представлялся как чаша, из которой Иисус пил во время Тайной вечери, то есть являлся первым потиром – Чашей для Причащения. После того как Иисус был распят на Голгофе и пронзен копьем, Его тайный ученик Иосиф Аримафейский собрал в ту же чашу кровь, стекавшую из ран.

Согласно западноевропейским легендам, Святой Грааль обладает рядом исключительных свойств. Испивший из него получает прощение грехов и жизнь вечную. В Граале заключена великая сила исцеления даже для безнадежных больных. Кроме того, Святой Грааль – это «рог изобилия»: он может чудесным образом насыщать своих избранников неземными яствами. Но святыня не может достаться недостойному человеку: приблизившись к Граалю, он будет наказан.

По преданию, святой Иосиф Аримафейский перенес Святой Грааль в Британию. Там, в местечке Гластонбери, он воткнул в землю свой посох, который пустил корни и стал прекрасным терновым кустом, цветущим два раза в год – на Рождество и на Пасху. Святой Иосиф построил в Гластонбери церковь, которая со временем превратилась в аббатство. Считается, что чаша Грааля укрыта где-то в его подземельях. Другие источники называют возможным местом хранения святыни замок Сальват в

Испании, будто бы возведенный ангелами за одну ночь.

Поиски Святого Грааля были мотивом рыцарских приключений в легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Если мы откроем увесистый фолиант «Смерть Артура» Томаса Мэлори в классическом издании, то обнаружим в этом произведении, впервые опубликованном в 1485 году, довольно пространный раздел – «Повесть о Святом Граале в кратком изводе с французского языка, каковая есть повесть, трактующая о самом истинном и самом священном, что есть на этом свете». Из него мы узнаем, как сто пятьдесят рыцарей Круглого стола, покинув Камелот, отправились на поиски Святого Грааля. Первым до замка, где хранилась реликвия, добрался сэр Ланселот:

И с тем увидел он, как отворилась дверь в тот покой и оттуда излилась великая ясность и стало сразу так светло, словно все на свете факелы горели за той дверью. Приблизился он к порогу и хотел уже было войти. Но тут прозвучал ему голос:

– Сэр Ланселот, стой и не входи, ибо не ты вправе сюда войти. И если ты войдешь, то горько раскаешься.

И отступил сэр Ланселот в глубокой печали. И взглянул он через порог и увидел там посреди покоя серебряный престол, а на нем священную чашу, покрытую красной парчой, и множество ангелов вокруг, и один из них держал свечу ярого воска, а другой – крест и принадлежности алтаря. А перед священной чашей он увидел блаженного старца в церковном облачении, словно бы творящего молитву. Над воздетыми же ладонями священника привиделись сэру Ланселоту три мужа, и того, что казался из них моложе, они поместили у священника между ладоней, он же воздел его высоко вверх и словно бы показал так всему народу.

Подивился этому сэр Ланселот, ибо ему показалось, что священник под тяжестью той фигуры вот-вот упадет на землю. И, не видя вокруг никого, кто мог бы поддержать старца, бросился он к двери и сказал:

– Милосердный отче Иисусе Христе! Не почти за грех мне поддержать этого доброго человека, который так нуждается в помощи!

И с тем шагнул он за порог и устремился к серебряному престолу, но когда он приблизился, то ощутил на себе дыхание, словно бы смешанное с пламенем, и оно ударило его прямо в лицо и жестоко его опалило. В тот же миг упал он на землю, и не было у него сил подняться, словно у человека, утратившего от потрясения власть над своими членами, и слух, и зрение. И тут он почувствовал, как множество рук его подхватили и вынесли вон из того покоя, и оставили его там за дверью, с виду для

всякого – мертвым.

Сэр Ланселот оказался недостойн Святого Грааля. Больше повезло его товарищам – сэру Галахаду, сэру Борсу и сэру Персивалю. Сам Иисус спустился к ним, чтобы передать чашу Грааля и просить об услуге – доставить святыню в «духовный храм» в городе Саррасе. Там их встретили не приветливо – местный король, «великий тиран, родом от язычников», повелел бросить рыцарей в яму. Однако Святой Грааль питал благочестивых сэров своей благодатью до тех пор, пока король не умер. Потом за сэром Галахадом пришел Иосиф Аримафейский, и он отправился на небеса. Оставшиеся два рыцаря стали свидетелями того, как «с небес протянулась рука, и та рука достигла до священного сосуда и подняла его, и унесла на небо». С тех пор, по утверждению Мэлори, не было на земле человека, который мог бы сказать, что видел Святой Грааль.

Разумеется, Адольф Гитлер знал легенду о Святом Граале и рыцарях Круглого стола, посвятивших себя его поискам. Ведь наряду с волшебным копьем священная чаша фигурирует в опере Рихарда Вагнера «Парсифаль». Само либретто оперы было создано по мотивам романа о Граале, написанного Вольфрамом фон Эшенбахом. Гитлера глубоко волновала манера, в которой композитор воспел «братство рыцарей с чистой и благородной кровью». А мысль, что эта кровь должна таить в себе секрет духовного озарения, разбудила в глубинах его души такие чувства, каких он прежде никогда не испытывал. С другой стороны, Гитлер видел, что искания рыцарей, их внутренняя борьба и эволюция связаны с еврейской мистикой.

На той же почве в свое время Рихард Вагнер поспорил с философом Фридрихом Ницше. Хорошо известна одна деталь последней их встречи в Байрейте. Во время написания оперы Вагнер не догадывался о ненависти, которую Ницше испытывал к христианству. И вот Ницше решил порвать с композитором, хотя долгое время они были лучшими друзьями.

«Парсифаль» – творение коварное, мстительное, которое несет в себе тайное стремление к отравлению всех жизненных надежд, короче, это – плохое произведение. <...> Я презираю всякого, кто не распознает в «Парсифале» попытку покушения на фундаментальную этику.

Рихард Вагнер выдвинул убедительный, с его точки зрения, аргумент в пользу некоей формы христианства, которая избежала влияния иудаизма. Для композитора христианство не было «еврейским наследием», как

презрительно называл его философ. Напротив, Вагнер утверждал, будто ему было явлено: Иисус Христос никогда не принадлежал к развращенной расе евреев. Кроме того, он заявил, что ищет «окончательное решение», которое позволит освободить Германию от их пагубного влияния. Мысль о том, что в венах Иисуса текла арийская кровь, указала новое направление поисков Грааля. Получалось, что священные реликвии должны рассматриваться как артефакты исключительно германского происхождения; что рыцари Грааля также принадлежат к германской расе.

Жесткая битва идей, разгоревшаяся между двумя кумирами Адольфа Гитлера, поставила его перед дилеммой. Кто прав в своей оценке Иисуса? Композитор, преклонивший колени перед арийским Христом, или экзальтированный философ, хулящий Богочеловека? Гитлер не встал на сторону ни одного из кумиров – он позаимствовал у каждого из них только то, что отвечало его собственным внутренним потребностям. В результате фюрер нацистов несколько модифицировал легенду о Святом Граале. Он рассматривал процесс бесконечных поисков чаши как путь, ведущий через сомнения, от оглушающего оупения к духовному подъему, – своего рода посвящением.

Гитлер часто говорил о ступенях восхождения к высшим уровням сознания и раскрывал значение геральдических знаков и рыцарских гербов, понимая под ними символы различных ступеней, которые были достигнуты на пути к Граалю. Так, черный ворон служил символом первой ступени, потому что означал посланника Грааля, перст судьбы. Символом второй ступени являлся павлин, великолепное оперение которого отображало бесконечные возможности созидательного воображения. Лебедь – это символ третьей ступени, потому что послушник, желающий ее достичь, должен был пропеть «лебединую песнь», то есть преодолеть эгоистические желания и слабости во имя служения своей расе. С четвертой ступенью было связано изображение пеликана – птицы, которая вырывает у себя куски мяса, чтобы накормить птенцов: действие это символизирует посвященного, отдавшего себя делу воспитания молодежи. Лев означал пятую ступень посвящения, на которой человек достигает единения сознания с духом нации. Высшая ступень отождествлялась с орлом, поскольку посвященный получал в свое распоряжение магические силы и был способен нести ответственность за судьбы мира.

В Третьем рейхе был еще один человек, который выбрал целью своей жизни поиски Святого Грааля. Но если для Гитлера священная чаша оставалась мистическим символом, историк-любитель Отто Ран подошел к теме как прагматик – он был убежден, что Грааль существует на самом

деле, его можно отыскать и потрогать руками.

Отто Вильгельм Ран родился 18 февраля 1904 года в Михельштадте. В юности он всерьез увлекся чтением немецких поэтов-трубадуров Средневековья, а его настольной книгой стал «Парсифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. В этой книге, которую Рихард Вагнер использовал в качестве основы для своей оперы, Отто Ран увидел глубокий символизм, далеко выходящий за рамки церковного взгляда на мир. Будучи человеком наивным и в то же время воспитанным в духе рационализма, Ран возжелал материального воплощения своего идеала и бросился на поиски реликвии.

Основная идея Отто Рана заключалась в том, что таинственная и неуловимая чаша Грааля, которую искали рыцари короля Артура, могла быть спасена и заботливо сохранена катарами-альбигойцами, почитавшими ее как самое ценное сокровище. Ран идентифицировал «замок Грааля» из «Парсифаля» с воспетым Рихардом Вагнером замком Монсвальт и замком Монсегюр на юге Франции. Название мифической вагнеровской горы – Монсвальт – переводится как «спасительная гора», а название реальной горы Монсегюр – как «надежная, безопасная гора». Ран считал, что это обозначения одного и того же места. Следующим шагом стала попытка доказать, что Монсвальт, он же Монсегюр, и «замок Грааля» – это одно и то же. Для этого Ран прибег к методике Генриха Шлимана, который, опираясь на одни только эпосы Гомера, нашел и раскопал легендарную Троию.

Ран приводил несколько исторических фактов. Известно, что во время осады Монсегюра из замка удалось вырваться двум группам катаров. Первый раз – в Рождество 1243 года; тогда Монсегюр тайно покинули двое предводителей катаров («совершенных»). Второй раз – в ночь на 16 марта 1244 года; из замка выбрались еще четверо высокопоставленных катаров. На протяжении нескольких столетий эти два побега не давали покоя романтикам и любителям приключений. Зачем «совершенные» покинули осажденный замок? Естественно, не из страха перед расправой, а чтобы спрятать свои несметные сокровища, которые так и не удалось найти крестоносцам!

Ран подробно проследил путь бегства «совершенных». С керосиновой лампой он облазил все пиренейские пещеры Сабарте (по имени церкви Святого Сабарте), где могли скрыться беглецы. Когда-то пещеры действительно хранили множество исторических сокровищ, интересных археологам. Но еще до того как туда пришли настоящие специалисты, все было основательно разграблено всевозможными искателями, охваченными идеей, что катары-альбигойцы превратили эти пещеры в кладовую своих святынь. Тем не менее Ран был убежден, что где-то там спрятана чаша

Грааля, которая, по легенде, была вывезена из Монсегюра незадолго до падения крепости.

Искания Отто Рана нашли сочувствие в нацистских кругах. Его поездка в Монсегюр и дилетантски проведенная разведка получили широкое отражение в прессе, подконтрольной НСДАП. В 1933 году, уже после прихода нацистов к власти, увидела свет первая книга Рана «Крестовый поход против Грааля: история альбигойцев». В его интерпретации Грааль обрел облик своеобразной «чаши нибелунгов» – нордической святыни, а сами катары-альбигойцы были объявлены выходцами из Франконии, то есть почти германцами.

Работа Отто Рана произвела большое впечатление на Генриха Гиммлера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в марте 1936 года Ран стал ээсовцем и занял должность референта в Главном управлении охранных отрядов по вопросам расы и поселений. Благодаря покровительству, историк-любитель вошел в высшее общество. Он посещал замок Молхов, располагавшийся на одноименном озере, где в непринужденной обстановке отдыхали офицеры люфтваффе и представители берлинского бомонда.

После зачисления в Личный штаб рейхсфюрера СС Отто Ран в основном занимался построением генеалогического древа Генриха Гиммлера. Тот испытывал изрядные трудности с выполнением собственного приказа о необходимости каждому офицеру «Черного ордена» проследить свою родословную начиная с 1750 года. Затруднения Гиммлера были вызваны тем, что часть его предков жила на территории Швейцарии. Отто Ран подвернулся как нельзя кстати – снабженный дипломатическим паспортом, он смог найти в Швейцарии все необходимые документы. После успешного выполнения задания Ран заработал особое расположение Гиммлера. В качестве «премии» в июле 1936 года он получил поездку на север Исландии. Формально Ран был членом научной экспедиции, но она превратилась для него в экскурсию, пронизанную нордическим духом.

В апреле 1937 года увидела свет вторая книга Отто Рана – «При дворе Люцифера: поездка по Европе в хорошем настроении». Гиммлер тут же заказал сто экземпляров, причем десять из них были оплетены свиной кожей и напечатаны изысканным шрифтом на пергаменте. Такие роскошные издания должны были стать дорогим подарком для нацистских руководителей, а самый первый экземпляр был преподнесен Гитлеру в его день рождения. Тогда же Ран получил повышение и стал унтерштурмфюрером СС. 25 апреля 1937 года газета «Народный

наблюдатель» напечатала рецензию на новую книгу Рана:

Многие могут испугаться заголовка «При дворе Люцифера», так как самые прекрасные слова, исполненные глубокого смысла, – Носитель света – оказались тысячекратно искаженными и стали обозначать высшее олицетворение зла. Но Отто Ран не боится вернуть словам их изначальный смысл. <...> Он поместил в книге множество мрачных мифов. Но что есть корень мифа? Тоска и темнота! Ночь! Однако тот, кто наделен терпением, сможет увидеть, как встает солнце, светлый носитель!

Потом с Отто Раном произошло то, что именуют «странной историей». Он стал вести разгульный образ жизни, пьянствовал, дрался, брал деньги в долг, прикрываясь авторитетом рейхсфюрера. Попал под подозрение в гомосексуальности и, чтобы снять обвинение, заявил о своей помолвке. Но это породило новые трудности – Гиммлер настаивал на скорой свадьбе, а невеста у Рана была только на фото. Нервы у историка-любителя не выдержали. Считается, что последнюю точку в его судьбе поставили два события: еврейские погромы, прокатившиеся по всей Германии «хрустальной ночью», и намерение начальства перевести его в концентрационный лагерь Бухенвальд. Ран пишет рапорт о выходе из СС.

11 мая 1939 года крестьянские дети, живущие близ баварской деревушки Айберг, нашли разложившийся труп мужчины. Вскоре останки идентифицировали – это был Отто Ран. Около него было найдено два медицинских пузырька с каплями яда. Полиция сразу отбросила версии об убийстве. Было решено, что Ран покончил с собой. Причины суицида остаются загадкой. Может быть, историк-любитель боялся разоблачения его гомосексуальных наклонностей. Так или иначе, но Отто Рана посмертно восстановили в «Черном ордене».

В июне 1943 года в Монсегюр прибыла экспедиция «Аненербе», в которую входили известные немецкие историки, этнологи, геологи и спелеологи. Под охраной местной полиции члены экспедиции разбили палаточный лагерь и приступили к раскопкам. Работы в замке катаров продолжались вплоть до весны 1944 года, когда нацистам пришлось спасаться бегством от наступающих войск противника. Удалось ли сотрудникам «Аненербе» обнаружить что-либо ценное в районе Монсегюра, неизвестно до сих пор.

Черное Солнце

Черты новой религии, которую Генрих Гиммлер предполагал насаждать сначала в СС, а затем в Третьем рейхе, были не определены. Когда изучаешь документы и свидетельства, связанные с поисками мировоззренческих основ для национал-социалистического государства, то складывается впечатление, что рейхсфюрер давал возможность попробовать себя на этом поприще самым разным деятелям, зачастую исповедовавшим совершенно противоположные взгляды. Главное – чтобы в сумасбродных теориях соединялись элитаризм, расизм, мистика и палеофантастика.

Одним из таких деятелей был Карл Мария Виллигут, известный также под псевдонимом Вайстор. Когда историки упоминают его имя, то обычно добавляют «личный маг рейхсфюрера» или «гиммлеровский Распутин». И действительно, влияние Виллигута на Гиммлера было велико: за период службы в СС он прошел путь от гауптштурмфюрера (капитана) до бригаденфюрера (бригадного генерала). Без преувеличения можно сказать, что Виллигут был наставником Гиммлера. Именно с ним тот консультировался по самому широкому кругу вопросов, касающихся сакральной символики, эзотерики, колдовства и оккультизма. Виллигут принимал участие в разработке знаменитого эсэсовского кольца с «мертвой головой» и многих церемоний, которые придавали охранным отрядам неповторимую ауру элитаризма.

Карл Виллигут родился 10 декабря 1866 года в Вене. Его отец был капитаном австрийского ландвера, но со временем оставил армию и поступил в полицию. В возрасте тринадцати лет Виллигут-младший пошел по стопам своих предков и поступил в Имперскую кадетскую школу. Военную службу начал в возрасте восемнадцати лет, когда был направлен в 97-й австрийский пехотный полк, расквартированный в Герцеговине. Однако Карл не казался тугодумным офицером – он писал романтические стихи и вступил в общество «Шларраффия», которое занималось изучением древней символики и архаичных церемоний. В октябре 1914 года Карл Мария Виллигут как офицер штаба 30-го пехотного полка принимал участие в боевых действиях против русской армии в Карпатах. После этой изнурительной кампании он был произведен в полковники и переведен в Грац. Как следует из документов, Виллигут проявил себя «опытным добросовестным офицером».

В мае 1918 года новоиспеченный полковник был назначен командующим лагерем для выздоравливающих в Лемберге. Именно там произошли события, во многом предопределившие его дальнейшую судьбу. В июне 1918 года эту офицерскую миссию посетили епископ Поповски, генерал иезуитов Ледоховски и кардинал Рати (будущий папа Пий XI). Воспользовавшись удобным случаем, полковник поведал церковным сановникам о происхождении своей фамилии и семейном предании, хранившемся в строжайшей тайне. Иезуит, услышав историю Виллигута, поморщился и прошептал на ухо папскому легату: «Проклятое семейство». И тут с выдержанным и дисциплинированным офицером произошла странная метаморфоза – Виллигута обуяло неистовство. В ярости он кричал католическим священникам: «Да! Я родом из проклятой семьи!» И позднее с Виллигутом случались припадки, при которых он вел себя словно одержимый.

Тем временем рухнули Австро-Венгерская и Германская империи. Оказавшись в составе «Добровольческого корпуса», Виллигут с оружием в руках сражался против коммунистов и сепаратистов. Выйдя на покой, он хотел заняться политической журналистикой, но нервы сдали окончательно, и Виллигута пришлось поместить в психиатрическую клинику, где его признали недееспособным. В 1919 году «сумасшедший полковник» вышел из нее и почти сразу оказался в рядах националистов. Карл Виллигут стал вождем для самых примитивных и самых отчаявшихся немецких конспирологов – тех, которые верят в существование невидимого архитектора всех событий, живущего среди нас и в случае великой опасности выступающего в роли спасителя. «Странности» Виллигута интриговали и притягивали. В 1920-е годы эзотерики из австрийской элиты стали уделять ему большое внимание. Происходило это с подачи двух людей: баронессы Талер, кузины Виллигута, которая возглавляла один из эзотерических кружков, и Адольфа Ланца, главы ордена новых тамплиеров. Сторонники последнего трижды посещали «сумасшедшего полковника», поселившегося в округе Зальцбурга. Именно тогда Виллигут познакомился с деятельностью НСДАП.

В чем-то мировоззрение Карла Виллигута совпадало с нацистской идеологией, но имелись и существенные различия, выдававшие в нем мистика, окончательно оторвавшегося от реальности. Так, под «арийцами» и «сверхлюдьми» Виллигут подразумевал некие духовные сущности («асы»), которые пришли тысячелетия назад с Луны на Землю. Арийцы, о которых говорила национал-социалистическая идеология, были для Виллигута в лучшем случае кандидатами на это высокое звание.

Истинными арийцами они могли бы стать, лишь вернув давно утраченную способность путешествовать между мирами. В 1928 году Виллигут познакомил благодарных слушателей с одним из своих пророчеств, которые называл «хагалритами». Род Кемберов (кимбров), от которых, по уверению Виллигута, происходил и он сам, был наследником древних сущностей аса (само слово «кимры» переводилось не иначе как «проростки аса»). Кимры (или «дети света») – двуполые существа с телами летающих ангелов. Когда-то они были подобны богам, но потом стали заключать браки с «детьми камня» и полностью очеловечились. Подлинная история мира была изложена в «Ирмин-саге», записанной на семи дубовых досках «протоарийским» линейным письмом. По утверждению Виллигута, в его роду эти скрижали передавались из века в век строго от отца к старшему сыну. Но в 1848 году во время пожара в немецкой части города Буда, который позже слился с городом Пештом (Будапешт), дом Виллигутов сгорел. В огне погибли не только таблицы «Ирмин-саги», но и другие драгоценные семейные документы и реликвии. Теперь «тайное предание» внутри семьи передается исключительно устным путем. Впервые оно было представлено общественности, когда Карл Виллигут написал для Главного управления СС брошюру «Представление о развитии человечества в тайной традиции нашего рода Аса-Уана Уилиготис» (1936) – в ней он не только излагал основную канву семейных легенд, но и попытался сравнить ее с другими эпосами, которые рассказывали о периодических катастрофах, уничтоживших в свое время почти все человечество.

Подобно Герману Вирту, «сумасшедший полковник» намеревался восстановить изначальную «проторелигию». Необычным образом он увязывал ее с христианством. Дело в том, что в предании семьи Виллигутов центральной фигурой был принесший себя в жертву богочеловек Бальдр Крестос. Интересно, что в данном контексте слово Крестос значило «благородный», «исключительный» и «порядочный». Возникновение «христианства», согласно Виллигуту, выглядело следующим образом. Десять с половиной тысяч лет до нашей эры на Земле появилась прекрасная и вечно юная Нана. Она родила непорочно зачатого Бальдра. Он развивался быстрее других «детей света», которые были более материальными и приземленными. Личные качества Бальдра указывали на его божественное происхождение: он был первым, кто совершал осознанные поступки, а не руководствовался подсознанием. Бальдр мог стать вождем нового человечества, но отказался от своего древнего права властвовать над Землей, отдав его другим «детям света», которых земные люди почитали как богов. Навязав людям свои законы, «дети света» стали

высокомерными. Они постоянно вели борьбу за власть. И в один момент людям это опротивело. Они обратились к Бальдру с просьбой ограничить способности «детей света». Учитывая растущее влияние «темных аса», Бальдр решил обновить законы, уравнив людей и «детей света». Для последних это стало ужасной новостью. Они опасались утратить последние из способностей, доставшиеся от кимров. В Госларе (Аруале) вспыхнул конфликт между сторонниками старого уклада и Бальдром Крестосом, неумолимо проводящим в жизнь свои начинания. Враги взяли штурмом резиденцию Бальдра, пленили и распяли его. После чего в Бальдра было выпущено множество стрел.

Виллигут не считал свои путанные и странноватые сюжеты отвлеченной мифологией: он утверждал, что распятие Бальдра произошло вблизи Гослара – на месте, где располагались руины семинарии Святого Петра, чуть восточнее города Петерсберг. Духовное заведение было разрушено в 1527 году, когда горожане вели ожесточенную борьбу против брауншвейгского герцога. Много лет спустя, в 1871 году, были обнаружены стены этого строения. Люди, проводившие раскопки, нашли также остатки нескольких колонн. Виллигут посетил руины, после чего заявил, что распятие произошло на месте третьей колонны. Правда, не указал, с какой стороны надо вести отсчет, дабы установить точное место.

Последний гроссмейстер ордена новых тамплиеров Рудольф Мунд в своей книге «Распутин Гиммлера», посвященной судьбе Виллигута, привел один его рассказ о дальнейшей судьбе Бальдра. Тот якобы поведал, что богочеловеку, несмотря на множество причиненных ран, все-таки удалось сойти с креста. Опасаясь преследования, Бальдр направился в «ужасную пустыню Гоби». Там он основал «школу мастеров». Ее ученики тщательно охраняли свое учение, создавая в Азии специальные закрытые области. Не потому ли Генрих Гиммлер проявлял повышенный интерес к Тибету?

Казалось бы, в идеи Виллигута невозможно поверить. Но факт остается фактом: безумец просто околдовал Гиммлера и его окружение. «Аграрный папа» Вальтер Дарре писал в своем дневнике: «После посещения Гослара полковник посвятил в свои планы и дал совет. Итак, в 1934 году, в Госларе – первый имперский съезд крестьян». Как видите, Карл Виллигут значительно влиял на внутреннюю политику нацистов.

Падение Виллигута было столь же стремительным, как и взлет. В феврале 1939 года Карл Вольф, адъютант Гиммлера, проинформировал служащих структуры, которую возглавлял «сумасшедший полковник» (Отдел РАШ Главного управления СС по вопросам расы и поселений), что она распущена, а ее шеф уволен на основании собственного прошения.

Несколько дней спустя Генрих Гиммлер попросил Виллигута вернуть эсэсовские кольцо, кинжал и шпагу. 28 августа 1939 года Карл Виллигут был выведен из состава СС. Официальная версия объясняет причины внезапной опалы тем, что на стол к рейхсфюреру попали документы, в которых подробно рассказывалось о пребывании Виллигута в психиатрической лечебнице. Так закатилась звезда главного эксперта по древним религиям. Впрочем, некоторые его безумные инициативы продолжали жить и развиваться, поглощая немалые средства. Пожалуй, самый значительный проект Виллигута – возведение «орденского» замка, который должен был стать центром идеологической подготовки высшего командного состава СС.

Замок Вевельсбург представлял собой массивное треугольное сооружение, построенное в XVII веке на месте старой крепости. Первое упоминание о нем относится к 1123 году – граф Фридрих фон Арнсберг решил возвести на месте саксонских оборонительных валов каменный замок. Однако уже в следующем году граф скончался, и начатые постройки были разрушены местными крестьянами. Некоторое время территория принадлежала семейству графов фон Вальдек, которые восстановили разрушенное, а позже передали половину замка рыцарю Бертольду фон Бюрену. Замок переходил из рук в руки, пока не был окончательно выкуплен архиепископом Теодором фон Фюрстенбергом. В начале XVII века он придал замку его сегодняшний облик: три мощные башни, которые составляют с высоты птичьего полета почти равнобедренный треугольник. В 1646 году стены и башни замка понесли тяжелый ущерб от огня шведской артиллерии. Только спустя десять лет после завершения Тридцатилетней войны, разрушения были устранены, а на башнях замка появились барочные купольные крыши. В январе 1815 года северная башня выгорела вследствие удара молнии. Перед Первой мировой войной начался ремонт крыш, что несколько затормозило дальнейшее превращение замка в руины. В 1924 году глава местного правления (ландрат) запросил вышестоящую инстанцию о возможности реконструкции замка с целью создания туристической базы. Разрешение властей и пожертвования позволили начать восстановительные работы. Их остановил разразившийся экономический кризис, и Вевельсбург вновь пришел в запустение.

Судьба замка резко изменилась, когда в 1933 году Генрих Гиммлер принял решение использовать Вевельсбург в качестве Имперской школы руководителей СС. В ходе переговоров с владельцами Гиммлер договорился взять замок и прилегающие территории в аренду на сто лет за символическую плату: одна рейхсмарка в год. Еще до подписания договора

на территории Вевельсбурга начались строительные работы. Только до конца марта 1934 года предполагалось израсходовать на эти работы 145 тысяч рейхсмарок.

С первых шагов по восстановлению и расширению замка Вевельсбург было понятно, что он имеет особое значение для Генриха Гиммлера. Речь не шла о том, чтобы замок стал школой СС или учебным замком НСДАП – в планах не было предусмотрено никакого оборудования учебных залов. Наличествовали лишь маленькие помещения, которые должны были служить руководителям СС в качестве жилых комнат и мест для мировоззренческих размышлений. Вызвало затруднения название проекта: он фигурировал в документах как «Расовая школа СС», «Школа руководителей СС», «Школа мировоззрения СС», «Школа рейхсфюрера СС», «Школа-пансион СС Вевельсбург», а также под другими подобными названиями.

Замок восстанавливался под покровом тайны. Посещение Вевельсбурга посторонними лицами было строго запрещено приказом. Местные жители могли попасть туда только по специальному приглашению. В печати любое упоминание о замке тщательно вымарывалось цензурой. Распоряжение от 6 ноября 1935 года разъясняло, что Вевельсбургу предстоит обрести некий особый статус. В этом документе впервые отчетливо обрисовываются планы Гиммлера о преобразовании замка в святыню «Черного ордена». К этой идее его подтолкнул «сумасшедший полковник» Карл Виллигут, который предложил создать в стенах замка центр изучения основ расовой теории. Кроме того, на решение Гиммлера повлияло старинное иезуитское пророчество о «битве близ Биркенбаума». В нем говорилось, что в ходе грядущей «последней битвы» бесчисленные орды с востока будут наголову разбиты западным войском. Рейхсфюрер собирался подготовить СС к этому величайшему столкновению между Азией и Европой, причем полагал, что оно произойдет как раз через сто лет.

Когда Вевельсбург был восстановлен, возникла нужда в квалифицированных кадрах, которые обеспечили бы «мировоззренческое» обучение. В качестве преподавателей приглашались молодые ученые, стоящие «на прочной идеологической платформе»: медиевисты, германисты, этнографы, специалисты по генеалогии и «немецкой астрономии».

Финансовые расходы на «орденский» замок намного превосходили субсидии на все остальные памятники культуры, вместе взятые. Так, в Вевельсбурге была учреждена собственная строительная контора, в

которой к 1942 году были заняты 54 сотрудника, включая рабочих и служащих, в том числе – пять архитекторов. Основными кредиторами выступали Германский трудовой фронт, Германский Красный Крест, Банк Германского труда и Дрезднер Банк. Уровень расходов можно оценить, если вспомнить, что сумма кредитов Дрезднер Банка различным предприятиям СС к концу войны составляла примерно 30 миллионов рейхсмарок, причем в Вевельсбург ушло более 13 миллионов!

В замке были организованы музей, библиотека и кабинеты для занятий, каждый из которых оформлялся в соответствии с уникальным назначением и в привязке к конкретной легенде: кабинет короля Артура, кабинет Святого Грааля, кабинет короля Генриха и тому подобные. Но особый интерес вызывает помещение, которое иначе как храмовым не назовешь. В подвале северной башни (той самой, в которую когда-то попала молния) было решено оборудовать «торжественный зал». Потолок сохранившегося до наших дней помещения с максимальной высотой 9,5 метра и диаметром около 14 метров представляет собой отлитое из бетона куполообразное перекрытие в виде чаши, облицованной изнутри природным камнем. Посреди пола располагается углубление, напоминающее купель, в которую ведет лестница из трех ступеней. На одинаковом расстоянии друг от друга возле стены установлены двенадцать круглых каменных цоколей, назначение которых достоверно не установлено (возможно, на них предполагалось разместить священные реликвии). Свастика в центре купола является единственным архитектурным украшением.

Внутреннее пространство освещается через четыре окна в наружной стене башни. Потоки падающего через них света сходятся в «купели», и это место визуально выделяется при естественном освещении. Там, на зеленом мраморе пола, выложено из черного камня загадочное «колесо». Двенадцать спиц «колеса», имеющих форму руны «зиг», указывают на одну из колонн, опоясывающих внутреннее пространство зала. Фигура на полу является эзотерическим символом, обозначающим «первоогонь», центр Вселенной и творческое начало. Она называется «Черным Солнцем», что связывает ее с аббревиатурой СС (SS, «Schwarze Sonne»). Может быть, это и есть главный символ новой религии, которую разрабатывали подчиненные Генриха Гиммлера? Связано ли строго выдерживаемое число двенадцать с легендой о рыцарях короля Артура? Содержится ли в форме «купели» намек на Святой Грааль? На эти вопросы нет однозначного ответа – мы можем только догадываться, какую символику содержал в себе эсэсовский храм Вевельсбурга и какие обряды здесь планировалось

совершать...

Зато известно, что Вевельсбург собирались значительно достраивать и расширять. Вот что было записано в проекте:

Исходным пунктом всего проекта является центр северной башни замка Вевельсбург, горизонтальная проекция которого образует равнобедренный треугольник. Высоту этого равнобедренного треугольника образует двухкилометровый прямолинейный участок ведущей в замок в северо-западном направлении главной транспортной магистрали, имеющий вид усаженного четырьмя рядами деревьев величественного проспекта. <...> Собственно территория замка занимает $\frac{3}{4}$ площади круга радиусом 430 м и завершается стеной с 18 башнями. В пределах этой территории сооружено большое количество строений, служащих исключительно целям Имперского руководства СС. Главная улица будущей деревни описывает дугу радиусом 635 м вокруг центра северной башни замка, на территорию которого через специальные входные ворота ведут связанные с главной улицей деревни три радиальные дороги. Поселок СС будет находиться на северо-западе, центр собственно деревни – на севере, казарма личного состава СС – на западе территории замка. Между казармой и деревней... предусмотрено разместить колонию вилл для высших руководителей СС. На юго-западе территории замка планируется расположить крупные крестьянские хозяйства, в частности – наследственные крестьянские дворы, которые в дальнейшем предполагается сгруппировать в поселения разбросанной застройки, примерно по три-четыре хозяйства у перекрестков дорог.

Руководители строительства последовательно придерживались этого плана. В его окончательном варианте, который Генрих Гиммлер утвердил в 1944 году, также наблюдается строгое равенство всех объектов на образованный старым замком равнобедренный треугольник – так, чтобы при взгляде на очертания Вевельсбурга с высоты птичьего полета возникала ассоциация с формой наконечника копья.

В январе 1939 года Гиммлер провел в замке три дня. Особенное внимание он уделил «залу судебных заседаний» в западном крыле, где, по его мысли, предстояло проводить церемонии принятия торжественной клятвы группенфюреров. Для этого помещения Генрих Гиммлер распорядился написать картину, изображающую древо жизни, и изготовить из керамики государственный герб в виде имперского орла. Однако

начавшаяся война смешала все планы. В Вевельсбурге было проведено лишь одно совещание группенфюреров СС – с 11 по 15 июня 1941 года, и посвящено оно было актуальным вопросам подготовки к войне с Советским Союзом.

В соответствии с замыслом Гимmlера «орденский» замок должен был апеллировать не столько к разуму высших руководителей СС, сколько к их сердцам. Поэтому вплоть до последнего года войны рейхсфюрер отдавал распоряжения оборудовать интерьер замка самыми изысканными ценностями. Его ничуть не беспокоило, что под «подарками и приобретениями» для Вевельсбурга подразумевались ценности, награбленные практически на всех оккупированных немецкими войсками территориях.

Ни один из замыслов Гимmlера не был реализован в полной мере. 31 марта 1945 года рейхсфюрер отдал распоряжение взорвать замок, дабы он не достался войскам антигитлеровской коалиции. Восстановление замка началось в 1948 году. Сейчас в нем находится местный краеведческий музей, где истории СС посвящена сравнительно небольшая экспозиция.

Глава 4

Путь в Шамбалу

Легенда о Шамбале

Если вспоминать историю масштабных мероприятий «Аненербе», предпринятых в интересах укрепления расовых доктрин и политических связей нацистов, то нельзя обойти вниманием знаменитую экспедицию Эрнста Шефера в Тибет. Современные комментаторы часто связывают ее с поисками Шамбалы, поэтому имеет резон поговорить о том, что это такое.

Слово «Шамбала» (тибетское – «Шам-бха-ла») имеет двойное значение. В символическом смысле Шамбала – олицетворение времен грядущей правды, победы добра над злом, наступления века истины и единства человечества (век Майтрейи). В более конкретном смысле Шамбала – потаенное место пребывания в Центральной Азии общины великих «держателей» и «носителей» мира, то есть «Владыки» и его сподвижников-«махатм».

Вот что писал о Шамбале известный востоковед, путешественник и эзотерик Юрий Николаевич Рерих:

Шамбала является не только очагом тайного буддийского учения, но и источником грядущей галбы («галба», «калпа» – мировой период в индуистской космогонии. – А. П.), или космической эры. Европейский ученый склонен преуменьшать значение слова «Шамбала», но те, кто знаком с буддизмом, знают, какую огромную силу имеет оно среди буддистов высокогорной Азии. На протяжении всей истории это слово не только вдохновляло религиозные движения, но даже двигало армиями, военным кличем которых была «Шамбала». Солдаты Сухэ-Батора, изгнавшие из Монголии генерала Сюя с его армией и принешие в свою страну свободу, сочинили песню, которую и сейчас поют монгольские кавалеристы. Песня начинается словами «Чанг-Шамбалын-дайн», или «Война Северной Шамбалы», и призывает монгольских воинов подняться на священную войну за освобождение своей страны от вражеских полчищ. «Пусть мы все умрем в этой войне, но мы родимся снова воинами Шамбалын-хана», – поется в этой песне. <...>

В наши дни возрождается мощный фольклор, иногда в виде пророчеств, песен, намтаров или легенд, илам-йигов или напутствий. Барды поют балладу о будущей войне Шамбалы, которая покончит со злом. Не следует недооценивать значения этой разбуженной силы, таящейся в юртах кочевников и во многих монастырях ламаистской

Центральной Азии.

Буддийская традиция прочно связывает Шамбалу с учением о Калачакре (Колесе Времени). Согласно одной из интерпретаций, Калачакра – некое сокровенное учение, обладание которым позволяет достичь просветленного состояния Будды в течение жизни. Считается, что Будда Шакьямуни через год после достижения просветления (нирваны) преподавал учение царю Шамбалы Сучандре. Вернувшись на родину, в Шамбалу, Сучандра стал проповедовать это учение, а также написал пространный комментарий к нему. Много столетий спустя учение о Калачакре вернулось из Шамбалы в Индию, где получило широкое распространение среди буддийских монахов. Произошло это на рубеже X и XI веков нашей эры. Из Индии учение затем было перенесено странствующим пандитом (учителем) Соманатхой в Снежную страну (Тибет). Соманатхе также приписывается введение в Тибете в 1027 году особого календаря на основе шестидесятилетнего цикла, изложенного в Калачакре.

В XIV веке большой интерес к системе Калачакра начинают проявлять Панчен-ламы, в результате чего монастырь Таши-лхумпо в южном Тибете (провинция Цзян), являющийся их резиденцией, превращается в один из главных центров учения. В лице Панчен-лам Калачакра приобретает совершенно особых покровителей. Согласно древнему буддийскому пророчеству, в конце Кали-юги (железного века), когда учение Будды придет в упадок, 25-й Владыка Шамбалы Рудра Чакри (Ригден Джапо, ригдан Джэбо, Красный Всадник), воплотившись в одном из Панчен-лам, начнет войну против варваров – последователей религии Лало (явный намек на мусульманских гонителей буддизма). В результате великой битвы, которая произойдет на берегах реки Шрита (Сита) в Индии, полчища Лало будут разбиты и на Земле воцарится царство Майтрейи.

Изначальные сведения о Шамбале проникли в Европу на исходе Средних веков благодаря рассказам путешественников по азиатскому Востоку. Первыми о загадочной стране поведали португальские миссионеры-иезуиты Эстебан Качелла и Жоао Кабрал. В 1628 году, пытаясь пройти из Бутана в Китай, о котором в то время имелись довольно скудные сведения, они узнали о существовании неведомой им страны – Ксембале. Бутанский правитель сообщил им, что это очень известная страна и что она граничит с другим государством под названием Согпо. Из такого ответа Качелла заключил, что Ксембала – это и есть Китай, поскольку сообщенные ему сведения (огромная территория и ее соседство с владениями монголов) соответствовали тому, как Китай изображался на

географических картах. После этого Качелла предпринял путешествие в Ксембалу, и ему удалось добраться до города Шигадзе во владениях Панчен-ламы (то есть в Тибете). Сюда в начале 1629 года из Бутана прибыл и его спутник Кабрал. Путешественники, однако, быстро сообразили, что попали не в Китай, а в страну, которая на европейских картах того времени именовалась Большой Татарией.

Другой европейский путешественник – венгр Чема де Кереши, побывавший в Бутане и Тибете в начале XIX века, – дополнил сведения португальских монахов. В небольшой статье, опубликованной в 1833 году, он сообщает, что Шамбала – «мифическая страна, расположенная на севере», и что ее столицей является Калапа – «прекрасный город, резиденция многих прославленных царей Шамбалы». Называя Шамбалу «мифической страной», де Кереши тем не менее указывает ее относительно точные географические координаты: «между 45 и 50 градусами северной широты, за рекой Сита или Яксарт».

Скупые сведения о Шамбале долгое время оставались достоянием узкого круга географов и востоковедов. И только во второй половине XIX века, благодаря теософскому учению Елены Блаватской, предание о Шамбале становится известным широкой европейской публике. В своем капитальном труде «Тайная доктрина» она со ссылкой на публикации Чема де Кереши и сообщения немецких путешественников по Тибету упоминает о Шамбале и о священной книге «Дускьи Хорло».

Следует отметить, что Шамбала для Блаватской и ее последователей – это уже не мифическая страна, а некая реально существующая община посвященных махатм. Таких мистических братств, хранящих остатки древней «универсальной» науки, на Земле существует немало, однако они не имеют никакого отношения к так называемым «цивилизованным» странам. Больше того, местонахождение их должно оставаться тайной для остального мира – до тех пор, пока «человечество в массе своей не очнется от духовной летаргии и не раскроет свои слепые очи навстречу ослепительному свету Истины».

Предание о Шамбале в его «европейском» варианте получило дополнительное развитие после публикации осенью 1933 года романа-утопии английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт». В этом произведении Хилтон необычайно увлекательно и правдоподобно изобразил буддийский монастырь Шангри-Ла, расположенный в одной из труднодоступных горных долин на территории западного Тибета. С помощью тайных знаний и оккультных методик обитатели монастыря сумели подчинить себе ход времени, замедлив его течение. Они живут

замкнутой общиной – мирно и счастливо, погрузившись в занятия науками и искусством, не ведая тревог и забот, терзающих остальное человечество.

Роман Джеймса Хилтона в короткое время приобрел большую популярность на Западе, многократно переиздавался и в 1937 году был экранизирован. С легкой руки Хилтона слово «Шангри-Ла» прочно вошло в английский язык, означая «воображаемый земной рай, убежище от тревог современной цивилизации». Такое название присваивают роскошным отелям, ресторанам, горным курортам и прочим райским уголкам, а президент Теодор Рузвельт даже назвал так свою летнюю резиденцию в горах Мэриленда (впоследствии переименована в Кэмп-Дэвид).

Возможно ли существование в наше время где-нибудь в недоступной горной долине Тибета подобной общины мудрецов, хранящих неведомые остальному человечеству знания? Вряд ли. Во всяком случае никаких вещественных доказательств этому не представлено. Что касается самих тибетских лам, то они придерживаются самых разных точек зрения: одни считают, что Шамбала находится в горной системе Куньлуня, возвышающейся над Тибетским плато, другие – в соседнем Синьцзяне (Западном Китае), однако большинство из них верит, что Шамбала расположена в гораздо более северных широтах – в Сибири или в другой части России, возможно даже в Арктике.

Более серьезные исследователи предпочитают утверждать, что Шамбала не имеет отношения к истории или географии. Шамбала – это вера в лучшее будущее. И как символ этой веры может быть использована для борьбы в настоящем.

Три путешествия Эрнста Шефера

Немецкий зоолог Эрнст Шефер, имя которого часто связывают с поисками мифической Шамбалы, родился 14 марта 1910 года в зажиточной тюрингской семье. Его отец был главой гамбургского концерна «Феникс», занимавшегося выпуском резины.

В 1929 году молодой Шефер экстерном закончил школу в Мангейме. После этого он почти сразу же перешел в университет Гёттингена, чтобы изучать орнитологию. Во время каникул он предпочитал не отдыхать, а работать на орнитологической станции, которая располагалась на островке Меммерт. Именно здесь честолюбивый юноша познакомился с американским студентом Бруком Доланом, поставившим перед собой грандиозную цель – найти и изучить «гигантскую панду», о которой в Европе знали только по скудным сведениям.

В марте 1930 года Эрнст Шефер вместе с Доланом отправились в свою первую совместную экспедицию. Долгое время они провели в поезде, который вез их по Транссибирской магистрали. На Дальнем Востоке участники экспедиции зафрахтовали японское суденышко, на котором направились в Шанхай. Тут они столкнулись с проблемой: правительство Гоминьдана фактически не контролировало значительную часть Китая и не выдавало разрешения на выезд в центральные районы страны. В итоге нетерпеливый Шефер в сопровождении нескольких местных отправился в путь, договорившись встретиться с Доланом уже в Сычуани. Путешествие по Янцзы было очень опасным. Кораблик, на котором находился Шефер, несколько раз обстреливали. После утомительного плавания он наконец достиг Чунцина и поселился в семье, глава которой хорошо знал Шефера-старшего. Несколько недель спустя в город прибыла и остальная часть экспедиции.

Во время путешествия Эрнст Шефер удачно охотился: в зоологической коллекции экспедиции появились золотой фазан и горал. Но главное – 13 мая 1931 года он стал вторым белым человеком в мире, который смог подстрелить панду. Сохранилась фотография: Шефер запечатлен с пандой на одной руке и мертвой птицей – в другой.

После нескольких месяцев путешествий Эрнст возвратился на родину, где продолжил свое обучение в Гёттингене. Его отчет о поездке, положенный в основу небольшой книги под названием «Горы, Будда и медведи», разошелся по всей Германии, принеся молодому студенту

известность.

Тем временем в Берлине к власти пришел Адольф Гитлер. Политические события не обошли стороной и Эрнста Шефера. 1 ноября 1933 года по рекомендации обер-бургомистра Гёттингена он стал кандидатом в члены СС.

В январе 1934 года Шефер получил от Брука Долана приглашение присоединиться к небольшой экспедиции, которая направлялась в Центральную Азию. Много позже Эрнст напишет об этом:

Вторая экспедиция была не итогом тщательного планирования и результатом научных разработок, а следствием выходки сумасбродного американца, у которого было слишком много денег. Он пресытился обычной жизнью и не знал, куда деть свою энергию.

Третьим участником экспедиции должен был стать английский миссионер Дункан, который в совершенстве владел китайским и тибетским языками. Целью почти двухлетнего путешествия должно было стать исследование малоизученной горы Амне-Мачин, которая располагалась на китайско-тибетской границе, а также разведывание истоков реки Янцзы. Однако начавшаяся Японско-китайская война поставила жирный крест на планах: националистическое правительство в Нанкине отказало трем иностранцам во въезде. В итоге исследователям пришлось отказаться от посещения Тибета и попытаться добиться разрешения хотя бы на изучение Янцзы.

Несмотря на то, что между Доланом и Шефером установились дружеские связи, они взяли на себя определенные договорные обязательства. Так, например, Долан должен был первым сообщать в США обо всех открытиях, которые сделает экспедиция. Именно так произошло в случае с неизвестным видом барана, который в декабре 1934 года был обнаружен Эрнстом Шефером. Однако пальма первенства досталась Долану. И лишь по возвращении в Европу Шефер получил возможность доложить о своем открытии в научных кругах. Не исключено, что в СС знали о существовании экспедиционного договора. Ведь только так можно объяснить тот факт, что в шанхайском представительстве немецкой фирмы «AGFA», в котором трудилось немало резидентов немецких спецслужб, были сделаны дубликаты всех снимков, полученных во время экспедиции, и тут же отправлены в Германию.

В городе Джекондо, расположенном в верховьях Янцзы, губернатор, поставленный на пост нанкинским правительством, на несколько недель

задержал экспедицию. Из-за этого развалилось все предприятие. Долан направился назад, чтобы получить новые разрешения и доверенности, однако к своему другу так и не вернулся. Отныне брошенный Шефер должен был сам руководить остатками экспедиции. Невзирая на трудности и опасности, он все-таки продолжил путь.

2 ноября 1935 года Эрнст Шефер прибыл в Шанхай с богатым зоологическим, ботаническим и географическим «уловом». Но здесь молодой ученый столкнулся с проблемой, которая предопределила его будущее: Долан, встретив его, потребовал себе все собранные материалы. Шеферу пришлось следовать букве подписанного договора. Он решил, что отправится с Доланом в США, где изучит коллекцию и сможет добиться финансирования новой экспедиции. Однако немецкий консул Герман Крибель, старый боец национал-социалистического движения, участвовавший еще в «пивном путче», убедил молодого ученого, что тот будет полезнее на родине. Благодаря письменным рекомендациям и поддержке Крибеля, Эрнст Шефер сделал быстрый карьерный взлет. Помимо шума, поднятого в прессе, и благожелательного отзыва ведущих зоологов, Шефер получил внеочередное офицерское звание унтерштурмфюрера СС. Больше того: сам Генрих Гиммлер рекомендовал исследователю поскорее вернуться в Германию.

В Берлине Эрнст Шефер продолжал работу над диссертацией, давал интервью для газет и писал популярные статьи. Но при этом он все больше оказывался втянутым в водоворот политических событий. Ему, орнитологу по образованию, приходилось осваивать национал-социалистический лексикон. К примеру, во время выступления в ноябре 1936 года в Мюнхене перед местной организацией национал-социалистических студентов он рассматривал высокогорный Тибет с точки зрения арийской мифологии. Газета «Народный наблюдатель» сообщала:

Его голос заполнял огромное помещение. Скоро стало ясно, что перед нами стоит истинный германец, который вещает о далеких землях. О том, как он смог выстоять там, где струсили американцы, в результате чего «случайно» стал руководителем экспедиции. Той самой экспедиции, которая не отступила и достигла своей цели. В конце выступления Шефер отметил, что теперь, когда весь мир ополчился на Германию, очень важно, чтобы немцы высоко несли свое национальное имя. Эта фраза сорвала аплодисменты. Пожалуй, никто из многочисленной публики не ушел недовольным рассказом этого смелого первопроходца немецкого духа.

Примечательно, что на публичные лекции Эрнст Шефер приходил в новенькой форме младшего офицера СС и старался увязывать свои рассказы с актуальными политическими задачами, фактически выступая агитатором нового, национал-социалистического образа жизни.

Шефер много времени уделял подготовке третьей экспедиции. Однако для ее осуществления ему требовались новые связи.

Во время благодарственного визита к Фрицу Штифе, начальнику управления культуры при Министерстве иностранных дел Германии, молодой ученый открыто попросил поддержать запланированную им экспедицию. О том же самом он говорил в Немецком исследовательском обществе, которое располагалось в Городском замке Берлина. Самым сложным моментом в проекте была финансовая поддержка. Предполагалось, что ее должно было предоставить Немецкое исследовательское общество, в том числе через систему ссуд от всевозможных научных структур. Но цель заслуживала подобных затрат: Шефер намеревался изучить Восточный Тибет – область, которая в то время была закрыта для европейцев.

Чтобы ввести свои исследовательские планы в контекст господствующей идеологии, Эрнст Шефер продвигал идею, что в Гималаях могут быть обнаружены остатки первоначальной арийской расы. При этом он опирался на теорию венского этнографа Вильгельма Шмидта-старшего, который пытался доказать, что в Тибете сохранились не только исчезнувшие в других местах виды растений и животных, но и продолжают существовать архаичные общественные формы древних арийских племен.

В течение 1937 года Шефер дважды выступал в Немецком исследовательском обществе с докладами. При этом он обращал внимание присутствовавших на то, что экспедиция будет проводиться по поручению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Кроме этого, Генрих Гиммлер, который возлагал на молодого зоолога большие надежды, ввел Шефера в состав своего персонального штаба, где назначил ответственным за хозяйственные вопросы. По этой причине отдел экономической помощи персонального штаба рейхсфюрера СС также помогал Шеферу собирать деньги. Процесс подготовки еще упростился, когда проект Шефера был записан как экспедиция «Аненербе», хотя привязка была формальной и не отражала действительности.

Примечательно, что с самого начала планирования экспедиции ее участники оказались прочно связанными со всевозможными расовыми теориями, столь популярными в Третьем рейхе. Кроме антропологических исследований различных этнических групп, проживающих в Тибете,

Гиммлер почти сразу же вменил в обязанность Шеферу провести расовое исследование разбойничьего племени нголок. Предполагалось выявить в антропологическом типе этих кочевников признаки западно-азиатского и даже нордического влияния. По этой причине антрополог, включенный в состав экспедиции, занимался бы расовыми замерами, фотосъемкой, исследованием межплеменных, а возможно, и межрасовых отношений. После обработки собранного материала он должен был сделать соответствующие выводы о значении и развитии нордической расы в данном регионе.

В немецком исследовательском обществе считали, что осуществить подобную программу под силу только специалисту высокого уровня. По этой причине ученые обратились к весьма неоднозначной фигуре – берлинскому профессору Ойгену Фишеру, который в период с 1927 по 1942 год занимал пост директора Института антропологии, наследственности и евгеники имени кайзера Вильгельма. Начиная с 1920-х годов этот профессор был ярким поборником так называемого «расоведения». В своей главной работе «Учение о человеческой наследственности и расовая гигиена» (1921) он требовал от государства активного вмешательства в процесс воспроизводства людей, следуя принципам излюбленной им евгеники.

После изучения рабочего плана антропологических исследований экспедиции Ойген Фишер остался очень доволен. Для него проект Шефера стал возможностью получить сведения из малоизученных земель, которые подтвердили бы его расовые теории. Более того, полученные данные позволили бы, по его мнению, выяснить развитие расовых отношений между индийцами и индо-германцами, равно как и влияние окружающей среды на процесс расового смешения.

Что касается причин интереса Генриха Гиммлера к Тибету, то трудно говорить о них в каком-то определенном ключе, но, скорее всего, они были связаны с его мистико-окультурными воззрениями. В своей автобиографии Эрнст Шефер писал, что после возвращения из второй экспедиции он неоднократно встречался с рейхсфюрером СС и тот слегка приоткрыл завесу тайны над своими планами:

Он хотел знать, можно ли встретить в Тибете человека со светлыми волосами и голубыми глазами. Я отверг такую возможность. Он поинтересовался, как я представляю себе возникновение человека. Я воспроизвел официальную точку зрения антропологов. Я говорил о питекантропе, гейдельбергском человеке, неандертальцах, сенсационных

находках, сделанных иезуитом Пьером Тейяром де Шарденом близ Пекина. Гиммлер спокойно выслушал. Затем он покачал головой: «Академическое образование, школьная премудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят как понтифики за кафедрой. Однако они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали и касается низших рас, но нордический человек пришел с неба при последнем, третичном, вторжении луны».

Гиммлер говорил тихо, словно священник. Камарилья молчала, был безмолвен и я. Я думал, что меня сошлют в языческий монастырь. Гиммлер добавил: «Вам еще многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о рунической письменности, индоарийской лингвистике. Но самым настоятельным образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Ганса Гёрбигера. Он указал, что фюрер давно занимается изучением теории о «мировом льде». А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные остатки людей, живших до падения третичной луны, – непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи, и, может быть, в Тибете».

К участию в следующей беседе Генрих Гиммлер привлек палеофантаста Эдмунда Кисса, который взялся подыскать для экспедиции специалиста по рунам, древней истории и религии. Эрнст Шефер не стал возражать, но сделал замечание, что поскольку его предприятие носит сугубо научный характер, то не хотел бы видеть в ее составе «ученых», занимающихся «мировым льдом». Рейхсфюрер не стал спорить.

Так или иначе, но Генрих Гиммлер не исключал возможности, что потомки первых арийских племен могли осесть в Тибете и сохраниться там благодаря изолированности от остального мира. Он лелеял надежду, что именно там можно прийти к сенсационным антропологическим выводам, которые принципиально нельзя сделать в Европе с ее тотальным кровосмешением. В молодом и честолюбивом ученом Гиммлер увидел ниспосланного ему судьбой человека, который должен был подвести научный фундамент под его мистические и откровенно фантастические представления.

Чтобы хотя бы отчасти повлиять на скептические взгляды Шефера, Гиммлер свел его со своим «личным магом» – Карлом Виллигутом (Вайстором).

В Далеме мы притормозили у высокой стены, которая огораживала

виллу. Несколько эсэсовцев, охранявших вход, отсалютовали мне. Это было так внезапно: я спешил, а на меня сваливались еще новые дела. Хорошо, что ближайшая станция подземки лежала поблизости. Но я хотел знать, зачем меня привезли сюда! Молодая дама проводила меня в зимний сад, где стоял затхлый запах тропических растений. Даже в этот светлый солнечный день я чувствовал себя подавленным. Внезапно эту зловещую атмосферу разрядил знакомый сладковатый запах. Откуда я мог его знать. Точно! Китай и опиум! Мне казалось, что прошла вечность, пока не открылась дверь и не вошел прихрамывающий старик. Он обнял меня и поцеловал в обе щеки. Казалось, он только проснулся и смотрел на меня мутными глазами. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как шуршит песок в часах. Долгое время мы сидели молча друг против друга, пока его руки не задрожали, а глаза не покрылись поволокой. Это был взгляд тибетского ламы. Он был в трансе. Затем он начал говорить странным гортанным голосом: «Сегодня ночью я связался с моими друзьями в Абиссинии, в Америке, в Японии и в Тибете. Я связался со всеми, кто прибыл из другого мира, чтобы создать новое государство. Западноевропейский дух испорчен до самой основы. Перед нами стоит большая задача. Наступает новая эра. Это неизбежность космического закона. Один из ключей находится у далай-ламы и в Тибетских монастырях». Затем он начал перечислять названия монастырей и их настоятелей, причем только те, которые я знал. Он черпал их из моего мозга? Телепатия? Я и сейчас не могу дать ответ. Я знаю, что покидал это зловещее место бегом.

Однако скептицизм Эрнста Шефера оставался непоколебим, и рейхсфюреру пришлось уступить. Для главы СС молодой исследователь оставался тем человеком, который мог добыть точные сведения о Тибете, а трактовать их с оккультно-антропологической точки предстояло другим людям. Возможно, именно по этой причине Гиммлер предоставил Шеферу полную свободу в обработке собранного материала.

Справедливости ради отметим, что Эрнст Шефер мог провести свою экспедицию без вмешательства СС. Кстати, он отверг помощь «Аненербе», в которое вступит позже, уже с началом Второй мировой войны. Но, несмотря на то, что экспедиция носила его имя, не нужно думать, будто речь шла о самостоятельном проекте: во всех аспектах экспедиции, начиная с ее рабочего плана, можно найти следы активного вмешательства Генриха Гиммлера. Со временем к ее планированию подключалось все больше эсэсовцев, равно как и «магов», направляемых лично рейхсфюрером.

В феврале 1938 года подготовка к тибетской экспедиции вошла в

финальную стадию. Первоначально планировалось, что путь путешественников будет пролегать через СССР, а в Тибет они войдут со стороны Китая. Это был более простой маршрут. Однако было весьма сомнительно, что иностранные власти согласились бы дать въездную визу экспедиции, проникающей в Тибет со стороны Китая, да еще поголовно состоящей из офицеров СС. То есть Эрнст Шефер был бы лишен возможности произвольного маневра. В итоге было принято решение войти в Тибет через индийское княжество Сикким.

Для получения разрешения английских властей на путешествие через Индию Эрнст Шефер лично направился в Лондон. В качестве почетного члена Королевского центрально-азиатского общества он был удостоен нескольких высоких аудиенций, в ходе которых получил необходимые рекомендательные письма. Шеферу удалось даже повстречаться с сэром Френсисом Янгхасбэндом, который к тому моменту превратился в живую легенду «завоевателя Тибета». Пожилой англичанин увидел в молодом немце многообещающего ученого и посоветовал ему устанавливать контакты с тибетскими властями на месте.

Третья экспедиция Эрнста Шефера покинула Германию 19 апреля 1938 года. За несколько дней до этого он вызвал в Берлин и представил рейхсфюреру СС всех участников путешествия. Кроме Эрнста Шефера, руководителя проекта, в экспедиции принимали участие: Карл Винерт (геофизик и специалист по геомагнитным полям), Бруно Бергер (антрополог из состава Главного управления СС по вопросам расы и поселений), Эрнст Краузе (энтомолог, фотограф и кинооператор) и Эдмунд Геер (технический руководитель экспедиции, также ответственный за доставку грузов и организацию караванов). Во время путешествия дела экспедиции в Германии вел Конрад фон Раух. В Калькутте исследователей ожидал его приятель по имени Йобст Геслинг, который оказывал им организационную поддержку в Индии. Весьма важная роль во время путешествия отводилась переводчику Кайзеру Бахадуру Тапе, уроженцу Непала.

Карл Винерт, являвшийся ассистентом известного путешественника и геофизика Вильгельма Фильхнера, был зачислен в члены экспедиции едва ли не с момента начала ее планирования, а потому вместе с Шефером не раз принимал участие в переговорах с представителями Немецкого исследовательского общества. А вот антрополог и расовед Бруно Бегер был введен в состав экспедиции в самый последний момент. Буквально накануне отбытия экспедиции он написал рабочую программу антропологических исследований, которая была в не пример обширнее той,

что в 1937 году Шефер представил в Немецкое исследовательское общество. В проекте Бегера речь шла не только о расовых и антропологических замерах, но и об изучении обычаев, ритуалов, равно как и всех культурных и общественных традициях народов и племен, проживавших в Тибете. Он расширил сугубо расовые изыскания, дополнив их этнографическими исследованиями.

Остановимся на этой фигуре поподробнее, так как именно Бруно Бегеру предстояло выполнить самые ответственные задания Генриха Гиммлера. Именно он должен был найти остатки нордической арийской расы в Тибете.

Бруно Бегер родился 27 апреля 1911 года. С рождения он был окружен наукой. Отец, Фридрих Бегер, занимался исследованиями в области лесоводства. Дядя Карл Бегер был профессором химии, а дядя Макс Бегер – талантливым инженером-изобретателем. При этом в семье царили националистические настроения, что очень сильно сказалось на мальчике. Когда Бруно исполнилось чуть больше трех лет, его старшие родственники ушли на фронт. На войне погиб и отец мальчика, и оба его дяди. Гертруда Бегер стала одной из многочисленных германских вдов. На скромную пенсию ей приходилось растить пятерых детей. Поэтому детство и юность Бруно прошли в нескончаемой бедности.

Но юноша рос и стал обращать на себя внимание. Высокий, светловолосый, с аристократическим лицом, которое увенчивалось орлиным носом, он производил впечатление «истинного нордического арийца». Еще когда Бруно учился в школе, то попался на глаза скульптору Гансу Лихтенекеру. Эта встреча оказала сильное влияние на формирование идейного багажа Бегера. На рубеже веков Лихтенекер побывал в Африке, в Намибии, где хотел стать фермером-колонистом. Однако большую часть времени немцу приходилось проводить в боях против местных племен. Его рассказы очень сильно впечатлили молодого человека, который в мечтах путешествовал по всему миру. Его мечты получили подкрепление политическими идеями, когда в руки юноши попал роман Ганса Гримма «Народ без пространства» (1926). В нем обосновывалась набирающая популярность идея о необходимости расширения «жизненного пространства». Бруно потребовалось всего лишь два дня, чтобы проглотить почти полторы тысячи страниц. Надо отметить, что книга Гримма разошлась в республиканской Германии огромным тиражом – 315 тысяч экземпляров.

Но с реализацией своих мечтаний Бегеру надо было подождать. В 1931 году он начал изучать математику. Постепенно его интересы стали

склоняться в сторону естественных наук. Само обучение во многом не устраивало Бегера хотя бы тем, что большинство профессоров были «унылыми и реакционными». Как он вспоминал много позже: «Они могли день за днем говорить только о восстановлении власти кайзера». Подобные чувства были характерны для многих студентов, зараженных революционной пропагандой. На фоне престарелых профессоров просто-таки блистал молодой антрополог Ганс Гюнтер, которого судьба сделала едва ли не главным расоведом Третьего рейха. «Расология» сразу же очаровала Бруно Бегера. И когда гитлеровцы пришли к власти, он вступил в «Черный орден», найдя свое место в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений.

Нужно отметить, что Бруно Бегер был приверженцем особого направления в немецкой «расологии». Еще во время учебы он познакомился с Людвигом Фердинандом Клаусом, который придерживался точки зрения, что все представители одной и той же расовой группы обладают схожими духовными свойствами, а потому в областях, заселенных определенными расовыми группами, путем исследования можно выявить специфические «расово-психические элементы». Тибет был идеальным местом для проведения подобных изысканий. В своей рабочей программе экспедиции Бруно Бегер писал:

Если здесь граничат друг с другом столь богатые формы жизни... то возможно выделение в их жизненном пространстве четко обозначенных контактных зон. Для нас эти четко ограниченные ареалы обитания являются весьма благоприятной средой для проведения расовых исследований.

В Тибете для осуществления антропологических исследований Бруно Бегер сделал большое количество гипсовых лицевых масок. Подобный метод был удобен тем, что ему не приходилось во время экспедиции использовать краниологические инструменты и толстотные циркули, вид которых мог напугать тибетцев. На выручку пришла методика, разработанная еще в 1870 году Германом фон Шлагинвайтом. Иногда случались сложности. После нанесения гипса на лицо маска должна была застывать в течение примерно сорока минут. Бегер вспоминал, что первый подобный опыт чуть было не закончился трагедией, которая могла сорвать экспедиционные планы. Нанеся на лицо тибетца гипс, Бегер забыл вставить ему в нос специальные соломинки, позволяющие дышать, и через некоторое время тибетец начал задыхаться.

Но вернемся к истории самой экспедиции. Во время промежуточной пересадки на Цейлоне ее участники обнаружили в британской прессе многочисленные заметки, в которых они изображались как «посланники Гитлера» и «нацистские шпионы». Высадившись в Калькутте, экспедиция направилась сначала в Даржилинг, а затем в Гангток, истинную столицу Сиккима. Опережающая их слава привела к тому, что в первых числах мая 1938 года правительство Британской Индии направило в Министерство иностранных дел Германии письмо. В нем сообщалось, что Шеферу и его товарищам строго-настрого запрещается заходить на территорию Тибета.

После утомительных и бессмысленных бесед в различных органах власти Эрнсту Шеферу все-таки удалось добиться аудиенции у сэра Обри Меткалфа, министра иностранных дел при правительстве Британской Индии. Встреча произошла в Сильме, летней резиденции вице-короля. Перед Шефером стояло две цели. Во-первых, он намеревался остановить поднявшуюся в британской прессе волну публикаций, которые были направлены против экспедиции. Во-вторых, собирался получить разрешение на визит в Тибет. Во время встречи Меткалф вел себя очень осторожно, а потому предпочел организовать визит немца к лорду Линлитгоу, вице-королю Британской Индии. Однако он призвал Шефера не пересекать границу с Тибетом без специально оформленного пропуска. В любом случае экспедиция могла работать в Сиккиме, приграничной индийско-тибетской области.

Как раз отсюда немцы делали непродолжительные экскурсии по близлежащим окрестностям. Так продолжалось до тех пор, пока экспедиционный лагерь не посетил дворецкий «короля» Таринга. Таринг был чем-то вроде губернатора тибетской пограничной области. Его резиденция располагалась в Доптре – первом крупном от границы с Сиккимом населенном пункте. Это было удачей для Эрнста Шефера, так как сын «короля» Таринга был министром финансов тибетского правительства в Лхасе. Получив его приглашение, экспедиция могла спокойно пересечь границу между Сиккимом и Тибетом, чтобы совершить визит вежливости. Подвернулся удобный случай, чтобы попросить «короля» выхлопотать для немцев в Лхасе разрешение на вступление в Тибет. Одновременно с этим Шефер передал «королю» подарки, которые должны были быть отправлены правительству Тибета. К каждому из подарков прилагалось сопроводительное письмо.

После визита в Доптру прошло несколько недель. Шефер успел разочароваться в своей затее, когда из Лхасы пришло запечатанное письмо от тибетского правительства. Первые строки письма, казалось, ставили

крест на дальнейшем продвижении экспедиции: ведь в них подтверждался категорический запрет на проникновение в Тибет. Но окончание письма вызвало бурный восторг – в нем говорилось, что немецкой экспедиции делалось исключение из общего правила:

Немецкому господину доктору Шеферу, мастеру ста наук. <...> Мы из опыта знаем, как трудно заниматься хотя бы двумя делами сразу. <...> Мы понимаем, что Вашей истинной целью является желание увидеть нашу святую страну, познакомиться с ее религиозными учреждениями, а также укрепить дружбу. Для ознакомления с ней мы даем Вам разрешение посетить Лхасу и оставаться там в течение 14 дней.

Далее подчеркивалось, что более длительное пребывание немецкой экспедиции в Лхасе может нарушить «религиозные чувства» жителей города.

Поспешно собрав все необходимое, 19 декабря 1939 года участники экспедиции снялись со своего постоянного лагеря, а три дня спустя пересекли границу с Тибетом. Именно в этот момент пришла радиограмма от Генриха Гимmlера, который поздравлял путешественников с праздником зимнего солнцестояния. Лично Шеферу были адресованы такие слова: «Пусть новый световой год станет порогом к Вашему самому большому успеху».

Понятно, что сам Эрнст Шефер не спешил во всеуслышание заявлять о своем пребывании в Тибете, а уж тем более о визите в Лхасу. Тем более что немцы нарушили предварительную договоренность и оставались в этом закрытом городе значительно дольше разрешенного. В поступившей из Лхасы радиограмме в шанхайское консульство Шефер просил прислать дополнительные подарки тибетским правителям от имени Генриха Гимmlера.

Позднее в своем сообщении о прибытии экспедиции в Лхасу Шефер заявлял, что национал-социалистическая Германия и ламаистское тибетское государство придают исключительное значение «встрече двух свастика»:

В первой половине дня 19 января в поле нашего зрения попал символ священной столицы – дворец далай-ламы. Несколько часов спустя он предстал перед нами во всем его гигантском величии. Затем тибетский офицер провел нас, первых немцев, через ворота священного города. <...> Даже сейчас участников экспедиции СС с членами тибетского правительства связывает глубокая и искренняя дружба. Тибетское

правительство проявило к немецким гостям огромную благосклонность. Об этом говорят не только множественные ответные визиты, но и огромное количество подарков, туш овец и свиней, напиток цамба (зеленый чай с молоком. – А. П.), муки, риса, фуража для коней, почти тысяча яиц, что позволило обеспечить многодневное благополучие нашей экспедиции. Один влиятельный тибетец блестяще сказал, что «впервые западная и восточная свастика встретились под сенью мира, культурного обмена и научных связей». Действительно, свастика, которая широко используется в буддизме и индуизме, значительно облегчила общение немцев с тибетцами.

Благосклонность тибетских правителей была настолько велика, что участникам экспедиции не только позволили принять участие в праздновании тибетского Нового года, но даже снять его на кинопленку. Это первый случай в истории науки, чтобы европейцы фиксировали ритуалы главного тибетского праздника.

Любезность проявлялась не только в этом. Провожатым Шефера по Лхасе был не кто иной, как сам регент Рединг Хутукту. Об этом религиозном и политическом деятеле (кроме того, что он правил Тибетом во время «междоцарствия» – между смертью в 1933 году Далай-ламы XIII и восхождением на престол в 1940 году Далай-ламы XIV) известно не очень много. Но благодаря документам немецкой экспедиции можно прийти к выводу, что Рединг Хутукту был настроен в антибританском ключе.

Тибетская политика первой половины XX века вновь показала, что эта страна стала объектом борьбы между Великобританией и набирающим силу Китаем. Появление в Лхасе представителей третьей могущественной страны могло существенно изменить дипломатический расклад сил в Центральной Азии. Для этого было вполне достаточно даже крошечной экспедиции. Ко всему прочему, представители Третьего рейха и Тибета почти моментально прониклись взаимными симпатиями.

Во время первой встречи Рединг Хутукту приветствовал участников экспедиции как первых немцев, оказавшихся в священном городе. В знак гостеприимства он передал им белые покрывала и другие подарки. В ответ Шефер произнес:

От всего сердца прошу его святейшество и господина министра принять нашу благодарность. Для нас великая честь быть первыми немцами, ставшими гостями столицы этой священной страны. Боги и

духи помогали нам во время этой длинной поездки, поскольку мы пришли как посланцы мира – в том числе и для того, чтобы изучить истинную философию великой религии в святом городе. Так как свастика означает воплощение Германии и является для нас самым священным символом, то наш визит должен пройти под девизом: «Встреча западной и восточной свастики в дружбе и миролюбии». Пусть наша великая дружба, которая возникла впервые в истории, послужит делу нашей взаимной пользы.

За формальными фразами торжественного обращения Шефера читается и желание установить тесные связи с правительством Тибета через общий символ свастики. Разумеется, наведение подобных культурных мостов было прямым вызовом Британской империи.

Эрнст Шефер почти сразу же заметил расположение регента и других высокопоставленных тибетских деятелей по отношению к его экспедиции. По возвращении в Германию он даже составил аналитическую записку на предмет политического отношения к Великобритании, Китаю и Советскому Союзу. Но Шеферу было очень сложно установить, что тибетское правительство знало о национал-социализме и о последних событиях в Европе. Он предполагал, что Тибету форсированное развитие отношений с «молодой европейской державой», соперничающей с Великобританией, могло пойти на пользу.

Во время пребывания экспедиции Шефера в Лхасе произошло немало забавных событий. В частности, регент был поражен высоким ростом светловолосого Бруно Бегера. Он просил оставить «расоведа» в Тибете, чтобы тот мог войти в его личную охрану, а в качестве «замены» предлагал послать в Берлин одного из своих монахов, который должен был проповедовать среди немцев буддизм. Получив вежливый отказ, регент не расстроился. Он повел немцев в удаленные комнаты резиденции, чтобы показать германским гостям священную реликвию – таинственный «божественный палец», который хранился под стеклом.

Однако больше всего проблем возникало с внешностью бородатых немцев. Безбородые тибетцы так и норовили вырвать волосок из их растительности. В один момент не удержался и сам регент. Как вспоминал Эрнст Шефер, «своими тонкими нежными пальцами он начал поглаживать мои волосы на запястьях». Именно после визита немецкой экспедиции Рединг Хутукту приказал доставить в Тибет из Индии средства от облысения, которые, по его мнению, должны были способствовать росту бороды.

За несколько дней до отъезда из Лхасы Шефер получил приглашение

от регента на личную аудиенцию. Визит Шефера состоялся 16 марта 1939 года. Во время встречи немец получил запечатанное письмо, которое было адресовано лично Гитлеру. К нему прилагались подарки. В переводе на русский текст письма, предназначенного Гитлеру, звучал так:

Его Величеству немецкому королю господину Гитлеру

Господин Гитлер, немецкий король, который достиг власти на обширных землях. Меня радует, что Вы здоровы, а Ваши благородные дела увенчаны успехом. Я также здоров и посвящаю себя усердным делам на пользу буддийской религии и правительства. Я не только без какой-либо задержки пустил в Тибет сахиба Шефера и его спутников, которые стали первыми немцами, посетившими нас, но был им в полном смысле этого слова другом и помощником. Я надеюсь на упрочение связей между нашими резиденциями. Я полагаю, что Ваше Величество король господин Гитлер будет единокорольным со мной и признает, насколько это важно и существенно. Посвятите Ваше здоровье насущным делам и сообщите мне о Ваших намерениях. В качестве даров в отдельном пакете посылаю Вам превосходный тибетский шелковый шарф хатаг, серебряную крышку для чашек, а также подставку вместе с бело-красной чашкой. А еще направляю вам тибетскую собаку азоб.

Отправлено Редингом Хутукту в 18-й день 1-го тибетского месяца года земляного зайца.

Несмотря на специфический азиатский протокольный стиль данного письма, из него ясно следует, что тибетское правительство хотело сближения с гитлеровской Германией. Но, с другой стороны, видно, что в Тибете почти ничего не знали о Третьем рейхе и его политическом устройстве. Если письмо было адресовано Гитлеру как королю, то регент не знал о его реальном положении во власти. Из письма также следовало, что отношения двух стран надо активизировать. Но каким путем это можно сделать, предлагалось решить германской стороне.

Есть версия о том, что сам Эрнст Шефер посчитал, что и письмо регента, и подарки были слишком «неподобающими» для того, чтобы направлять их фюреру. В итоге по его совету было составлено новое письмо, о содержании которого, увы, ничего не известно, и переданы новые подарки. Кроме всего прочего, среди них была древняя золотая монета и церемониальное облачение ламы. А собачка азоб была заменена тибетским догом.

Если говорить о курсировавших в британской прессе слухах о том, что

немецкие исследователи, направлявшиеся в Сикким и Тибет, были «в действительности делегацией Гитлера, которая должна подорвать британское владычество в Азии», то эта история имела продолжение. Сведения о подобных заявлениях поступили к Шеферу, когда он уже находился на границе с Тибетом. Тогда эта проблема волновала его мало, поскольку экспедиция направлялась на север в Лхасу. Когда же Шеферу доложили, что англичане послали специальное воинское подразделение, чтобы арестовать членов экспедиции, то он стал распространять ложные сведения о том, что из Сиккима немцы направились в Бутан.

4 августа 1939 года экспедиция Шефера направилась в Германию. За прошедшее лето немцы проехали по разным местам Тибета. Кроме прочего, они посетили древний королевский город Ялунг.

На обратном пути в Калькутту Шефер делал лишь кратковременные остановки. Слухи о грядущей войне заставляли его спешить. Обратный путь в Германию проходил по маршруту Багдад – Александрия – Афины – Белград – Вена. Согласно плану, экспедиция направила весь свой багаж на корабле по морю, а сами ее участники пересели на самолет. Они успели вылететь из Индии раньше, чем британские власти отдали приказ, запрещающий выезд из Индии всем гражданам стран «гитлеровской оси» (Германия, Италия, Япония). Багаж экспедиции прибыл в Германию много позже – лишь весной 1940 года. В нем находились не только собранные материалы, но и подарки, которые тибетское правительство направило Гитлеру.

По пути следования немецких путешественников приветствовали соотечественники. В Афинах им устроили овацию – известность экспедиции опережала ее саму. Не желая терять ни минуты, Генрих Гиммлер послал в греческую столицу специальную машину. Нечто подобное случилось в Вене и в Мюнхене. В Баварии участников экспедиции встречал рейхсфюрер лично. В его распоряжении был персональный самолет, который должен был доставить всех в Берлин.

На следующий день немецкие газеты вышли с передовицами о возвращении тибетской экспедиции. До этого газета «Народный наблюдатель» на протяжении почти восьми месяцев публиковала путевые заметки Эрнста Шефера. Другие газеты давали короткие сообщения или обзорные статьи. Но при этом ни в одной из них не говорилось о политическом значении данного предприятия. Если же сравнивать публикации, то в глаза бросаются две особенности. Во-первых, везде подчеркивалось, что экспедиция проходила под патронажем рейхсфюрера СС. Во-вторых, подробно излагался маршрут путешественников. Много

внимания уделялось азиатской экзотике, но почти ничего не говорилось о результатах самой экспедиции. В некоторых научных специализированных журналах рассказывалось о том, что в глубокой Азии удалось найти европейскую лань, но ни слова не было пропущено про расовые исследования и антропологию.

Тибетологи в «Аненербе»

Сейчас практически невозможно назвать точную дату появления в «Аненербе» Исследовательского отдела Центральной Азии и экспедиций. Многие говорят о том, что это произошло зимой 1939–1940 годов.

По крайней мере, именно в это время Эрнст Шефер начинает использовать для своих писем бланки «Аненербе». В тот момент сам Исследовательский отдел размещался в Мюнхене, по адресу Видмайерштрассе, дом № 35. В том же самом доме располагался и офис профессора Вальтера Вюста, куратора «Аненербе». Отдел располагался там несколько лет, пока в 1943 году не переехал в замок Миттерзилль в австрийском районе Пинцгау.

Главной задачей нового отдела «Аненербе» была обработка тибетских находок. Кроме того, когда отдел начал свою деятельность весной 1940 года, то его помещение использовалось для планирования очередных, в том числе военных, операций в Тибете. Когда стало ясно, что шансы на старт четвертой экспедиции уменьшились практически до нуля, Шефер стал активно заниматься делами «Наследия предков». Теперь только эта организация могла защищать его научные интересы.

Вернувшись назад в Германию, Шефер в первую очередь озаботился проблемой размещения и изучения собранного в Тибете материала. В этом ему должны были помочь его коллеги. Но поскольку продолжение научной деятельности в рамках традиционных академических структур ему казалось бесперспективным делом, то ученый решил развивать связи с СС. Именно по этой причине еще в августе 1939 года он составил на имя Генриха Гиммлера документ, в котором предлагал создать специальный Азиатский институт СС. В нем он написал, что «первая немецкая экспедиция СС по Тибету спешно закончила все полевые работы». И далее продолжал, что теперь необходимо разобрать привезенную коллекцию и проанализировать ее силами участников самой экспедиции. Шефер также сообщал:

В данный момент ни одно из существующих научных учреждений или институтов не в состоянии в полной мере обработать и осмыслить имеющийся в распоряжении материал тибетской экспедиции СС.

Таким образом Эрнст Шефер прямо указывал на новизну своих

наработок, которая не могла быть оценена традиционными академическими структурами. Профессиональное честолюбие и возможность получить свой собственный институт побудили молодого исследователя начать карьеру настоящего эсэсовца. Интересно, что «Черный орден» он воспринимал не как спецслужбу с силовым уклоном, а как образец нового творческого сообщества.

В перспективе Азиатский институт СС должен был не только заниматься обработкой материалов, но и координировать все научно-исследовательские проекты, связанные с Азией. Необходимость его формирования Эрнст Шефер обосновывал еще и тем, что у немецкого научного сообщества не было возможности посылать небольшие узкопрофильные экспедиции: нужно было навести порядок в этой сфере, в том числе и в подборе кадров.

Планы Шефера распространялись так далеко, что он уже начал прикидывать, как должен управляться институт. Опираясь на собственный опыт, почерпнутый в трех тибетских экспедициях, Шефер полагал, что данной структурой, естественно, должен руководить именно он. Поскольку молодой тибетолог не мыслил ситуации, при которой новый институт должен входить в состав каких-либо академических структур, то планировалось, что он будет подчиняться непосредственно Генриху Гиммлеру, который должен занять должность председателя попечительского совета. Последний координировал бы деятельность исследователей Азии, следя за выполнением порученных им заданий. В большинстве своем членами попечительского совета должны были стать сотрудники и руководители «Аненербе». Кроме них, предполагалось привлечь представителей немецкой экономики и крупного капитала. В итоге именно такая структура могла гарантировать, что «рассмотрение всех научных вопросов проходило бы сугубо в национал-социалистическом духе».

В целом план создания Азиатского института СС был всего лишь тестом, который должен был выявить уровень доверия рейхсфюрера к молодому ученому. Еще во время беседы на мюнхенском аэродроме Эрнст Шефер набросал Гиммлеру приблизительные планы своей будущей деятельности. Поэтому не исключено, что исследователь лишь изложил в письменной форме то, что было озвучено устно.

Азиатский институт СС должен был располагаться в Берлине, так как там находились необходимые для работы библиотеки, архивы и музеи. Кроме того, в столицу легко могли приехать любые лояльные рейху иностранцы. В самом здании института кроме стандартных помещений

должны были располагаться некие «затемненные комнаты» и специальные «теплицы», в которых можно было культивировать растения, привезенные с Востока.

Поначалу Генрих Гиммлер никак не отреагировал на предложенный план. Рейхсфюрер продолжал выказывать Эрнсту Шеферу свои симпатии и благосклонность, но не собирался обсуждать предложенный план создания Азиатского института СС. Если сравнивать проект института и возникший в рамках «Аненербе» Отдел Центральной Азии и экспедиций, то в глаза сразу бросается, что отдел был сугубо научной структурой. Очевидно, что такое «половинчатое» решение не совсем устраивало Шефера, но вскоре он понял, что, несмотря на все симпатии, рейхсфюрер не собирается давать ему какие-то особые полномочия.

И в самом «Аненербе» к Шеферу сначала относились неоднозначно. Учитывая, что до этого момента в структуре «Наследия предков» превалировали гуманитарные отделы, к тибетологу относились как к ученому с сомнительной репутацией. Но идея создания Азиатского института была все-таки поддержана. Начавшаяся война поставила гуманитарные отделы «Аненербе», чьи разработки не имели прикладного значения, в весьма невыгодное положение, а те из сотрудников, которые должны были заниматься «практическими изысканиями», напротив, оказались в фаворе. Перенаправление гуманитарных изысканий в сторону Азии оказалось своего рода палочкой-выручалочкой для тех, кто опасался подпасть под сокращение и призыв на фронт.

В декабре 1939 года Эрнст Шефер впервые встретился с Вальтером Вюстом. Во время первой же беседы Вюст предложил Шеферу занять место профессора этнографии Мюнхенского университета, которое пустовало с 1933 года после того, как на пенсию ушел престарелый преподаватель Люциан Шерман. Шефер вежливо отказался от подобного предложения. Тогда он еще мечтал о собственном институте. Но прежде чем Шефер смог попытаться реализовать свой план, ему надо было справиться с конкурентами и добиться более весомого статуса в НСДАП и СС.

Здесь нужно более подробно остановиться на фигуре Вильгельма Фильхнера – одного из самых известных немецких путешественников начала XX века. С 1900 года он принял участие в десятках экспедиций, посетив Россию, Китай, Тибет, Антарктику, Шпицберген. Все эти области интересовали его прежде всего как геофизика. В 1920-е годы Фильхнер сконцентрировал свое внимание на Тибете, который разведывал в 1903–1905 годах. Однако позже его стали интересовать геомагнитные

характеристики данного региона. Авторитет Фильхнера был настолько велик, что в 1937 году Адольф Гитлер лично вручил ему национальную премию в области науки и искусства – это значило не простое признание заслуг со стороны режима, а возвышение до ранга небожителей. В 1939 году влиятельный глава Имперской канцелярии Ганс Генрих Ламмерс предложил создать Фонд Фильхнера, который финансировал бы зарубежные поездки перспективных ученых. Официально фонд был основан 11 мая. Первым председателем фонда стал генеральный консул в Шанхае – тот самый, к которому в 1936 году за помощью обращался Эрнст Шефер.

Для понимания дальнейших событий надо упомянуть, что весной 1939 года махараджа Непала пригласил Фильхнера к себе в гости, чтобы тот мог заняться геомагнитными изысканиями в его стране. Формально махараджа был сувереном, поэтому Фильхнер даже после начала войны мог спокойно продолжать свои работы в Непале. Однако у него стали отказывать почки, и он был вынужден сдать себя британцам, чтобы пройти курс лечения. Так он оказался в лагере в Бомбее. Из-за этого Фильхнер не мог самостоятельно руководить фондом и его активами. В итоге деятельность фонда стала затухать и вовсе прекратилась. Это стало прекрасным поводом для того, чтобы целый ряд ученых, в том числе Эрнст Шефер, попытались воспользоваться средствами данной организации.

После смерти шанхайского консула в декабре 1941 года делами фонда стал управлять один из членов его попечительского совета Вальтер Гремер. Чтобы положить конец спорам между различными учеными, которые конкурировали друг с другом, он предложил учредить постоянно действующий институт, занимающийся организацией экспедиций. В мае 1942 года в персональном штабе рейхсфюрера СС прошло обсуждение нового проекта – создания Имперского института внутриазиатских исследований. К тому моменту Эрнст Шефер уже занимал ключевые позиции в правлении Фонда Фильхнера и хотел, чтобы новое учреждение получало аналогичную финансовую поддержку.

Самое примечательное: к работе Имперского института предполагалось привлечь всемирно известного шведского путешественника Свена Гедина, который лелеял планы по созданию синтетической науки, объединяющей биологические и географические исследования. Эрнст Шефер давал понять, что выступает едва ли не как преемник дела Гедина, чей авторитет в научной среде был непререкаемым.

Но тут обнаружилось, что против планов Шефера решительно настроен сам Вальтер Гремер. Он предполагал отложить решение данного

вопроса до окончания войны и возвращения Вильгельма Фильхнера из британского плена. Шефера выручило только то, что глава Имперской канцелярии был близким приятелем Гиммлера: ликвидация фонда создала бы множество проблем для Ганса Ламмерса.

Теперь можно понять суть компромиссного решения, найденного заинтересованными сторонами. Было предложено основать Германский институт исследования Центральной Азии, которым бы руководил Эрнст Шефер и который был бы обязан тесно сотрудничать с Фондом Фильхнера. При этом Шеферу не собирались отдавать всю полноту власти: свой президентский пост он делил бы с почетным президентом института Свеном Гедином.

В начале июля 1942 года сотрудничество вновь дало трещину. Шефер сам подлил масла в огонь, когда направил Ламмерсу письмо, в котором сообщил, что планы геофизика Фильхнера никак не вписывались в сферу деятельности института. Шефер хотел ввести новшества, которые должны были в перспективе стать определяющими для национал-социалистической науки, – в его институте должны были быть устранены четкие границы между различными дисциплинами:

Задача института состоит в том, чтобы выйти за рамки работ Фильхнера и Гедина. Должна появиться всеобщность исследований, чего еще никогда не было в нашей германской науке. Пожалуй, подобные попытки можно было обнаружить у великого Александра фон Гумбольдта, но сто лет назад научные дисциплины были не настолько развиты, как сейчас.

Эрнста Шефера пригласили в Имперскую канцелярию для консультаций. С ним намеревались договориться о том, что в Мюнхене будет создан Институт научных исследований Центральной Азии, не обладающий привилегиями имперского научного учреждения. Шефер понял, что перегнул палку, и согласился на уступки.

В конечном итоге ему все-таки пришлось прибегнуть к заступничеству своего шефа – после некоторых раздумий Генрих Гиммлер принял решение, что институт будет называться Имперским институтом исследований Центральной Азии имени Свена Гедина и располагать соответствующими полномочиями.

За несколько дней до официального открытия Имперского института, которое состоялось 16 января 1943 года, произошла встреча Генриха Гиммлера и Ганса Ламмерса. На ней два политика собирались снять все

возникшие вопросы. Ламмерс рекомендовал отложить открытие института, к проекту которого накопилось очень много претензий. Гиммлер «с уважением отнесся к прозвучавшей просьбе», но заявил, что это невозможно, так как Свен Гедин, который должен был присутствовать на церемонии, уже выехал из Швеции в Германию. Такую мировую величину нельзя было заставлять ждать. Единственное, что мог сделать в данной ситуации Ламмерс, так это настоять на том, чтобы институт Свена Гедина не получил статуса имперского. Гиммлер со своей стороны решил пойти на уступки, поэтому в день открытия институт назывался «исследовательским». Именно под таким названием институт и вошел в историю. Примечательно, что в приглашениях, рассылаемым знатым лицам, Шефер распорядился оставить слово «имперский», что через несколько дней вызвало большой скандал.

Эрнст Шефер достиг своей заветной цели – после многолетних усилий он получил в свое распоряжение самостоятельный научно-исследовательский институт. Но отношения с Фондом Фильхнера и дальше оставались весьма напряженными. Вся эта история показательна тем, что мелкие личные амбиции, которые вылились в споры, а затем в противостояние в очень специфической сфере деятельности, едва не привели к прямому столкновению весьма влиятельных политических фигур Третьего рейха. Формально был найден компромисс, но фактически в данной схватке победили Шефер и Гиммлер.

«Тайны Тибета»

После возвращения из третьей экспедиции Эрнст Шефер занимался не только аппаратными интригами, но и довольно необычными исследованиями. Остановимся на них поподробнее.

Среди материалов, доставленных в Германию из Тибета, находилась огромная коллекция уникальных растений и зерновых культур. По прибытии они были рассортированы и подробно описаны. В 1943 году Эрнст Шефер в обобщающем докладе ставил задачи для дальнейших опытов с тибетской флорой:

Наши устремления всегда были сопряжены с целью собрать все то, что могло быть полезно для собственного народа. Упомянувшиеся здесь полторы тысячи образцов ячменной культуры, которые по большей части являются результатом примитивной селекции, могут иметь целый ряд очень важных наследственных факторов – например, сопротивляемость засухе или устойчивость к морозам.

Таким образом, Эрнст Шефер понимал Тибет еще и как анклав растительного мира, который идеально приспособился к враждебной высокогорной среде. С точки зрения агрономии скрещивание тибетских культур с европейскими было не просто логичным, но и весьма выгодным занятием. Прививание особых свойств европейским злаковым культурам, по замыслу, должно было сделать их более неприхотливыми и повысить урожайность.

Руководство СС ожидало от Шефера появления морозоустойчивых и быстрорастущих «чудо-сортов» ячменя и пшеницы. Их культивирование позволило бы начать «германизацию» Восточной Европы, которая должна была быть застроена однотипными сельскохозяйственными поселениями. Гиммлер требовал, чтобы скрещивание различных культур позволило немецким крестьянам получать по несколько урожаев в год. Впрочем, дело было не только в колонизации Востока. Рейхсфюрер тешил себя тщеславной мыслью, что под его патронажем будет решена продовольственная проблема Германии, которой сам Адольф Гитлер придавал особое, почти мистическое значение. Именно СС должны были вывести снабжение Третьего рейха зерном на принципиально новый уровень.

Весной 1942 года Генрих Гиммлер отдал Эрнсту Шеферу как начальнику отдела «Аненербе» приказ готовиться к формированию Института сортов диких растений. Однако быстро выяснилось, что осуществить данный проект затруднительно. В те дни на работу «азиатского» отдела Шефера оказывало сильное влияние вышеописанное противостояние с руководством Фонда Фильхнера. Появление нового института грозило не меньшими проблемами, только на этот раз против эсэсовских ученых могли выступить ботаники. После длительных переговоров и консультаций было решено ограничиться организацией специального учреждения, действовавшего при Берлинском обществе кайзера Вильгельма. Новой структурой, которая гордо называлась Институтом изучения растительных культур, руководил профессор ботаники Фриц фон Веттштейн. Гиммлеру пришлось смириться с корректировкой грандиозных планов, поскольку профессор напрямую подчинялся могущественному имперскому министру продовольствия и сельского хозяйства.

Понимая, что вступать в еще один политический конфликт бесперспективно, Эрнст Шефер старался избегать конкурентных ситуаций с ботаниками. В октябре 1942 года он начал переговоры с представителями Имперского министерства сельского хозяйства, Берлинского общества кайзера Вильгельма и нового института, который должен был разместиться в Туттенхофе. Именно тогда ему ясно дали понять, что вместо института он может рассчитывать только на исследовательский отдел диких растительных культур в рамках «Аненербе». Причем упор в предстоящей работе делался опять же на восточные регионы, и приоритет отдавался Кавказу. Как на практике должно было осуществляться планируемое сотрудничество всех этих структур с «Аненербе», остается непонятным. Складывается впечатление, что его попросту не было: Шефер спокойно передал в Туттенхоф образцы собранных им зерновых культур и больше не встречался ни с фон Веттштейном, ни с представителями Министерства сельского хозяйства. Когда в конце ноября 1942 года Главное управление СС объявило, что рейхсфюрер совместно с Берлинским обществом кайзера Вильгельма планирует создать «чрезвычайно важный для всей германской экономики Институт злаковой селекции», имя Шефера даже не фигурировало в списках сотрудников. Руководителем института стал известный ботаник Хайнц Брюхер.

Другой проект Эрнста Шефера был связан с коневодством. Еще во время второй экспедиции он очень внимательно изучал живущих на воле лошадей. После начала войны с Советским Союзом тибетологу

представилась возможность попробовать себя в роли зоолога-селекционера: нужно было вывести новую породу лошадей, не восприимчивую к суровым русским зимам.

По этой теме сохранилось не очень много материалов. Большинство из них вышло из стен Института военно-научных целевых исследований, созданного при «Аненербе». Некоторые документы были адресованы Главному хозяйственно-экономическому управлению СС, которым командовал Освальд Поль. Одновременно с этим Эрнст Шефер поддерживал контакты с Рудольфом Брандтом, который помогал ему подбирать необходимых ученых и специалистов.

Опыты по селекции предпринимались в 1942–1943 годах. При этом Шефер делал ставку на монгольских лошадей и лошадей Пржевальского. Где осуществлялись работы по селекции, можно установить лишь приблизительно, но известно, что речь шла об оккупированных восточных территориях. В 1944 году, в условиях отступления немецкой армии на запад, Эрнст Шефер принял решение перевести всех лошадей на конезавод в Познани. Оттуда они должны были отправиться в Венгрию, где уже было подготовлено три специальных предприятия.

Еще одним крупным проектом Эрнста Шефера стал фильм, выпущенный по итогам третьей экспедиции. Во время путешествия Эрнст Краузе снимал почти каждый шаг на портативную кинокамеру. Сразу же после возвращения возникла идея создать из отснятых материалов (более 50 часов) документальный фильм, который способствовал бы повышению общественного интереса к Тибету.

Осенью 1939 года киноматериалы были переданы в берлинскую фирму «Тобис Фильм» на проявку и обработку. Шефер был заинтересован в быстром выходе фильма на экраны хотя бы из меркантильно-финансовых соображений, но лента предварительно должна была пройти цензуру.

Всю последующую историю создания фильма можно проследить по переписке, шедшей между Эрнстом Шефером и Рудольфом Брандтом, начальником персонального штаба рейхсфюрера СС. С самого начала им было ясно, что нет возможности сохранить работы над киноматериалами в тайне. В итоге Брандт предупредил Гельмута Шрайбера, возглавлявшего «Тобис Фильм», что не должно быть ни одного официального упоминания о киноленте до тех пор, пока рейхсфюрер СС лично не даст приказ провести премьеру. В тайне должна была сохраняться не только работа Шрайбера: в конце января 1940 года Гиммлер издал директиву, в которой требовал согласовывать с ним лично текст всех публикаций и докладов, посвященных тибетской экспедиции. В итоге во время разработки проекта

института Свена Гедина сведения о третьей тибетской экспедиции Эрнста Шефера ограничивались общими декларациями и заявлениями о ее сенсационности. Однако во всех публикациях чувствовался дефицит фактического материала. Кое-где мельком упоминалось, что участники экспедиции планируют подготовить фильм, но ни о дате, ни о приблизительном содержании никто ничего не мог сказать. Шеферу приходилось вести себя очень осторожно, так как его постоянно приглашали на различные радиопередачи, предлагали дать интервью, просили написать статью или прочитать доклад. После консультаций с Гиммлером тибетолог почти во всех этих случаях отказывался от всех заманчивых предложений.

Понятно, что такой запрет больно ударял по самолюбию ученого. Так, например, Брюссельское энциклопедическое общество весной 1940 года пригласило Эрнста Шефера сделать доклад о прошедшей экспедиции и запланированных на будущее исследованиях. Шефер тут же проинформировал рейхсфюрера СС о поступившем предложении. Несмотря на то, что не было официального запрета на чтение докладов за рубежом, Гиммлер попросил исследователя сказатьсь больным и вежливо отклонить приглашение. В итоге Рудольф Брандт передал в Брюссель следующую информацию:

К великому сожалению, в настоящее время д-р Шефер страдает тяжелой болезнью глаз, для лечения которой он направлен в мюнхенскую клинику. По данной причине подготовка доклада временно невозможна.

Для пущей правдоподобности тибетолог должен был найти какое-нибудь глазное заболевание, широко распространенное на Востоке. Даже в этой ситуации Генрих Гиммлер хотел, чтобы все выглядело реалистично. В итоге, к великому сожалению Шефера, широкая публика так и не узнала о сути его исследований. Возможно, в подобные минуты Шефер жалел, что находился под патронажем рейхсфюрера СС.

Несмотря на строжайший запрет сообщать любые сведения о готовящемся документальном фильме, весной 1940 года произошла утечка. В одной из гамбургских газет появилась заметка, в которой сообщалось, что на студии «Тобис Фильм» монтируется кинолента, посвященная тибетской экспедиции СС под руководством Эрнста Шефера. Гиммлер пришел в ярость. 12 марта 1940 года он написал Шеферу и вновь потребовал сохранять секретность.

Именно в это время готовилась масштабная военная операция в

Тибете. Сохранение в тайне факта подготовки фильма обрело военно-тактическое значение, став мерой предосторожности против действий британской разведки.

Эрнст Шефер отказался брать на себя ответственность за утечку информации. Тогда Гиммлер запретил Гельмуту Шрайберу заниматься фильмом: он опасался, что могут произойти и другие утечки. Рудольф Брандт направил в «Тобис Фильм» уведомление, что информация о тибетском фильме секретна, поэтому сотрудники кинофирмы несут ответственность за соблюдение мер предосторожности. В ответ Шрайбер не выдержал и прояснил ситуацию. Оказывается, информация в газету попала после доклада в узком кругу, который Шефер делал в Гамбурге. Тибетолог получил строгий выговор.

В июне 1940 года Эрнст Шефер направил Рудольфу Брандту первый отчет о деятельности возглавляемого им отдела «Аненербе». В нем тибетолог подробно описывал работу над фильмом, а также принципы взаимодействия его отдела с «Тобис Фильм». На тот момент в фильме отсутствовал только синхронный звук и музыкальный фон. В целом из представленного материала получался полнометражный научно-популярный фильм. Не без чувства гордости Шефер приводил слова Гельмута Шрайбера, что это «не просто хороший фильм, а достижение, лучшая немецкая лента». Также тибетолог сообщал, что кинолента будет готова к прокату в октябре 1940 года. Для начала ее демонстрации требовалось только разрешение рейхсфюрера СС. Кроме того, Шефер подчеркивал, что было бы неплохо подготовить специальную пропагандистскую статью, посвященную тибетскому фильму.

Шефер полагал, что показ фильма стимулирует волну общественного интереса к Центральной Азии, а это в свою очередь станет предпосылкой для более активного финансирования его отдела в составе «Аненербе» и поддержки других инициатив. Гельмута Шрайбера интересовала касса, которую при правильной подаче мог собрать этот фильм. Но директива, поступившая от Гиммлера, перечеркнула надежды обоих. Шеф СС в очередной раз запрещал привлекать внимание государственных органов и европейской общественности к проблемам Тибета.

После изучения отчета Брандт вновь обратил внимание Шефера на сохранение полной секретности:

Позаботьтесь, пожалуйста, о том, чтобы ни из-под Вашего пера, ни из-под пера какого-либо участника Вашей экспедиции не появлялись статьи и материалы, которые не были бы согласованы с рейхсфюрером

СС. Рейхсфюрер СС считает недопустимым, чтобы наши враги смогли установить связь между путешествием д-ра Шефера в Тибет и возможностью повторения экспедиции в данный регион с военными целями. По этой причине фильм не может появиться в ближайшее время в прокате. <...> Как только рейхсфюрер посчитает, что пришло время, он тут же воспользуется Вашими предложениями насчет организации рекламы фильма. До этого момента Вы не должны распространяться о киноленте ни среди знакомых, ни среди работников газет. <...> Рейхсфюрер с нетерпением ждет закрытого кинопоказа, который вы должны провести для него после монтажа ленты.

Такой «закрытый кинопоказ» действительно состоялся. 10 июня 1942 года подготовленный материал был продемонстрирован рейхсфюреру в кругу его близких друзей. Забавный факт – демонстрация проходила в священном для эсэсовцев замке Кведлинбург, где якобы захоронены останки Генриха I Птицелова. А ведь мы помним, что Генрих Гиммлер считал себя реинкарнацией этого германского короля.

Кинолента «Тайны Тибета» все-таки стала событием, но много позже, когда прошла через Центр научно-популярных фильмов Имперского министерства пропаганды. В декабре 1942 года министр Йозеф Геббельс первым ознакомился со 105-минутной прокатной версией фильма и дал ему очень высокую оценку. Премьера должна была состояться 16 января 1943 года, в присутствии Свена Гедина, прибывающего на открытие института его имени.

Один из сотрудников «Аненербе», работавший в отделе Шефера, делился с другом своими впечатлениями:

Фильм произвел фурор не меньший, чем сама экспедиция Шефера. Лента великолепная, в некоторых местах я задыхался от восторга. Понятно, почему по политическим причинам его до сих пор не показывали широкой публике. В связи с открытием Института исследования Азии этот фильм был впервые официально продемонстрирован. Я воспринимал его не как научно-популярный, а как полнометражный художественный фильм. Высокие зарубежные гости также пребывают под впечатлением. Все чувствовали Свена Гедина. Затем в министерстве пропаганды была дана большая пресс-конференция для зарубежной прессы. Вскоре стартует широко задуманная рекламная кампания фильма. Почти во всех газетах появляются фоторепортажи или прошлые сообщения экспедиции. Все газеты, даже бульварные листки, пишут о Тибете.

Действительно, о фильме много писали в немецких газетах. При этом нередко появлялись перепечатки прошлых очерков Эрнста Шефера, в которых он рассказывал о культурной и повседневной жизни Тибета. Всего вышло около трехсот статей, не считая мелких заметок, о фильме «Тайны Тибета», но ни в одной из них даже не упоминался Отдел Центральной Азии и экспедиций, не говоря уже об «Аненербе».

Шефер и сам подключился к рекламе фильма. Он придавал большое значение тому, чтобы его имя и имена участников тибетской экспедиции как можно чаще появлялись на страницах газет. Получив разрешение Гимmlера, Шеффер составил подробный план того, как, по его мнению, надо организовать прокат фильма. В частности, перечислял города, в которых накануне показа киноленты он должен выступить с короткими докладами. В некоторых случаях его могли подменять другие участники тибетской экспедиции. Премьера фильма в столицах германских земель «должна была проводиться при тесном взаимодействии со всеми структурами СС». Шефер постоянно акцентировал внимание на «политико-пропагандистском значении фильма», что должно было способствовать покрытию финансовых издержек его отдела в «Аненербе». Но в первую очередь он хотел, чтобы «Тайны Тибета» были показаны в городах, являвшихся университетскими центрами.

Как и ожидалось, появления фильма на широких экранах значительно способствовало росту интереса немецкого общества к Тибету. Германской публике впервые предлагалось самой увидеть подлинные кадры из жизни страны, затерянной в горах где-то между Индией и Китаем. А в силу того, что выход фильма «Тайны Тибета» совпал со Сталинградской битвой, он выполнял еще и немалую психотерапевтическую функцию: национал-социалистической пропаганде требовался повод, чтобы еще раз утвердить достижения «славных германцев». И пусть в данном случае то были не солдаты, а ученые – в ситуации надвигающейся общенациональной катастрофы разница между ними не имела существенного значения.

Глава 5

Древнее знание

Нацистская техномагия

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с вторжения немецких войск в Польшу. Эта война виделась Адольфу Гитлеру и его соратникам серией блестящих побед – блицкригов, по окончании которых он поставит на колени европейские державы и Советский Союз. Однако лидеры Третьего рейха просчитались. Великобритания, которая по замыслу должна была стать союзником Германии, продолжала войну, оставаясь постоянной угрозой на суше и на море. А нападение на СССР стало началом конца национал-социалистического государства.

После провала наступления под Москвой выяснилось, что сельское хозяйство и промышленность Третьего рейха в принципе не готовы к ведению продолжительных боевых действий. В 1941 году значительная часть вермахта представляла собой обычную пехоту; немецкий транспорт был преимущественно на конной тяге – соответственно, мобильность такой армии была весьма ограниченной. К началу войны Красная армия имела огромное преимущество в вооружении: семь к одному в танках, четыре к одному в самолетах. Другой вопрос, что советские войска оказались совершенно не готовы к ведению оборонительной войны. Но в любом случае хвастливое заявление Адольфа Гитлера от 14 июля 1941 года о том, что война на Востоке завершилась полной победой, было преждевременным.

Не дождавшись предложений о перемирии, немецкое руководство к ужасу своему обнаружило, что война будет жестокой и затяжной. Вермахт был в состоянии выиграть локальный европейский блицкриг, однако победить в тотальной войне на два фронта могла только страна, мобилизовавшая все ресурсы. Но именно ресурсов Третьему рейху и не хватало. Согласно исторической статистике, суммарные ресурсы союзников по антигитлеровской коалиции уже в 1941 году вдвое превышали германские, а вскоре преимущество утроилось! С момента вступления частей вермахта на советскую территорию Третий рейх был обречен на поражение, но Адольф Гитлер, ослепленный верой в собственную исключительность и в свою «высокую миссию», не сумел разглядеть очевидного.

К осени 1942 года, когда перевод экономики на военные рельсы стал неизбежным, немецкая пропаганда всюду растиражировала миф о «качественном превосходстве». Мол, если Красная армия делает ставку на

количество плохо вооруженных солдат, то мы, немцы, победим качеством нашего вооружения. И это, заметим, после того, как вермахт столкнулся с танками «Т-34» и реактивными минометами «БМ-13» (катюша). Неужели Гитлер всерьез рассчитывал, что его противники не будут развиваться, совершенствуя собственные виды оружия?.. Так или иначе, но именно в тот период начались первые разговоры о «чудо-оружии», которое спасет рейх и немцев от разгрома, враз уничтожив всех врагов. Данная тема заслуживает внимания, ведь идея «качественного превосходства» немецкого оружия произрастает из того же набора антинаучных теорий, откуда выросла вся мифология «высшей расы».

Концепция «чудо-оружия» завораживала воображение немцев задолго до прихода Гитлера к власти. Реваншистские настроения проявляли себя в самых разных сферах. В моду вошли «романы о будущем», в которых описывалось, как гениальный немецкий инженер изобретает технологию «двойного назначения» и применяет ее против врагов Германии, возвращая своей стране былое величие.

Вот, например, роман Пауля Тиме «Полет к Солнцу» (1926). Он рассказывает о том, как немецкий инженер открывает метод, позволяющий уменьшать вес тел с помощью сильного магнитного поля. Кроме того, тот же инженер изобрел некие «лучи», парализующие работу магнето. В результате Германия получает явное военное преимущество перед другими европейскими державами, отменяет Версальский договор, обретая господство над врагами.

Вот роман Карла Августа фон Лаффета «Мировой пожар» (1926). Действие отнесено в будущее – на тридцать лет вперед. Земным шаром правит Комиссия Лиги мира, в которой заседают представители всех государств, кроме большевистской России, сохранившей свою независимость в пределах Дальнего Востока. Лига мира построила и разместила на орбите так называемую Эфирную станцию. Там живут инженеры, управляющие громадными зеркалами и посылающие отраженный солнечный свет в различные районы, воздействуя таким способом на климат. Сообщение между Эфирной станцией и Землей поддерживается при помощи космических кораблей. Один из таких кораблей, совершивший вынужденную посадку возле Хабаровска, был захвачен диктатором – большевиком Колуминым. Он заставляет командира корабля Вестеркампа, немца по национальности, починить корабль и построить второй такой же. Диктатор лелеет зловещий замысел полететь на Эфирную станцию, чтобы овладеть ею и захватить власть над Землей. Полет состоялся, но попытка захвата станции не удалась, и большевики

попали в плен. В это время астрономы предсказали близкое извержение на Солнце, которое будет настолько сильным, что вся средняя полоса земного шара, за исключением полярной области, будет охвачена пожаром. И действительно, мировой пожар вскоре начинается. В огне гибнут миллионы людей. Несколько лучше обстоит дело в Европе, и в особенности в Германии, которая при помощи Эфирной станции прикрывается слоем облаков. Наконец пожар заканчивается, Вестеркампф овладевает станцией, и Германия благодаря его решительным действиям становится во главе Лиги мира.

Подобные романы писали и другие фантасты: Отфрид Ганштейн, Бруно Бюргель, Отто Гейль, Ганс Доминик, Рудольф Дауманн, Фредер ван Хольк, Фредерик Фрекса, Ганс Рихтер, Вальтер Кегель. Книги некоторых из них (например, Ганса Доминика) расходились миллионными тиражами. Весьма примечательно, что во многих немецких утопических романах того периода наряду с «гениальными» немецкими инженерами действуют «высшие существа»: либо возрожденные атланты, либо особая порода сверхлюдей, либо пришельцы с других планет. Кроме того, зачастую инженеры из романов используют какие-то особые силы («икс-лучи»), пока еще не известные человечеству, что указывает на связь научной фантастики Германии с европейским оккультизмом XIX века. Таким образом, немецкая фантастика стала предвестницей «техномагии» – сплава новейших технических средств и оккультных практик.

Современные историки обычно связывают понятие «чудо-оружия» (или «оружия возмездия») с атомным проектом, который вел нобелевский лауреат Вернер Гейзенберг. Однако факты свидетельствуют об обратном. Во-первых, Гейзенберг никогда не работал над бомбой, создавая так называемую урановую машину (прототип атомного энергетического реактора). Во-вторых, руководители Третьего рейха явно недооценивали перспективы, которые открывает цепная реакция распада атомных ядер. Не сохранилось даже каких-либо внятных высказываний Адольфа Гитлера по этому поводу. 23 июля 1942 года Альберт Шпеер, рейхсминистр вооружений и военной промышленности, записал в дневнике: «Фюреру вкратце доложено о совещании по поводу расщепления атома и об оказываемой нами поддержке». И это все! Что касается Генриха Гимmlера, тот уверенно заявлял, будто бы атомная физика никогда не создаст оружия, и даже не хотел обсуждать эту тему. В-третьих, в Германии не было достаточного количества «ингредиентов», чтобы «сварить» атомную бомбу. Норвежский завод по производству тяжелой воды не обеспечивал даже экспериментальную программу. Металлический уран, несмотря на его

высокое качество, был в еще большем дефиците – чтобы его достать, немецкие физики пускались во все тяжкие.

Собственно, в сознании самих немцев понятие «оружия возмездия» было связано с тактикой использования тяжелых ракет дальнего действия, которая, казалось, имеет сплошные плюсы. Ракеты несли достаточно мощный по меркам того времени боевой заряд. Ракеты позволяли избежать потерь летного состава. Ракеты были неотразимы для средств противовоздушной обороны противника.

В то же время «оружие возмездия» стало одним из главных козырей немецких пропагандистов. Начиная с весны 1943 года пресса и радио неумолчно трубили о «секретном оружии фюрера», которое изменит ход войны и принесет Германии победу. Только в 1943 году Адольф Гитлер в своих речах трижды говорил о «новом неотразимом оружии». Йозеф Геббельс в это время в ряде своих выступлений тоже восхвалял «секретное оружие» фюрера:

Наступательное оружие, которое мы применим, будет совершенно нового типа. От него не спасет никакая оборона, никакая тревога. Здесь не поможет ни зенитная артиллерия, ни сирена. <...> Я даже не могу себе представить страшного морального воздействия таких ударов.

Упомянутым «секретным наступательным оружием» были два летательных аппарата. Первый из них, известный под обозначением «Фау-1», – самолет-снаряд «Fi-103» конструкции Фрица Глоссау с пульсирующим воздушно-реактивным двигателем – мог доставить тонну взрывчатки на расстояние свыше двухсот километров. Второй, известный под обозначением «Фау-2», – тяжелая баллистическая ракета «А-4» конструкции Вернера фон Брауна – был способен забросить ту же тонну на расстояние свыше трехсот километров.

Особое впечатление на Гитлера произвели именно тяжелые ракеты «Фау-2». Да и стоит ли удивляться? Зрелище огромной стальной колонны, поднимающейся в небо на столбе огня, стремительно вырывающегося из дюзы двигателя, впечатлит кого угодно. А фюрер с его богатым воображением и языческим мировоззрением был вообще падок на подобного рода эффекты. Где-то в глубине души он был и оставался примитивным огнепоклонником – человеком, не понимающим природы огня и приписывающим ему божественные качества. Кстати, создатели ракет догадывались об этом, а потому старались выставить свою работу в соответствующем свете. В архивах сохранился эскиз двигателя «Фау-2», на

котором изображена свастика – неведомый нацистский инженер нарисовал ее прямо в камере сгорания, подчеркнув тем самым связь между мощью древнего эзотерического символа и процессами горения немецкого спирта в немецком жидком кислороде. Чем не «техномагия»?..

Гитлеру даже не потребовалось присутствовать при запуске ракет – хватило рекламного фильма, снятого сотрудниками Вернера фон Брауна и показанного 7 июля 1943 года в ставке «Волчье логово» под прусским городом Растенбургом. Вернувшись в свой бункер, фюрер нацистов упивался перспективами, которые, как ему казалось, теперь открывались перед ним. Он отдал приказ – «уравнять по категории срочности „А-4“ с производством танков».

В тот день Адольф Гитлер совершил серьезнейший стратегический просчет. Далеко не первый, но в условиях близящегося военного краха – роковой. Тяжелые баллистические ракеты, без сомнения, были оружием будущего, только вот Германия в условиях тотальной войны на два фронта не успевала довести их конструкцию до ума: требовались совершенно иные денежные вливания, а главное – время и еще раз время. Куда разумнее было бы направить средства и специалистов на создание противовоздушной обороны. Впоследствии это признавали и сами нацисты. Альберт Шпеер писал в мемуарах:

Абсурдной была сама идея противопоставить бомбардировочной авиации образца 1944 г., которая на протяжении многих месяцев (в среднем по 4100 вылетов в месяц) ежедневно сбрасывала с четырехмоторных бомбардировщиков три тысячи тонн взрывчатки на Германию, ракетные залпы, которые могли бы доставлять в Англию 24 тонны взрывчатки, то есть бомбовый груз налета всего шести «летающих крепостей». И нарекать это Возмездием! Это, по-видимому, была моя самая тяжелая ошибка за время руководства немецкой военной промышленностью – я не только согласился с этим решением Гитлера, но и одобрил его. И это – вместо того, чтобы сконцентрировать наши усилия на создании оборонительной ракеты земля – воздух. <...> Но для этого на ее доводке нужно было бы сосредоточить все таланты техников и ученых ракетного центра в Пенемюнде под руководством Вернера фон Брауна. <...> Я и сегодня полагаю, что ракеты в комбинации с реактивными истребителями могли бы с начала 1944 г. сорвать воздушное наступление западных союзников на нашу промышленность. Вместо этого огромные средства были затрачены на разработку и производство ракет дальнего действия, которые осенью 1944 г., когда дошло дело до их

боевого применения, оказались почти полной неудачей. Наш самый дорогой проект оказался и самым бессмысленным. Предмет нашей гордости... обернулся всего лишь растратой сил и средств. Помимо всего прочего, он явился одной из причин того, что мы проиграли и оборонительную воздушную войну...

Добавить к этому нечего. Не было в истории случая, чтобы «чудо-оружие» меняло ход войны, перевесив мужество солдат и искусство офицеров. Адольф Гитлер совершил ошибку, поверив в миф о «качественном превосходстве». А за ошибки всегда приходится платить.

Гуманитарный фронт

Примерно на том же уровне велись разработки «чудо-оружия» в отделах «Аненербе». С началом войны исследовательский институт СС оказался в сложном положении. Ведь очевидно, что армии не нужны «гуманитарии» (разве только в виде рядовых солдат), зато очень нужны инженеры, которые могут создавать новые виды оружия или совершенствовать старые. В «Аненербе», занимавшемся преимущественно историей, археологией, лингвистикой, символикой, геральдикой и эзотерикой, таковых не было.

Однако авантюристы из числа сотрудников этой организации никогда не добились бы того положения в обществе, которое они занимали, если бы не умели подать себя в выгодном свете. В «Аненербе» была принята программа «Военного использования гуманитарных наук». Идея состояла в том, чтобы способствовать борьбе с «духовными ценностями противника». Под этим соусом «Аненербе» удалось выбить дополнительное финансирование и даже учредить новые отделы.

Один из таких отделов возглавил музыковед Антон Квельмальц. В свое время он был сотрудником Берлинского государственного института немецких музыкальных исследований. После того как Квельмальца назначили в аппарат имперского комиссара по укреплению немецкого народа, Вальтер Вюст сделал ему предложение поработать на «Аненербе». В 1942 году Вольфрам Зиверс начал зондировать почву: можно ли сделать музыкальные исследования задачей военной политики. В июне 1943 года он еще раз подчеркнул значимость музыкальных исследований Квельмальца. Отдел народной музыки должен выполнять программу, утвержденную лично Генрихом Гиммлером. В ней Зиверс особо выделял следующие два пункта: обработка материалов, доставленных с оккупированных территорий, и формирование фонотеки народных мелодий. В том же 1943 году Квельмальц был провозглашен начальником нового отдела «Аненербе», а его группа по изучению индогерманской культурной истории была включена в деятельность программы «Военного использования гуманитарных наук». Годовой бюджет нового отдела составлял 20 тысяч рейхсмарок.

Осенью 1942 года Вальтер Вюст создал еще одну структуру – Отдел прикладной лингвистической социологии. Ее сотрудникам вменялось в обязанность планировать практические мероприятия в сфере «новой

народной политики». Итогом работы стала программа создания тайных политико-лингвистических управлений. Начальником отдела был назначен человек, известный в определенных кругах под несколькими именами. Сам он с 1930 года именовал себя Георгом Шмидтом-Рором. Этот ветеран Первой мировой войны был одержим идеей коренного переустройства мира. Вместе со своим однополчанином в 1917 году он написал научно-пропагандистскую работу, предназначенную для населения русских оккупированных территорий. Работа называлась «Что надо делать, чтобы предотвратить наступающую революцию?». В ней начинающий автор предполагал использовать в политических целях лингвистику. В 1920-х годах Георг Шмидт-Рор принимал активное участие в деятельности Прусского министерства по делам образования и религии. В 1932 году опубликовал монографию «Язык как изобразительное средство нации». Книга подверглась ожесточенной критике со стороны нацистов. Почти десять лет языковед жил в неизвестности, и в этой связи шаг, который предпринял Генрих Гиммлер, назначив в 1943 году его начальником нового отдела «Аненербе», более чем удивителен.

До сегодняшнего дня дошло всего несколько документов, посвященных деятельности Отдела прикладной лингвистической социологии. Сотрудники отдела утверждали, что язык и письменность являются не менее эффективным оружием, чем танки и пушки, – просто воздействие этих факторов не столь явно. Немецкий язык представлялся им важным средством укрепления Третьего рейха, который должен был включить в свой состав всю Европу вплоть до Волги. Немецкий язык в таком случае мог выступать средством коммуникации между представителями различных национальностей, живущих в рейхе. Именно этот язык связывал воедино добровольцев из Голландии, Латвии, с Украины, способствуя формированию нового европейского пространства. Кроме того, использование немецкого языка на оккупированных территориях как основного средства общения должно было подорвать сопротивление недовольных. Если обратиться к болезненному для нас примеру лингвистической политики нацистов в Советском Союзе, то Шмидт-Рор предлагал ряд мер, начиная от выработки специального германизированного шрифта и заканчивая установлением специфической языковой морфологии. А вот, например, английскому языку предполагалось объявить тотальную войну на уничтожение. Победа в лингвистической войне, по мнению Шмидта-Рора, должна была способствовать закату Британской империи. Руководство этим глобальным процессом онемечивания языков предполагалось поручить вышеупомянутым

политико-лингвистическим управлениям. В их недрах должна была разрабатываться тактика «лингвистических боев».

Несмотря на желание Вольфрама Зиверса сохранить довоенные кадры и проекты «Аненербе», ему все чаще приходилось идти на уступки руководству СС, отдавая предпочтение практическим исследованиям и отодвигая на задний план чисто теоретические разработки. Но именно «практика» впоследствии привела Зиверса на виселицу.

В годы Второй мировой войны сотрудники «Аненербе» получили возможность более досконально подойти к изучению вопроса превосходства арийской расы над всеми остальными. Как мы помним, Генрих Гиммлер всегда проявлял повышенный интерес к этой проблематике и надеялся внедрить в жизнь методики по селективному улучшению немецкой расы. «Аненербе» служило одним из инструментов достижения этой цели. Например, там изучались так называемые палеолитические венеры – примитивные и довольно уродливые скульптурки, изваянные еще в первобытные времена. Ознакомившись с их изображениями, Гиммлер выдвинул гипотезу, что поскольку у различных народов существовал схожий «идеал женщины», то наверняка между первобытными племенами наличествовала культурная связь. При этом рейхсфюрер СС поручил «Аненербе» создать карту, где были бы обозначены места находок венер. Им двигал вовсе не археологический интерес – обнаружив схожие изделия у ряда африканских племен, Гиммлер хотел доказать, что негроидные расы не всегда обитали на черном континенте, а были вытеснены из Европы климатическими изменениями и нашествием нордических арийцев. Рейхсфюрер настолько увлекся этой идеей, что даже полагал, будто бы появление его палеофантастической теории станет вехой в истории антропологических исследований.

Комментарии ученых из «Аненербе» оказались более сдержанными. Отто Хут сообщил, что фигурки венер являются идеализированным, а не натуралистическим отражением представлений первобытных художников о человеке, а стало быть, не могут считаться доказательством того, что их изготавливали именно представители африканских народов. Впрочем, чтобы хоть как-то поддержать идею Гиммлера, он добавлял, что в период неолита могло существовать некое культурное родство между племенами Юго-Восточной Европы и племенами Передней Азии. Вальтер Вюст в январе 1942 года пошел на банальную отписку, в которой информировал любимого руководителя, что, поскольку в годы войны проводить полевые работы в Африке невозможно, он предпочел бы заняться этим вопросом после ее окончания. В качестве альтернативы Вюст предложил проводить в

лагерях для военнопленных антропологические исследования, которые могли бы подтвердить подлинность гипотезы Гиммлера.

Единственным, кто сумел вселить в Гиммлера надежду, стал хорошо знакомый нам по истории тибетской экспедиции антрополог Бруно Бергер. Он не только согласился с тем, что фигурки венер необходимо использовать для воссоздания подлинной картины Древнего мира, но и установил на основании их изучения родственные связи между евреями и африканскими племенами! «Среди евреек часто встречается сильное развитие ягодичной мышцы, что напоминает нам телесную конституцию готтентотов и бушменов, – писал Бегер. – Можно предположить, что, кроме восточной и переднеазиатской расы, в евреях отразились и негроиды». Бегер не ограничивался теоретическими выводами – он настаивал на изучении телесного сложения евреек, которые находились в концентрационных лагерях и гетто.

В 1942 году берлинским профессором Вольфгангом Абелем был разработан «Поступательный план нейтрализации русской расы». Согласно этому плану, население северной части Советского Союза предполагалось германизировать, а остальных выселить в Сибирь. В 1943 году доработкой плана должен был заняться Бруно Бегер. Вольфрам Зиверс поддержал проект. Фактически Бегер принимал на себя ответственность за формулирование принципов, согласно которым будет проводиться сортировка населения оккупированных территорий – то есть кому из жителей Советского Союза предстоит покинуть родные места, кому стать рабом, а кому умереть.

6 июня 1943 года Бруно Бегер отправился в концлагерь Аушвиц, чтобы лично осуществить антропологические замеры. Воспользовавшись случаем, он занялся там изучением советских азиатов, которых почему-то называл «монголами». Через год эта деятельность была продолжена в женском концлагере Хефтлинг и в азиатских формированиях СС. Кроме того, Вольфрам Зиверс поручил Бегеру заняться «заготовкой еврейских черепов для проведения антропологических исследований».

Главный антрополог «Аненербе» сам мараться не стал, а нашел для этого дела профессионального анатома – профессора Августа Хирта из Страсбургского университета. Документы свидетельствуют, что этот ветеран Национал-социалистической партии не знал жалости даже к себе самому. Начав карьеру с разработки противоядия от иприта, он экспериментировал на собаках и на себе, в результате чего оказался в госпитале с тяжелым кровоизлиянием в легкие. Впоследствии он начал проводить опыты над узниками концлагерей, многие из которых затем

ослепли или умерли. Для сбора черепов Хирт поддерживал тесные контакты с «поставщиком сырья» – Йозефом Крамером, комендантом концлагеря Бельзен, получившим за крайне жестокое отношение к заключенным прозвище «бельзенский зверь».

Но профессор Август Хирт не мог удовлетвориться только набором черепов. В его планы входило создание огромной антропологической коллекции, которая включала бы скелеты или целые тела представителей всех существующих рас.

«Коллекция» останков умерщвленных нацистскими антропологами людей была обнаружена осенью 1944 года, когда части французской 2-й бронетанковой дивизии, действовавшей в составе американской 7-й армии, вошли в Страсбург.

«Аненербе» занималось и «медицинскими опытами». В этой области специализировался мюнхенский хирург Зигмунд Рашер. Он изучал экстремальные состояния человеческого организма. В частности, проводил опыты по влиянию больших высот на организм, для чего помещал испытуемых в декомпрессионную камеру. Из агрегата выкачивался воздух, моделировались условия отсутствия кислорода и низкое давление, характерные для больших высот. После этого доктор Рашер приступал к наблюдениям:

Третий опыт проводился в условиях отсутствия кислорода, соответствующих высоте 8820 м. Испытуемым был еврей 37 лет в хорошем физическом состоянии. Дыхание продолжалось в течение 30 минут. Через четыре минуты после начала испытуемый стал покрываться потом и крутить головой. Пять минут спустя появились спазмы; между шестой и десятой минутами увеличилась частота дыхания, испытуемый стал терять сознание. С одиннадцатой по тридцатую минуту дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту и полностью прекратилось к концу срока испытания. <...> Спустя полчаса после прекращения дыхания началось вскрытие.

Около двухсот заключенных были подвергнуты подобным опытам, прежде чем Зигмунд Рашер завершил их. Из этого числа, как стало известно после войны, около 80 погибли на месте; остальных ликвидировали позднее. Программа «исследований» была признана выполненной, когда в мае 1942 года фельдмаршал Эрхард Мильх из люфтваффе передал Гиммлеру благодарность Германа Геринга за «новаторские эксперименты» доктора Рашера.

На следующем этапе исследований Зигмунд Рашер приступил к опытам по «замораживанию». Новая программа должна была ответить на вопросы: какой холод и в течение какого отрезка времени способен выдержать человек, прежде чем умрет; какой способ обогрева является лучшим для живого человека. При замораживании использовались два способа: либо человека помещали в резервуар с ледяной водой, либо оставляли обнаженным на снегу ночью в зимнее время. Рашер посылал многочисленные доклады Гиммлеру о своих «экспериментах по замораживанию и отогреву».

Таблица, приложенная к одному из отчетов Зигмунда Рашера, составлена на основе шести «фатальных» случаев и отражает температуру воды, температуру тела при извлечении из воды, температуру тела в момент смерти, продолжительность пребывания в воде и время, прошедшее до наступления смерти. Самый крепкий человек оказался способен пробыть в ледяной воде в течение ста минут, самый слабый – в течение пятидесяти трех.

Вальтер Нефф, лагерный узник, служивший санитаром при докторе Рашере, впоследствии дал показания, в которых описал один из опытов по переохлаждению человека в ледяной воде – пример настоящего мученичества, напоминающий подвиги первых христиан:

Это был самый худший из всех экспериментов, которые когда-либо проводились. Из тюремного барака привели двух русских офицеров. Рашер приказал раздеть их и сунуть в чан с ледяной водой. Хотя обычно испытуемые теряли сознание уже через шестьдесят минут, оба русских находились в полном сознании и по прошествии двух с половиной часов. Все просьбы к Рашеру усыпить их были тщетны. Примерно к концу третьего часа один из русских сказал другому: «Товарищ, скажи офицеру, чтобы пристрелил нас». Другой ответил, что он не ждет пощады «от этой фашистской собаки». Оба пожали друг другу руки со словами «Прощай, товарищ». <...> Эти слова были переведены Рашеру молодым поляком, хотя и в несколько иной форме. Рашер вышел в свой кабинет. Молодой поляк хотел было тут же усыпить хлороформом двух мучеников, но Рашер вскоре вернулся и, выхватив пистолет, пригрозил нам. <...> Опыт продолжался не менее пяти часов, прежде чем наступила смерть.

Однако немецких моряков и летчиков, ради пользы которых проводились эти исследования, необходимо было спасти после того, как они делали вынужденную посадку в водах Северного Ледовитого океана

или приземлялись на скованных морозом просторах Заполярной Норвегии, Финляндии и Советского Союза. И в концлагере Дахау доктор Рашер приступил к «экспериментам по отогреву». Он желал знать, каков наилучший метод отогрева замерзшего человека и каковы соответственно возможности по спасению его жизни.

Генрих Гиммлер проявлял к новой серии экспериментов большой интерес и дважды предложил Зигмунду Рашеру разобраться с «животным потенциалом душевного тепла». Направление опытов изменилось. Замораживаемых стали отогревать теплом обнаженных женских тел. Рашер писал позднее в отчете, что «душевное тепло» менее эффективно, чем горячая ванна, за исключением тех случаев, когда имел место сексуальный контакт. По показаниям свидетелей, в целом на 300 заключенных было проведено около 400 экспериментов по «замораживанию». В ходе опытов умерло от 80 до 90 человек. Остальных, за немногим исключением, уничтожили позднее.

Таковы были плоды «духовных поисков» нацистов.

Послесловие

Тень свастики

В 1940 году шотландский журналист Льюис Спенс, получивший известность своими изысканиями в области мистики и магических наук, опубликовал памфлет «Оккультные причины войны», в котором открыто озвучил то, о чем европейцы шептались на протяжении многих лет. Он заявил, что нацистская Германия – это порождение сатанинских сил, знаменующее приход «темной эпохи».

Шотландец не был, как можно подумать, сотрудником пропагандистского департамента союзников по антигитлеровской коалиции. Но он был убежден, что социально-экономические факторы, развитие национализма и сила личности Адольфа Гитлера сами по себе не могли привести к возвышению новой империи. Спенс нервно писал:

Фюрер является просто инструментом, марионеткой во власти сил, которые на протяжении многих веков использовали диктаторов для достижения своих целей – установления мирового хаоса и, наконец, уничтожения человечества.

Журналист напоминал о том, что практически все европейские революции начинались с отрицания ценностей христианства. Но при этом должна существовать некая высшая сила, которая оказывала огромное влияние на Германию в период между двумя войнами:

«Посмотрите на новое языческое движение в Германии. Его сатанинское происхождение не вызывает ни малейших сомнений. Замена христианского креста свастикой, отвержение церковных обрядов и замена их на ритуалы... преследование христианских священников и разрушение церквей, становление язычества, поклонение древним идолам, обучение молодежи мифам вместо заповедей. <...> Все это говорит о том, что Германия обратилась в то язычество, которое сатана считает самым удобным для разрушения и уничтожения христианской веры.

Льюис Спенс и другие писатели, разделявшие его веру в вековечную борьбу божественных и сатанинских сил за души людей, не уставали

твердить о том, что в Германии пустила корни черная магия. И все же не существует никаких серьезных документальных доказательств того, что Адольф Гитлер или члены его ближайшего окружения практиковали магию или оккультизм. Не существует и доказательств, которые подтвердили бы многочисленные теории криптоисториков, полагающих, что нацисты были слепым орудием в руках каких-то темных сил.

Да, Генрих Гиммлер и его подчиненные создали из охранных отрядов партии рыцарский «Черный орден», организовывали экспедиции в Тибет и другие предполагаемые центры концентрации «высших сил», консультировались у магов и «народных мыслителей», собирали священные реликвии и планировали восстановить артефакты исчезнувших цивилизаций, искали доступ к тайному знанию и сверхъестественным способностям. Но это было лишь продолжение их собственных низменных склонностей, выражавшееся в том числе и во внутреннем подавлении человечности. Больше того, в этот процесс они вовлекали других, делая их соучастниками. Ужасные злодеяния совершались простыми людьми, мужчинами и женщинами, которые потеряли голову от вседозволенности. И такое стало возможным, потому что лидеры-нацисты и подчинившиеся им народы поставили себя выше Добра и Зла.

Адольф Гитлер не был ни магом, ни мессией. С точки зрения тех доктрин и теорий, которые стали популярны в Третьем рейхе, он был типичным «недочеловеком» – низким и мелким, с деформацией психики, с неразвитой личностью, который позволял своим инстинктам управлять собой. Немецкие нацисты сумели пробудить «демоническую» часть человеческой природы, потому что это позволяло им наиболее быстро добиваться желаемых результатов. Не сатанинское вмешательство направило Германию по пути саморазрушения, а воля ее лидеров, наложенная на слабоволие народа.

Опытные эзотерики утверждают, что каждый человек имеет возможность создавать свой собственный рай или ад еще при земной жизни. Адольф Гитлер и его соратники выбрали ад и доказали, что зло создается собственными руками.

К сожалению, сегодня хватает людей, которых продолжает привлекать созданное нацистами зло. И до тех пор, пока мы не научимся изгонять гитлеров из собственных душ, над миром будет витать тень свастики.

Библиография

Багдасаров Р. Свастика: Священный символ (Этнорелигиоведческие очерки). М.: Белые Альвы, 2001.

Бачо Я. Нацизм: От триумфа до эшафота. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха (1940–1945). Смоленск: Русич, 2001.

Бреннан Д. Оккультный рейх. СПб.: БалтКнига, 2004.

Бросчат М. Тысячелетний рейх. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Брюханов В. Происхождение и юные годы Адольфа Гитлера. М.: КМК, 2008.

Бульвер-Литтон Э. Грядущая раса (Фантастический роман). СПб.: Типография Ю. Эрлиха, 1891.

Васильченко А. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: РИПОЛ классик, 2005.

Васильченко А. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-Пресс, 2008.

Васильченко А. Гиммлер. Инквизитор в пенсне. М.: Вече, 2011.

Васильченко А. Мистика СС. М.: Яуза, 2005.

Васильченко А. Новые тамплиеры. Духовники «черного ордена». М.: Вече, 2014.

Васильченко А. Оккультный миф Третьего рейха. М.: Яуза-Пресс, 2008.

Васильченко А. Придворный маг Гиммлера. М.: Вече, 2010.

Васильченко А. Стоунхендж Третьего рейха. М.: Вече, 2010.

Васильченко А. Тайны черных замков СС. М.: Вече, 2010.

Васильченко А. Тайные общества Третьего рейха. М.: Вече, 2013.

Васильченко А. Тибетская экспедиция СС. Правда о тайном немецком проекте. М.: Вече, 2009.

Воропаев С. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид; Миф, 1996.

Гейден К. Путь НСДАП. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

Гинцберг Л. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М.: Вече, 2004.

Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Демиденко М. По следам СС в Тибет. СПб.: Северо-Запад, 1999.

Жиров Н. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Вече, 2004.

Жуков Д. «Вальхалла Гиммлера». История замка Вевельсбург / Тайны СС. «Черный орден» Гитлера: сборник. М.: Яуза-пресс, 2010.

Жуков Д. Оккультизм в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2006.

Жуков Д. «Оккультный Рейх». Главный миф XX века. М.: Яуза-пресс, 2009.

Жуков Д. СС и оккультные мифы // Тайны «Черного ордена СС». М.: Яуза, 2006.

Клинге А. 10 мифов о Гитлере. М.: Яуза-пресс, 2010.

Кормилицын С. Девиз на кинжале (Вопросы чести в СС) // Тайны «Черного ордена СС». М.: Яуза, 2006.

Кормилицын С. Орден СС. Иезуиты империи. О чем не принято говорить. СПб.: Питер, 2008.

Кубичек А. Фюрер, каким его не знал никто. Воспоминания лучшего друга Гитлера. 1904–1940. М.: Центрполиграф, 2009.

Лессер Й. Третий рейх. Символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2010.

Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

Мэлори Т. Смерть Артура. М.: Наука, 1974.

Мэнвэлл Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов н/Д.: Феникс, 2000.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Орлов А. «Чудо-оружие»: обманутые надежды фюрера. Смоленск: Русич, 1999.

Пенник Н. Тайные науки Гитлера: В поисках сокровенного знания древних. Новосибирск: Зов, 2006.

Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. М.: Эксмо; Яуза, 2003.

Первушин А. Оккультный Гитлер. М.: Яуза, 2006.

Пленков О. Мифы нации против мифов демократии. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1997.

Пленков О. Тайны Третьего рейха. Рай для немцев. М.: Олма Медиа Групп, 2011.

Пленков О. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005.

Пленков О. Третий рейх. Нацистское государство. СПб.: Нева, 2004.

Пленков О. Третий рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб.: Нева, 2004.

Пленков О. Триумф мифа над разумом. СПб.: Владимир Даль, 2011.

Полторак А. Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1965.

Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. Смоленск: Русич, 2002.

Равенскрофт Т. Копье судьбы. СПб.: Амфора, 2006.

Райх В. Психология масс и фашизм. М.: АСТ, 1997.

Ран О. Крестовый поход против Грааля. М.: АСТ, 2004.

Родионов В. Расовые мифы нацизма. Врага надо знать! М.: Яуза-пресс, 2010.

Родионов В. Третий рейх против христианства. Документальное исследование // Наука и религия. 2010. № 8, 9.

Роланд П. Оккультные тайны Третьего рейха. Темные силы, освобожденные нацистами. Ростов н/Д.: Феникс, 2011.

Соколов Б. Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. М.: АСТ-Пресс, 2005.

СС Адольфа Гитлера. М.: Терра, 1997.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: СВЕТОТОН, 2000.

Уильямсон Г. СС – инструмент террора. Смоленск: Русич, 1999.

Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М.: Олма-Пресс, 2004.

Хозиков В. Забытый кумир фюрера. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск.: Русич, 1999.